

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Ант. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Долодя.—Княгиня.—Бѣда.—Спать хочется.—Холодная кровь.—Скучная история—
Припадокъ.—Шампанское.—Въ ссылкѣ.—Отець.—Жена.

INSTYTUT
ZADAN LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-830 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

<http://rcin.org.pl>

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксь, Измайл. просп., № 29.

24. 113/2

В О Л О Д Я .

Въ одно изъ лѣтнихъ воскресеній, часовъ въ пять вечера, Володя, семнадцатилѣтній юноша, некрасивый, болѣзненный и робкій, сидѣлъ въ бесѣдкѣ на дачѣ у Шумихиныхъ и скучалъ. Его невеселыя мысли текли по тремъ направленіямъ. Во-первыхъ, на завтра, въ понедѣльникъ, ему предстояло держать экзамень по математикѣ; онъ зналъ, что если завтра ему не удастся рѣшить письменную задачу, то его исключать, такъ какъ сидѣлъ онъ въ шестомъ классѣ два года и имѣлъ годовую отмѣтку по алгебрѣ $2\frac{3}{4}$. Во-вторыхъ, его пребываніе у Шумихиныхъ, людей богатыхъ и претендующихъ на аристократизмъ, причиняло постоянную боль его самолюбію. Ему казалось, что м-ме Шумихина и ея племянницы глядятъ на него и его татап, какъ на бѣдныхъ родственниковъ и приживаловъ, что онѣ не уважаютъ татап и смѣются надъ ней. Разъ онъ нечаянно подслушалъ, какъ м-ме Шумихина говорила на террасѣ своей кузинѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ, что ея татап продолжаетъ еще молодиться и наводитъ на себя красоту, что она никогда не платитъ проигрыша и имѣетъ пристрастіе къ чужимъ ботинкамъ и къ чужому табаку. Каждый день Володя умолялъ татап не ѣздить къ Шумихинымъ, описывалъ ей, какую обидную роль играетъ она у этихъ господъ, убѣждалъ, говорилъ дерзости, но та, легкомысленная, избалованная, прожившая на своемъ вѣку два состоянія — свое и мужнино, всегда тяготѣвшая къ высшему обществу, не понимала его, и Володя раза два въ недѣлю долженъ былъ провожать ее на ненавистную дачу.

Въ-третьихъ, юноша ни на минуту не могъ отдѣлаться отъ страннаго, непріятнаго чувства, которое было для него совершенно ново... Ему казалось, что онъ былъ влюбленъ въ кузину и гостью Шумихиной, Анну Ѳедоровну. Это была подвижная, голосистая и смѣшливая барынька, лѣтъ тридцати, здоровая, крѣпкая, розовая, съ круглыми плечами, съ круглымъ жирнымъ подбородкомъ и съ постоянной улыбкой на тонкихъ губахъ. Она была некрасива и немолода — Володя отлично зналъ это, но почему-то онъ былъ не въ силахъ не думать о ней, не *глядѣть* на нее, когда она, играя въ крокетъ, пожимала своими круглыми плечами и двигала гладкой спиной, или же, послѣ долгаго смѣха и бѣготни по лѣстницамъ, падала въ кресло и, зажмуривъ глаза, тяжело дыша, дѣлала видъ, что ея груди тѣсно и душно. Она была замужемъ. Ея мужъ, солидный архитекторъ, разъ въ недѣлю пріѣзжалъ на дачу, отлично выспался и возвращался назадъ въ городъ. Странное чувство началось у Володи съ того, что онъ безпричинно возненавидѣлъ этого архитектора и радовался всякій разъ, когда тотъ уѣзжалъ въ городъ.

Теперь, сидя въ бесѣдкѣ и думая о завтрашнемъ экзаменѣ и о маман, надъ которой смѣются, онъ чувствовалъ сильное желаніе видѣть Нюту (такъ Шумихины называли Анну Ѳедоровну), слышать ея смѣхъ, шорохъ ея платья... Это желаніе не походило на ту чистую, поэтическую любовь, которая была знакома ему по романамъ и о которой онъ мечталъ каждый вечеръ, ложась спать; оно было странно, непонятно, онъ стыдился его и боялся, какъ чего-то очень нехорошаго и нечистаго, въ чемъ тяжело сознаваться передъ самимъ собой...

— Это не любовь,—говорилъ онъ себѣ.—Въ тридцатилѣтнихъ и замужнихъ не влюбляются... Это просто маленькая интрижка... Да, интрижка...

Думая объ интрижкѣ, онъ вспоминалъ про свою непобѣдимую робость, про отсутствіе усомъ, веснушки, узкіе глаза, ставилъ себя въ воображеніи рядомъ съ Нютюю — и эта пара казалась ему невозможной; тогда спѣшилъ онъ вообразить себя красивымъ, смѣлымъ, остроумнымъ, одѣтымъ по самой послѣдней модѣ...

Въ самый разгаръ мечтаній, когда онъ, сгорбившись и глядя въ землю, сидѣлъ въ темномъ уголкѣ бесѣдки, по-

слышались легкіе шаги. Кто-то не спѣша шелъ по аллеѣ. Скоро шаги затихли, и у входа мелькнуло что-то бѣлое.

— Есть здѣсь кто-нибудь?—спросилъ женскій голосъ.

Володя узналъ этотъ голосъ и испуганно поднялъ голову.

— Кто тутъ?—спрашивала Нюта, входя въ бесѣдку.— Ахъ, это вы, Володя? Что вы здѣсь дѣлаете? Думаете? И какъ это можно все думать, думать, думать... этакъ можно съ ума сойти!

Володя поднялся и растерянно поглядѣлъ на Нюту. Она только-что вернулась изъ купальни. На ея плечахъ висѣли простыня и мохнатое полотенце, и изъ-подъ бѣлаго шелкового платка на головѣ выглядывали мокрые волосы, прилипіе ко лбу. Отъ нея шелъ влажный, прохладный запахъ купальни и миндальнаго мыла. Отъ быстрой ходьбы она запыхалась. Верхняя пуговка ея блузы была разстегнута, такъ что юноша видѣлъ и шею, и грудь.

— Что же вы молчите?—спросила Нюта, оглядывая Володю. — Невѣжливо молчать, когда съ вами говоритъ дама. Какой вы, однако, тюлень, Володя! Вы все сидите, молчите, думаете, какъ философъ какой-нибудь. Въ васъ совсѣмъ нѣтъ жизни и огня! Противный вы, право... Въ ваши годы нужно жить, прыгать, болтать, ухаживать за женщинами, влюбляться.

Володя глядѣлъ на простыню, которую поддерживала бѣлая, пухлая рука, и думалъ...

— Молчите!—удивлялась Нюта. — Это даже странно... Послушайте, будьте мужчиной! Ну, хоть улыбнитесь! Фу! Противный философъ!—засмѣялась она.—А знаете, Володя, отчего вы такой тюлень? Оттого, что не ухаживаете за женщинами. Отчего вы не ухаживаете? Правда, здѣсь барышень нѣтъ, но вѣдь вамъ ничто не мѣшаетъ ухаживать за дамами! Отчего вы, напримѣръ, за мной не ухаживаете?

Володя слушалъ и въ тяжеломъ, напряженномъ раздумьѣ почесывалъ себѣ високъ.

— Молчать и любить уединеніе только очень гордые люди,—продолжала Нюта, отдергивая его руку отъ виска.— Вы гордецъ, Володя. Почему вы глядите исподлобья? Извольте мнѣ глядѣть прямо въ лицо! Да ну же, тюлень!

Володя рѣшилъ заговорить. Желая улыбнуться, онъ задергалъ нижней губой, замигалъ глазами и опять потянулъ руку къ виску.

— Я... я люблю васъ!—проговорилъ онъ.

Нюта удивленно подняла брови и засмѣялась.

— Что слышу я?! — загѣла она, какъ поютъ оперные пѣвцы, когда слышать что-нибудь ужасное. — Какъ? Что вы сказали? Повторите, повторите...

— Я... я люблю васъ!—повторилъ Володя.

И ужъ безъ всякаго участія своей воли, ничего не понимая и не соображая, онъ сдѣлалъ полшага къ Нютѣ и взялъ ее за руку выше кисти. Въ глазахъ его помутилось и выступили слезы, весь міръ обратился въ одно большое, мохнатое полотенце, отъ котораго пахло купальней.

— Bravo, bravo!—услышалъ онъ веселый смѣхъ.—Что же вы молчите? Миѣ хочется, чтобы вы говорили! Ну?

Видя, что ему не мѣшаютъ держать руку, Володя взглянулъ на смѣющееся лицо Нюты и неуклюже, неудобно взявъ обѣими руками ее за талію, причемъ кисти обѣихъ рукъ его сошлись на ея спинѣ. Онъ держалъ ее обѣими руками за талію, а она, закинувъ на затылокъ руки и показывая ямочки на локтяхъ, поправляла подъ платкомъ прическу и говорила покойнымъ голосомъ:

— Надо, Володя, быть ловкимъ, любезнымъ, милымъ, а такимъ можно сдѣлаться подъ вліяніемъ только женскаго общества. Однако, какое у васъ нехорошее... злое лицо. Надо говорить, смѣяться... Да, Володя, не будьте букой, вы молоды и успеете еще нафилософствоваться. Ну, пустите меня, я пойду. Пустите же!

Она безъ усилія освободила свою талію и, что-то напѣвая, вышла изъ бесѣдки. Володя остался одинъ. Онъ пригладилъ свои волосы, улыбнулся и раза три прошелся изъ угла въ уголъ, потомъ сѣлъ на скамью и улыбнулся еще разъ. Ему было невыносимо стыдно, такъ что даже онъ удивлялся, что человѣческій стыдъ можетъ достигать такой остроты и силы. Отъ стыда онъ улыбался, шепталъ какія-то несвязныя слова и жестикулировалъ.

Ему было стыдно, что съ нимъ только-что обошлись, какъ съ мальчикомъ, стыдно за свою робость, а главное за то, что онъ осмѣлился взять порядочную замужнюю женщину за талію, хотя ни по возрасту, ни по своимъ наружнымъ качествамъ, ни по общественному положенію онъ, какъ ему казалось, не имѣлъ на это никакого права.

Онъ вскочилъ, вышелъ изъ бесѣдки и, не оглядываясь, пошелъ въ глубину сада подалее отъ дома.

«Ахъ, поскорѣе бы уѣхать отсюда!—думалъ онъ, хватая себя за голову.—Боже, поскорѣе бы!»

Поѣздъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать Володя съ маман, отходилъ въ восемь часовъ сорокъ минутъ. Оставалось до поѣзда около трехъ часовъ, но онъ съ наслажде- ниемъ ушелъ бы на станцію сейчасъ же, не дожидаясь маман.

Въ восьмомъ часу онъ подходилъ къ дому. Вся его фи- гура изображала рѣшимость: что будетъ, то будетъ! Онъ рѣшился войти смѣло, глядѣть прямо, говорить громко, несмотря ни на что.

Онъ прошелъ террасу, большую залу, гостиную и оста- новился въ послѣдней, чтобы перевести духъ. Отсюда слышно было, какъ въ сосѣдней столовой пили чай. М-ме Шумихина, маман и Нюта о чемъ-то говорили и смѣялись.

Володя прислушался.

— Увѣряю васъ!—говорила Нюта.—Я своимъ глазамъ не вѣрила! Когда онъ сталъ объясняться мнѣ въ любви и даже, представьте, взялъ меня за талию, я не узнала его. И знаете, у него есть манера! Когда онъ сказалъ, что влюбленъ въ меня, то въ лицѣ у него было что-то звѣр- ское, какъ у черкеса.

— Неужели!—ахнула маман, закатываясь протяжнымъ смѣхомъ.— Неужели! Какъ онъ напоминаетъ мнѣ своего отца!

Володя побѣжалъ назадъ и выскочилъ на свѣжій воздухъ.

«И какъ онѣ могутъ говорить вслухъ объ этомъ!—му- чился онъ, всплескивая руками и съ ужасомъ глядя на небо.— Говорятъ вслухъ, хладнокровно... И маман смѣя- лась... маман! Боже мой, зачѣмъ ты далъ мнѣ такую мать? Зачѣмъ?»

Но идти въ домъ нужно было, во что бы то ни стало. Онъ раза три прошелся по аллеѣ, немного успокоился и вошелъ въ домъ.

— Что же вы не приходите во-время чай пить?—строгъ спросила м-ме Шумихина.

— Виновать, мнѣ... мнѣ пора ѣхать,—забормоталъ онъ, не поднимая глазъ.—Маман, ужъ восемь часовъ!

— Поѣзжай самъ, мой милый,—сказала томно маман:—

я остаюсь ночевать у Лили. Прощай, мой другъ... Дай я тебя перекрещу...

Она перекрестила сына и сказала по-французски, обращаясь къ Нютѣ:

— Онъ немного похожъ на Лермонтова... Не правда ли?

Кое-какъ простившись и не взглянувъ ни на чье лицо, Володя вышелъ изъ столовой. Черезъ десять минутъ онъ ужъ шагаль по дорогѣ къ станціи и былъ радъ этому. Теперь ужъ ему не было ни страшно, ни стыдно, дышалось легко и свободно.

Въ полуверстѣ отъ станціи онъ сѣлъ на камень у дороги и сталъ глядѣть на солнце, которое больше чѣмъ на половину спряталось за насыпь. На станціи ужъ кое-гдѣ зажглись огни, замелькалъ одинъ мутный, зеленый огонекъ, но поѣзда еще не было видно. Володѣ пріятно было сидѣть, не двигаться и прислушиваться къ тому, какъ мало-помалу наступалъ вечеръ. Сумракъ бесѣдки, шаги, запахъ купальни, смѣхъ и талія — все это съ поразительною ясностью предстало въ его воображеніи и все это ужъ не было такъ страшно и значительно, какъ раньше...

«Пустяки... Она не отдернула руку и смѣялась, когда я держалъ ее за талію, — думалъ онъ: — значитъ, ей это нравилось. Если бъ ей это было противно, то она разсердилась бы...»

И теперь Володѣ стало досадно, что тамъ, въ бесѣдкѣ, у него было недостаточно смѣлости. Ему стало жаль, что онъ такъ глупо уѣзжаетъ, и ужъ онъ былъ увѣренъ, что если бы тотъ случай повторился, то онъ былъ бы смѣлѣе и проще смотрѣлъ бы на вещи.

А случаю повториться не трудно. У Шумихиныхъ послѣ ужина долго гуляютъ. Если Володя пойдетъ гулять съ Нютой по темному саду, то—вотъ и случай!

«Вернусь, — думалъ онъ: — а уѣду завтра съ утреннимъ поѣздомъ... Скажу, что опоздалъ къ поѣзду».

И онъ вернулся... М-ме Шумихина, мама, Нюта и одна изъ племянницъ сидѣли на террасѣ и играли въ винтъ. Когда Володя солгалъ имъ, что опоздалъ къ поѣзду, онъ обезпокоились, какъ бы онъ завтра не опоздалъ къ экзамену, и посовѣтовали ему встать пораньше. Все время, пока онъ игралъ въ карты, онъ сидѣлъ въ сторонѣ, жадно оглядывалъ Нюту и ждалъ... Въ его головѣ ужъ готовъ

былъ планъ: онъ подойдетъ въ потемкахъ къ Нютѣ, возьметъ ее за руку, потомъ обниметъ; говорить ничего не нужно, такъ какъ обнимъ все будетъ понятно безъ разговоровъ.

Но послѣ ужина дамы не пошли гулять въ садъ и продолжали играть въ карты. Играли онѣ до часа ночи и потомъ разошлись спать.

«Какъ это все глупо! — досадовалъ Володя, ложась въ постель. — Но ничего, погожу завтрашняго дня... Завтра опять въ бесѣдкѣ. Ничего...»

Онъ не старался уснуть, а сидѣлъ въ постели, обнявъ руками колѣни, и думалъ. Мысль объ экзаменѣ была ему противна. Онъ ужъ рѣшилъ, что его исключать и что въ этомъ исключеніи нѣтъ ничего ужаснаго. Напротивъ, все очень хорошо, даже очень. Завтра онъ будетъ свободенъ, какъ птица, надѣнетъ партикулярное платье, будетъ курить явно, ѣздить сюда и ухаживать за Нютой, когда угодно; и ужъ онъ будетъ не гимназистомъ, а «молодымъ человѣкомъ». А остальное, что называется карьерой и будущимъ, такъ ясно: Володя поступитъ въ вольноопредѣляющіеся, въ телеграфисты, наконецъ, въ аптеку, гдѣ дослужится до провизора... мало ли должностей? Прошелъ часъ-другой, а онъ все сидѣлъ и думалъ...

Въ третьемъ часу, когда ужъ свѣтало, дверь осторожно скрипнула, и въ комнату вошла татап.

— Ты не спишь? — спросила она, зѣвая. — Спи, спи, я на минутку... Я только капли возьму...

— Зачѣмъ вамъ?

— У бѣдной Лили опять спазмы. Спи, дитя мое, у тебя завтра экзамень...

Она достала изъ шкапчика флаконъ съ чѣмъ-то, подошла къ окну, прочла сигнатурку и вышла.

— Марья Леонтьевна, это не тѣ капли! — услышалъ черезъ минуту Володя женскій голосъ. — Это ландышъ, а Лили проситъ морфинъ. Вашъ сынъ спитъ? Попросите его, чтобы онъ отыскалъ...

Это былъ голосъ Нюты. Володя похолодѣлъ. Онъ быстро надѣлъ брюки, накинулъ на плечи шинель и пошелъ къ двери.

— Понимаете? Морфинъ! — объяснила шопотомъ Нюта. —

Тамъ должно быть написано по-латыни. Разбудите Володю, онъ найдетъ...

Мама открыла дверь, и Володя увидѣлъ Нюту. Она была въ той же самой блузѣ, въ какой ходила купаться. Волосы ея были не причесаны, разбросаны по плечамъ, лицо заспанное, смуглое отъ сумерекъ...

— Вотъ Володя не спитъ...—сказала она.—Володя, поищите, голубчикъ, въ шкапѣ морфинъ! Наказаніе съ этой Дили... Вѣчно у нея что-нибудь.

Мама что-то пробормотала, зѣвнула и ушла.

— Ищите же,—сказала Нюта.—Что стоите?

Володя пошелъ къ шкапчику, присѣлъ на колѣни и сталъ перебирать флаконы и коробки съ лѣкарствами. Руки у него дрожали, а въ груди и въ животѣ было такое ощущеніе, какъ будто по всѣмъ его внутренностямъ бѣгали холодныя волны. Отъ запаха ээира, карболовой кислоты и разныхъ травъ, за которыя онъ безъ всякой надобности хватался дрожащими руками и которыя разсыпались отъ этого, ему было душно и кружилась голова.

«Кажется, мама ушла, — думалъ онъ. — Это хорошо... хорошо...»

— Скоро же?—спросила протяжно Нюта.

— Сейчасъ... Вотъ это, кажется, морфинъ...—сказалъ Володя, прочитавъ на одной изъ сигнатуръ слово «morph...»—Извольте!

Нюта стояла въ дверяхъ такъ, что одна нога ея была въ коридорѣ, а другая въ его комнатѣ. Она поправляла свои волосы, которые трудно было поправить — такъ они были густы и длинны! — и разсѣянно глядѣла на Володю. Въ просторной блузѣ, заспанная, съ распущенными волосами, при томъ скудномъ свѣтѣ, какой шелъ въ комнату отъ бѣлаго, но еще не освѣщеннаго солнцемъ неба, она показалась Володѣ обаятельной, роскошной... Очарованный, дрожа всѣмъ тѣломъ и съ наслажденіемъ вспоминая о томъ, какъ онъ обнималъ это чудное тѣло въ бесѣдкѣ, онъ подалъ ей капли и сказалъ:

— Какая вы...

— Что?

Она вошла въ комнату.

— Что?—спросила она, улыбаясь.

Онъ молчалъ и смотрѣлъ на нее, потомъ, какъ тогда въ

бесѣдкѣ, взявъ за руку... А она смотрѣла на него, улыбалась и ждала: что будетъ дальше?

— Я васъ люблю...—прошептала онъ.

Она перестала улыбаться, подумала и сказала:

— Погодите, кажется, кто-то идетъ. Охъ, ужъ эти мнѣ гимназисты!—говорила она вполголоса, идя къ двери и выглядывая въ коридоръ.—Нѣтъ, никого не видно...

Она вернулась...

Затѣмъ Володѣ показалось, что комната, Нюта, разсвѣтъ и самъ онъ — все слилось въ одно опущеніе остраго, необыкновеннаго, небывалаго счастья, за которое можно отдать всю жизнь и пойти на вѣчную муку, но прошло полминуты, и все это вдругъ исчезло. Володя видѣлъ одно только полное, некрасивое лицо, искаженное выраженіемъ гадливости, и самъ вдругъ почувствовалъ отвращеніе къ тому, что произошло.

— Однако мнѣ нужно уходить,—сказала Нюта, брезгливо оглядывая Володю.—Какой некрасивый, жалкій... фии, гадкій утенокъ!

Какъ теперь Володѣ казались безобразны ея длинные волосы, просторная блуза, ея шаги, голосъ!..

«Гадкій утенокъ... — думалъ онъ послѣ того, какъ она ушла.—Въ самомъ дѣлѣ я гадокъ... Все гадко».

На дворѣ ужъ восходило солнце, громко пѣли птицы; слышно было, какъ въ саду шагала садовникъ и какъ скрипѣла его тачка... А немного погодя послышалось мычанье коровъ и звуки пастушеской свирѣли. Солнечный свѣтъ и звуки говорили, что гдѣ-то на этомъ свѣтѣ есть жизнь чистая, изящная, поэтическая. Но гдѣ она? О ней никогда не говорили Володѣ ни татап, ни всѣ тѣ люди, которые окружали его.

Когда лакей будилъ его къ утреннему поѣзду, онъ представлялся спящимъ...

«Ну его, все къ чорту!»—думалъ онъ.

Всталъ онъ съ постели въ одиннадцатомъ часу. Причесываясь передъ зеркаломъ и глядя на свое некрасивое, блѣдное отъ безсонной ночи лицо, онъ подумалъ:

«Совершенно вѣрно... Гадкій утенокъ».

Когда татап увидѣла его и ужаснулась, что онъ не на экзаменѣ, Володя сказалъ

— Я проспалъ, татап... Но вы не беспокойтесь, я представлю медицинское свидѣтельство.

М-ме Шумихина и Нюта проснулись въ первомъ часу. Володя слышалъ, какъ проснувшаяся м-ме Шумихина со звономъ открыла у себя окно, какъ на ея грубый голосъ отвѣтила Нюта раскатистымъ смѣхомъ. Онъ видѣлъ, какъ отворилась дверь и изъ гостиной потянулась къ завтраку вереница племянницъ и приживалокъ (въ толпѣ послѣднихъ была и татап), какъ замелькало умытое, смѣющееся лицо Нюты, а рядомъ съ ея лицомъ черныя брови и борода только-что прѣхавшаго архитектора.

Нюта была въ малороссійскомъ костюмѣ, который со-всѣмъ не шелъ къ ней и дѣлалъ ее неуклюжею; архитекторъ острялъ пошло и плоско; въ котлетахъ, что подавали за завтракомъ, было очень много луку—такъ казалось Володѣ. Ему также казалось, что Нюта нарочно громко хохотала и поглядывала въ его сторону, чтобы этимъ дать понять ему, что воспоминаніе о ночи нисколько не беспокоитъ ея и что она не замѣчаетъ присутствія за столомъ гадкаго утенка.

Въ четвертомъ часу Володя ѣхалъ съ татап на станцію. Грязныя воспоминанія, бессонная ночь, предстоящее исключеніе изъ гимназіи, угрызенія совѣсти—все это возбуждало въ немъ теперь тяжелую, мрачную злобу. Онъ глядѣлъ на тощій профиль татап, на ея маленькій носикъ, на ватерпруффъ, подаренный ей Нютою, и бормоталъ:

— Зачѣмъ вы пудритесь? Это не пристало въ ваши годы! Вы наводите на себя красоту, не платите проигрыша, курите чужой табакъ... противно! Я васъ не люблю... не люблю!

Онъ оскорблялъ ее, а она испуганно поводила своимъ глазками, всплескивала ручками и шептала въ ужасѣ:

— Что ты, другъ мой? Боже мой, кучеръ услышитъ! За-молчи, а то кучеръ услышитъ! Ему все слышно!

— Не люблю... не люблю!—продолжалъ онъ, задыхаясь.— Вы безнравственная, бездушная... Не смѣйте носить этого ватерпруфа! Слышите? А то я изорву его въ клочки...

— Опомнись, дитя мое! — заплакала татап. — Кучеръ услышитъ!

— А гдѣ состояніе моего отца? Гдѣ ваши деньги? Вы все промотали! Мнѣ не стыдно своей бѣдности, но стыдно, что у меня такая мать... Когда мои товарищи спрашиваютъ о васъ, я всегда краснѣю.

На поѣздѣ пришлось ѣхать до города двѣ станціи. Все время Володя стоялъ на площадкѣ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Ему не хотѣлось входить въ вагонъ, такъ какъ тамъ сидѣла мать, которую онъ ненавидѣлъ. Ненавидѣлъ онъ самого себя, кондукторовъ, дымъ отъ паровоза, холодъ, которому приписывалъ свою дрожь... И чѣмъ тяжелѣе становилось у него на душѣ, тѣмъ сильнѣе онъ чувствовалъ, что гдѣ-то на этомъ свѣтѣ, у какихъ-то людей есть жизнь чистая, благородная, теплая, изящная, полная любви, ласкъ, веселья, раздолья... Онъ чувствовалъ это и тосковалъ такъ сильно, что даже одинъ пассажиръ, пристально поглядѣвъ ему въ лицо, спросилъ:

— Вѣроятно, у васъ зубы болятъ?

Въ городѣ татап и Володя жили у Марьи Петровны, дамы-дворянки, которая нанимала большую квартиру и отъ себя сдавала ее жильцамъ. Матап нанимала двѣ комнаты: въ одной съ окнами, гдѣ стояла ея кровать и висѣли на стѣнахъ двѣ картины въ золотыхъ рамахъ, жила она сама, а въ другой, смежной, маленькой и темной, жилъ Володя. Тутъ стоялъ диванъ, на которомъ онъ спалъ, и кромѣ этого дивана не было никакой другой мебели: вся комната была занята плетеными корзинами съ платьемъ, картонками отъ шляпъ и всякимъ хламомъ, который для чего-то берегла татап. Уроки приготовлялъ Володя въ комнатѣ матери или въ «общей» — такъ называлась большая комната, куда всѣ жильцы сходились во время обѣда и по вечерамъ.

Вернувшись домой, онъ легъ на диванъ и укрылся одѣяломъ, чтобы унять дрожь. Картонки отъ шляпъ, плетенки и хламъ напомнили ему, что у него нѣтъ своей комнаты, нѣтъ пріюта, гдѣ бы онъ могъ спрятаться отъ татап, отъ ея гостей и отъ голосовъ, которые доносились теперь изъ «общей»; ранецъ и книги, разбросанныя по угламъ, напомнили ему объ экзаменѣ, на которомъ онъ не былъ... Почему-то совсѣмъ некстати пришла ему на память Ментона, гдѣ онъ жилъ со своимъ покойнымъ отцомъ, когда былъ семи лѣтъ; припомнились ему Біаррицъ и двѣ дѣвочки-англичанки, съ которыми онъ бѣгалъ по песку... Захотѣлось возобновить въ памяти цвѣтъ неба и океана, высоту волнъ и свое тогдашнее настроеніе, но это не удалось ему, дѣвочки-англичанки промелькнули въ воображеніи, какъ живыя, все же остальное смѣшалось, беспорядочно расплылось...

«Нѣтъ, здѣсь холодно»,—подумалъ Володя, всталъ, надѣлъ шинель и пошелъ въ «общую».

Въ «общей» пили чай. За самоваромъ сидѣли трое: татап, учительница музыки, старушка въ черепаховомъ *rinsepez* и Августинъ Михайловичъ, пожилой, очень толстый французъ, служившій на парфюмерной фабрикѣ.

— Я сегодня не обѣдала,—говорила татап.—Надо бы горничную послать за хлѣбомъ.

— Дуняшъ!—крикнулъ французъ.

Оказалось, что горничную услала куда-то хозяйка.

— О, это ничего не означаетъ,—сказалъ французъ, широко улыбаясь.—Я сейчасъ самъ схожу за хлѣбомъ. О, это ничего!

Онъ положилъ свою крѣпкую, вонючую сигару на видное мѣсто, надѣлъ шляпу и вышелъ. По уходѣ его, татап стала рассказывать учительницѣ музыкѣ о томъ, какъ она гостила у Шумихиныхъ и какъ хорошо ее тамъ принимали.

— Вѣдь Лили Шумихина моя родственница...—говорила она.—Ея покойный мужъ, генералъ Шумихинъ, приходится кузеномъ моему мужу. А сама она урожденная баронесса Кольбъ...

— Татап, это неправда!—сказалъ раздраженно Володя.—Зачѣмъ лгать?

Онъ зналъ отлично, что татап говоритъ правду; въ ея рассказѣ о генералѣ Шумихинѣ и урожденной баронессѣ Кольбъ не было ни одного слова лжи, но тѣмъ не менѣе, все-таки онъ чувствовалъ, что она лжетъ. Ложь чувствовалась въ ея манерѣ говорить, въ выраженіи лица, во взглядѣ, во всемъ.

— Вы лжете! — повторилъ Володя и ударилъ кулакомъ по столу съ такой силой, что задрожала вся посуда и у татап расплескался чай.—Для чего вы рассказываете про генераловъ и баронессъ? Все это ложь!

Учительница музыки растерялась и закашляла въ платокъ, дѣлая видъ, что она поперхнулась, а татап заплакала.

«Куда уйти?»—подумалъ Володя.

На улицѣ онъ ужъ былъ; къ товарищамъ идти стыдно. Опять некстати припомнились ему двѣ дѣвочки-англичанки... Онъ прошелся изъ угла въ уголъ по «общей» и вошелъ въ

комнату Августина Михайлыча. Тутъ сильно пахло эфирными маслами и глицериновымъ мыломъ. На столѣ, на окнахъ и даже на стульяхъ стояло множество флаконовъ, стаканчиковъ и рюмокъ съ разноцвѣтными жидкостями. Володя взялъ со стола газету, развернулъ ее и прочелъ заглавіе: «Figaro»... Газета издавала какой-то сильный и приятный запахъ. Потомъ онъ взялъ со стола револьверъ...

— Полноте, не обращайтесь вниманія! — утѣшала въ сѣдней комнатѣ учительница музыки маман. — Онъ еще такъ молодъ! Въ его годы молодые люди всегда позволяютъ себѣ лишнее. Съ этимъ надо мириться.

— Нѣтъ, Евгенія Андреевна, онъ слишкомъ испорченъ! — говорила маман нараспѣвъ. — Надъ нимъ нѣтъ старшаго, а я слаба и ничего не могу сдѣлать. Нѣтъ, я несчастна!

Володя вложилъ дуло револьвера въ ротъ, нащупалъ что-то похожее на курокъ или собачку и надавилъ пальцемъ... Потомъ нащупалъ еще какой-то выступъ и еще разъ надавилъ. Вынувъ дуло изъ рта, онъ вытеръ его о полу шинели, оглядѣлъ замокъ; раньше онъ никогда въ жизни не бралъ въ руки оружія...

— Кажется, это надо поднять...—соображалъ онъ.—Да, кажется...

Въ «общую» вошелъ Августинъ Михайлычъ и, хохоча, сталъ рассказывать о чемъ-то. Володя опять вложилъ дуло въ ротъ, сжалъ его зубами и надавилъ что-то пальцемъ. Раздался выстрѣлъ... Что-то съ страшною силою ударило Володю по затылку, и онъ упалъ на столъ, лицомъ прямо въ рюмки и во флаконы. Загѣмъ онъ увидѣлъ, какъ его покойный отецъ въ цилиндрѣ съ широкой, черной лентой, носившій въ Ментонѣ трауръ по какой-то дамѣ, вдругъ охватилъ его обѣими руками, и оба они полетѣли въ какую-то очень темную, глубокую пропасть.

Потомъ все смѣшалось и исчезло...

КНЯГИНЯ.

Въ большія, такъ-называемыя «Красныя» ворота N—скаго мужского монастыря вѣхала коляска, залoженная въ четверку сытыхъ, красивыхъ лошадей; іеромонахи и послушники, стоявшіе толпой около дворянской половины гостиннаго корпуса, еще издали по кучеру и по лошадямъ узнали въ дамѣ, которая сидѣла въ коляскѣ, свою хорошую знакомую, княгиню Вѣру Гавриловну.

Старикъ въ ливреѣ прыгнулъ съ козелъ и помогъ княгинѣ выйти изъ экипажа. Она подняла темную вуаль и не спѣша подошла ко всѣмъ іеромонахамъ подѣ благословеніе, потомъ ласково кивнула послушникамъ и направилась въ покой.

— Что, соскучились безъ своей княгини?—говорила она монахамъ, вносившимъ ея вещи.—Я у васъ цѣлый мѣсяць не была. Ну, вотъ пріѣхала, глядите на свою княгиню. А гдѣ отецъ архимандритъ? Боже мой, я сгораю отъ нетерпѣнія! Чудный, чудный старикъ! Вы должны гордиться, что у васъ такой архимандритъ.

Когда вошелъ архимандритъ, княгиня восторженно вскрикнула, скрестила на груди руки и подошла къ нему подѣ благословеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ! Дайте мнѣ подцѣловаты! — сказала она, хватая его за руку и жадно цѣлуя ее три раза.—Какъ я рада, святой отецъ, что наконецъ вижу васъ! Вы, небось, забыли свою княгиню, а я каждую минуту мысленно жила въ вашемъ миломъ монастырѣ. Какъ у васъ здѣсь хорошо! Въ этой жизни для Бога, вдали отъ суетнаго міра, есть

какая-то особая прелесть, святой отецъ, которую я чувствую всей душой. но передать на словахъ не могу!

У княгини покраснѣли щеки и навернулись слезы. Говорила она безъ умолку, горячо, а архимандритъ, старикъ лѣтъ 70, серьезный, некрасивый и застѣнчивый, молчалъ, лишь изрѣдка говорилъ срывисто и по-военному:

— Такъ точно, ~~даже~~ сѣятельство... слушаю-сь... понимаю-сь...

— Надолго изволили пожаловать къ намъ?—спросилъ онъ.

— Сегодня я переиочую у васъ, а завтра поѣду къ Клавдіи Николаевнѣ—давно ужъ мы съ ней не видались, а послѣзавтра опять къ вамъ и проживу дня три-четыре. Хочу у васъ здѣсь отдохнуть душой, святой отецъ...

Княгиня любила бывать въ N—скомъ монастырѣ. Въ послѣдніе два года она облюбовала это мѣсто и прѣзжала сюда почти каждый лѣтній мѣсяць и жила дня по два, по три, а иногда и по недѣлѣ. Робкіе послушники, тишина, низкіе потолоки, запахъ кипариса, скромная закуска, дешевыя занавѣски на окнахъ — все это трогало ее, умиляло и располагало къ созерцанію и хорошимъ мыслямъ. Достаточно ей было побыть въ покояхъ полчаса, какъ ей начинало казаться, что она тоже робка и скромна, что и отъ нея пахнетъ кинарисомъ: прошлое уходило куда-то вдаль, теряло свою цѣну, и княгиня начинала думать, что, несмотря на свои 29 лѣтъ, она очень похожа на стараго архимандрита и такъ же, какъ онъ, рождена не для богатства, не для земного величія и любви, а для жизни тихой, скрытой отъ міра, сумеречной, какъ покой...

Бываетъ такъ, что въ темную келію постника, погруженнаго въ молитву, вдругъ нечаянно заглянетъ лучъ, или сядетъ у окна келіи птичка и запоетъ свою пѣсню; суровый постникъ невольно улыбнется, и въ его груди изъ-подъ тяжелой скорби о грѣхахъ, какъ изъ-подъ камня, вдругъ полетѣтъ ручьемъ тихая, безгрѣшная радость. Княгинѣ казалось, что она приносила съ собою извнѣ точно такое же утѣшеніе, какъ лучъ или птичка. Ея привѣтливая, веселая улыбка, кроткій взглядъ, голосъ, шутки, вообще вся она, маленькая, хорошо сложенная, одѣтая въ простое черное платье, своимъ появленіемъ должна была возбуждать въ простыхъ, суровыхъ людяхъ чувство умило-

нія и радости. Каждый, глядя на нее, долженъ былъ думать: «Богъ послалъ намъ ангела»... И чувствуя, что каждый невольно думаетъ это, она улыбалась еще привѣтливѣе и старалась походить на птичку.

Напившись чаю и отдохнувъ, она вышла погулять. Солнце уже сѣло. Отъ монастырскаго цвѣтника повѣяло на княгиню душистой влагой только что политой резеды, изъ церкви донеслось тихое пѣніе мужскихъ голосовъ, которое издали казалось очень пріятнымъ и грустнымъ. Шла всеночная. Въ темныхъ окнахъ, гдѣ кротко мерцали лампадные огоньки, въ тѣняхъ, въ фигурѣ старика монаха, сидѣвшаго на паперти около образа съ кружкой, было написано столько безмятежнаго покоя, что княгинѣ почему-то захотѣлось плакать...

А за воротами, на аллеѣ между стѣной и березами, гдѣ стоятъ скамьи, былъ уже совсѣмъ вечеръ. Воздухъ темнѣлъ быстро, быстро... Княгиня прошла по аллеѣ, сѣла на скамью и задумалась.

Она думала о томъ, что хорошо бы поселиться на всю жизнь въ этомъ монастырѣ, гдѣ жизнь тиха и безмятежна, какъ лѣтній вечеръ; хорошо бы позабыть совсѣмъ о неблагодарномъ, распутномъ князѣ, о своемъ громадномъ состояніи, о кредиторахъ, которые безпокоятъ ее каждый день, о своихъ несчастьяхъ, о горничной Дашѣ, у которой сегодня утромъ было дерзкое выраженіе лица. Хорошо бы всю жизнь сидѣть здѣсь на скамьѣ и сквозь стволы березъ смотрѣть, какъ внизу подъ горой ключьями бродитъ вечерній туманъ, какъ далеко-далеко надъ лѣсомъ чернымъ облакомъ, похожимъ на вуаль, летятъ на ночлегъ грачи, какъ два послушника — одинъ верхомъ на пѣгой лошади, другой пѣшкомъ — гонять лошадей на ночное и, обрадовавшись свободѣ, шалить, какъ малыя дѣти; ихъ молодые голоса звонко раздаются въ неподвижномъ воздухѣ, и можно разобрать каждое слово. Хорошо сидѣть и прислушиваться къ тишинѣ: то вѣтеръ подуетъ и тронетъ верхушки березъ, то лягушка зашелеститъ въ прошлогодней листвѣ, то за стѣною колокольные часы пробьютъ четверть... Сидѣть бы неподвижно, слушать и думать, думать, думать...

Мимо прошла старуха съ котомкой. Княгиня подумала что хорошо бы остановить эту старуху и сказать ей что

либудь ласковое, задушевное, помочь ей... Но старуха ни разу не оглянулась и повернула за уголъ.

Немного погодя, на аллеѣ показался высокій мужчина, съ сѣдой бородой и въ соломенной шляпѣ. Поровнявшись съ княгиней, онъ снялъ шляпу и поклонился, и по его большой лысинѣ и острому, горбатому носу княгиня узнала въ немъ доктора Михаила Ивановича, который, лѣтъ пять тому назадъ, служилъ у нея въ Дубовкахъ. Она вспомнила, что кто-то ей говорилъ, что въ прошломъ году у этого доктора умерла жена, и ей захотѣлось посочувствовать ему, утѣшить.

— Докторъ, вы, вѣроятно, меня не узнаете? — спросила она, привѣтливо улыбаясь.

— Нѣтъ, княгиня, узналъ, — сказалъ докторъ, снимая еще разъ шляпу.

— Ну, спасибо, а то я думала, что и вы забыли свою княгиню. Люди помнятъ только своихъ враговъ, а друзей забываютъ. И вы пріѣхали помолиться?

— Я здѣсь каждую субботу ночую, по обязанности. И гутъ лѣчу.

— Ну, какъ поживаете? — спросила княгиня, вздыхая. — Я слышала, у васъ скончалась супруга! Какое несчастье!

— Да, княгиня, для меня это большое несчастье.

— Что дѣлать! Мы должны съ покорностью переносить несчастья. Безъ воли Провидѣнія ни одинъ волосъ не падаетъ съ головы человѣка.

— Да, княгиня.

На привѣтливую, кроткую улыбку княгини и ея вздохи докторъ отвѣчалъ холодно и сухо: «Да, княгиня». И выраженіе лица у него было холодное, сухое.

«Что бы еще такое сказать ему?» — подумала княгиня.

— Сколько времени мы съ вами не видѣлись, однако! — сказала она. — Пять лѣтъ! За это время сколько воды въ море утекло, сколько произошло перемѣнъ, даже подумать страшно! Вы знаете, я замужъ вышла... изъ графини стала княгиней. И уже успѣла разойтись съ мужемъ.

— Да, я слышалъ.

— Много Богъ послалъ мнѣ испытаній! Вы, вѣроятно, тоже слышали, я почти разорена. За долги моего несчастнаго мужа продали у меня Дубовки, и Кирьяково, и Софьино. Остались у меня только Бараново да Михаль-

цево. Страшно оглянуться назадъ: сколько перемѣнъ, несчастій разныхъ, сколько ошибокъ!

— Да, княгиня, много ошибокъ.

Княгиня немного смутилась. Она знала свои ошибки; всё онѣ были до такой степени интимны, что только одна она могла думать и говорить о нихъ. Она не удержалась и спросила:

— Вы про какія ошибки думаете?

— Вы упомянули о нихъ, стало-быть, знаете... — отвѣтил докторъ и усмѣхнулся. — Что жъ о нихъ говорить!

— Нѣтъ, скажите, докторъ. Я буду вамъ очень благодарна! И, пожалуйста, не церемоньтесь со мной. Я люблю слушать правду.

— Я вамъ не судья, княгиня.

— Не судья? Какимъ вы тономъ говорите! Значить, знаете что-то. Скажите!

— Если желаете, то извольте. Только, къ сожалѣнію, я не умѣю говорить и меня не всегда можно понять.

Докторъ подумалъ и началъ:

— Ошибокъ много, но собственно главная изъ нихъ, по моему мнѣнію, это общій духъ, которымъ... который царилъ во всѣхъ вашихъ имѣніяхъ. Видите, я не умѣю выражаться. То-есть главное — это нелюбовь, отвращеніе къ людямъ, какое чувствовалось положительно во всемъ. На этомъ отвращеніи у васъ была построена вся система жизни. Отвращеніе къ человѣческому голосу, къ лицамъ, къ затылкамъ, шагамъ... однимъ словомъ, ко всему, что составляетъ человѣка. У всѣхъ дверей и на лѣстницахъ стоятъ сытые, грубые и лѣнныя гайдуки въ ливреяхъ, чтобъ не пускать въ домъ неприлично одѣтыхъ людей; въ передней стоятъ стулья съ высокими спинками, чтобъ во время баловъ и пріемовъ лакеи не пачкали затылками обоевъ на стѣнахъ; во всѣхъ комнатахъ шаршавые ковры, чтобъ не было слышно человѣческихъ шаговъ; каждаго входящаго обязательно предупреждаютъ, чтобы онъ говорилъ потише и поменьше и чтобъ не говорилъ того, что можетъ дурно повліять на воображеніе и нервы. А въ вашемъ кабинетѣ не подають человѣку руки и не просятъ его садиться, точно такъ, какъ сейчасъ вы не подали мнѣ руки и не пригласили сѣсть...

— Извольте, если хотите! — сказала княгиня, протяги-

вая руку и улыбаясь. — Право, сердиться изъ-за такого пустяка...

— Да развѣ я сержусь? — засмѣялся докторъ, но тотчасъ же вспыхнулъ, снялъ шляпу и, размахивая ею, заговорилъ горячо:—откровенно говоря, я давно уже ждалъ случая, чтобъ сказать вамъ все, все... То-есть я хочу сказать, что вы глядите на всѣхъ людей по-наполеоновски, какъ на мясо для пушекъ. Но у Наполеона была хоть какая-нибудь идея, а у васъ, кромѣ отвращенія, ничего!

— У меня отвращеніе къ людямъ!—улыбалась княгиня, пожимая въ изумленіи плечами.—У меня!

— Да, у васъ! Вамъ нужно фактовъ? Извольте! Въ Михальцевѣ у васъ живутъ милостыней три бывшихъ вашихъ повара, которые ослѣбли въ вашихъ кухняхъ отъ печного жара. Все, что есть на десяткахъ тысячъ вашихъ десятинъ здороваго, сильнаго и красиваго, все взято вами и вашими прихлебателями въ гайдуки, лакеи, въ кучера. Все это двуногое живье воспиталось въ лакействѣ, обѣдось, огрубѣло, потеряло образъ и подобіе, однимъ словомъ... Молодыхъ медиковъ, агрономовъ, учителей, вообще интеллигентныхъ работниковъ, Боже мой, отрываютъ отъ дѣла, отъ честнаго труда и заставляютъ изъ-за куска хлѣба участвовать въ разныхъ кукольныхъ комедіяхъ, отъ которыхъ стыдно дѣлается всякому порядочному человѣку! Иной молодой человѣкъ не прослужитъ и трехъ лѣтъ, какъ становится лицемеромъ, подлиналой, ябедникомъ... Хорошо это? Ваши управляющіе-поляки, эти подлые шпіоны, всѣ эти Казиміры и Каэтаны рыщутъ отъ утра до ночи по десяткамъ тысячъ десятинъ и въ угоду вамъ стараются содрать съ одного вола три шкуры. Позвольте, я выражаюсь безъ системы, но это ничего! Простой народъ у васъ не считаютъ людьми. Да и тѣхъ князей, графовъ и архіереевъ, которые пріѣзжали къ вамъ, вы признавали только какъ декорацию, а не какъ живыхъ людей. Но главное... главное, что меня больше всего возмущаетъ, — имѣть больше милліона состоянія и ничего не сдѣлать для людей, ничего!

Княгиня сидѣла удивленная, испуганная, обиженная, не зная, что сказать и какъ держать себя. Никогда раньше съ нею не говорили такимъ тономъ. Непріятный, сердитый голосъ доктора и его неуклюжая, занкающая рѣчь производили въ ея ушахъ и головѣ рѣзкій, стучащій шумъ,

потомъ же ей стало казаться, что жестикулирующій докторъ бьетъ ее своею шляпой по головѣ.

— Неправда!—выговорила она тихо и умоляющимъ голосомъ. — Для людей я много хорошаго сдѣлала, это вы сами знаете!

— Да полноте! — крикнулъ докторъ. — Неужели вы еще продолжаете считать вашу благотворительную дѣятельность чѣмъ-то серьезнымъ и полезнымъ, а не кукольной комедіей? Вѣдь то была комедія отъ начала до конца, то была игра въ любовь къ ближнему, самая откровенная игра, которую понимали даже дѣти и глупыя бабы! Взять хоть этотъ вашъ — какъ его? — страннопримный домъ для безродныхъ старухъ, въ которомъ меня вы заставили быть чѣмъ-то въ родѣ главнаго доктора, а сами были почетной опекуницей. О, Господи Боже нашъ, что за учрежденіе милое! Построили домъ съ паркетными полами и съ флюгеромъ на крышѣ, собрали въ деревняхъ съ десятокъ старухъ и заставили ихъ спать подъ байковыми одѣялами, на простыняхъ изъ голландскаго полотна и кушать леденцы.

Докторъ злорадно прыснулъ въ шляпу и продолжалъ быстро и заикаясь:

— Была игра! Низшіе пріютскіе чины прячутъ одѣяла и простыни подъ замокъ, чтобы старухи не пачкали — пусть спятъ, чортовы перечницы, на полу! Старуха не смѣетъ ни на кровать сѣсть, ни кофту надѣть, ни по гладкому паркету пройти. Все сохранялось для парада и пряталось отъ старухъ, какъ отъ воровъ, а старухи потихоньку кормились и одѣвались Христа ради. и денно, и ночью молили Бога, чтобъ поскорѣе уйти изъ-подъ ареста и отъ душеспасительныхъ назиданій сытыхъ подлецовъ, которымъ вы поручили надзоръ за старухами. А высшіе чины что дѣлали? Это просто восхитительно! Этакъ, раза два въ недѣлю, вечеромъ, скачутъ тридцать пять тысячъ курьеровъ и объявляютъ, что завтра княгиня, то-есть вы, будете въ пріютѣ. Это значитъ, что завтра нужно бросать больныхъ, одѣваться и ѣхать на парадъ. Хорошо, пріѣзжаю. Старухи во всемъ чистомъ и новомъ уже выстроены въ рядъ и ждутъ. Около нихъ ходитъ отставная гарнизонная крыса — смотритель, со своей сладенькой, ябеднической улыбочкой. Старухи зѣваютъ и переглядываются, но роштать боятся. Ждемъ. Скачетъ младшій управляющій.

Черезъ полчаса послѣ него старшій управляющій, потомъ главноуправляющій конторой экономин, потомъ еще кто-нибудь и еще кто-нибудь... скачуть безъ конца! У всѣхъ таинственныя, торжественныя лица. Ждемъ, ждемъ, перемѣняемся съ ноги на ногу, посматриваемъ на часы—все это въ гробовомъ молчаніи, потому что всѣ мы ненавидимъ другъ друга и на ножахъ. Проходитъ часъ, другой, и вотъ, наконецъ, показывается вдали коляска и... и...

Докторъ залезъ тонкимъ смѣхомъ и выговорилъ тоненькимъ голоскомъ:

— Вы выходите изъ коляски, и старыя вѣдьмы по командѣ гарнизонной крысы начинаютъ пѣть:—«Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ, не можетъ изъяснить языкъ»... Недурно?

Докторъ захохоталъ басомъ и махнулъ рукой, какъ бы желая показать, что отъ смѣха онъ не можетъ выговорить ни одного слова. Смѣялся онъ тяжело, рѣзко, съ крѣпко стиснутыми зубами, какъ смѣются недобрые люди. и по его голосу, лицу и блестящимъ, немножко наглымъ глазамъ можно быдо понять, что онъ глубоко презиралъ и княгиню, и пріютъ, и старухъ. Во всемъ, что онъ такъ неумѣло и грубо разсказалъ, не было ничего смѣшного и веселаго, но хохоталъ онъ съ удовольствіемъ и даже съ радостью.

— А инкола?—продолжалъ онъ, тяжело дыша отъ смѣха.— Помните, какъ вы пожелали сами учить мужицкихъ дѣтей? Должно-быть, очень хорошо учили, потому что скоро всѣ мальчишки разбѣжались, такъ что потомъ пришлось пороть ихъ и нанимать за деньги, чтобъ они ходили къ вамъ. А помните, какъ вы пожелали собственноручно кормить соской грудныхъ младенцевъ, матери которыхъ работаютъ въ полѣ? Вы ходили по деревнѣ и плакали, что младенцевъ этихъ нѣтъ къ вашимъ услугамъ—всѣ матери брали ихъ съ собой въ поле. Потомъ староста приказалъ матерямъ по-очереди оставлять своихъ младенцевъ вамъ на потѣху. Удивительное дѣло! Всѣ бѣжали отъ вашихъ благодѣяній, какъ мыши отъ кота! А почему это? Очень просто! Не оттого, что народъ у насъ невѣжественный и неблагодарный, какъ вы объясняли всегда, а оттого, что во всѣхъ вашихъ затѣяхъ, извините меня за выраженіе, не было ни на одинъ грошъ любви и милосердія! Было одно только желаніе забавляться живыми куклами и ничего другого... Кто не умѣетъ отличать людей отъ бодонокъ, тотъ не долженъ заниматься бла-

готвореніемъ. Увѣряю васъ, между людьми и болонками — большая разница!

У книгини страшно билось сердце, въ ухахъ у нея стучало и все еще ей казалось, что докторъ долбитъ ее своею шляпой по головѣ. Докторъ говорилъ быстро, горячо и некрасиво, съ заиканьемъ и съ излишней жестикуляціей; для нея было только понятно, что съ нею говорить грубый, невоспитанный, злой, неблагодарный человѣкъ, но чего онъ хочетъ отъ нея и о чемъ говорить — она не понимала.

— Уйдите! — сказала она плачущимъ голосомъ, поднимая вверхъ руки, чтобы заслонить свою голову отъ докторской шляпы. — Уйдите!

— А какъ вы обращаетесь со своими служащими! — продолжалъ возмущаться докторъ. — Вы ихъ за людей не считаете и третируете, какъ послѣднихъ мошенниковъ. Напримѣръ, позвольте васъ спросить, за что вы меня уволили? Служилъ десять лѣтъ вашему отцу, потомъ вамъ честно, не зная ни праздниковъ, ни отпусковъ, заслужилъ любовь всѣхъ на сто верстъ кругомъ, и вдругъ въ одинъ прекрасный день мнѣ объявляютъ, что я уже не служу! За что? До сихъ поръ не понимаю! Я докторъ медицины, дворянинъ, студентъ московскаго университета, отецъ семейства, такая мелкая и ничтожная сошка, что меня можно выгнать въ шею безъ объясненія причинъ! Зачѣмъ со мной церемониться? Я слышалъ потомъ, что жена, безъ моего вѣдома, тайкомъ ходила къ вамъ раза три просить за меня и вы ее не приняли ни разу. Говорятъ, плакала въ передней. И я этого никогда не прощу ей, покойницѣ! Никогда!

Докторъ замолчалъ и стиснулъ зубы, напряженно придумывая, что бы еще такое сказать очень неприятное, мстительное. Онъ что-то вспомнилъ, и нахмуренное, холодное лицо его вдругъ просіяло.

— Взять хоть бы ваши отношенія къ этому монастырю! — заговорилъ онъ съ жадностью. — Вы никогда никого не щадили и, чѣмъ святѣе мѣсто, тѣмъ больше шансовъ, что ему достанется на орѣхи отъ вашего милосердія и ангельской кротости. Зачѣмъ вы ѣздите сюда? Что вамъ здѣсь у монаховъ нужно, позвольте васъ спросить? Что вамъ Гекуба, и что вы Гекубѣ? Опять-таки забава, игра, кощунство надъ человѣческой личностью и больше ничего. Вѣдь въ монашескаго Бога вы не вѣруете, у васъ въ сердцѣ свой соб-

ственный Богъ. до котораго вы дошли своимъ умомъ на спиритическихъ сеансахъ; на обряды церковные вы смотрите снисходительно, къ обѣднѣ и ко всенощной не ходите, спите до полудня... зачѣмъ же вы сюда ѣздите?.. Въ чужой монастырь вы ходите со своимъ Богомъ и воображаете, что монастырь считаетъ это за превеликую честь для себя! Какъ бы не такъ! Вы спросите-ка, между прочимъ, во что обходятся монахамъ ваши визиты? Вы изволили пріѣхать сюда сегодня вечеромъ, а третьяго дня ужъ тутъ былъ верховой, посланный изъ экономіи предупредить, что вы сюда собираетесь. Цѣлый день вчера приготовляли для васъ покой и ждали. Сегодня прибылъ авангардъ—наглая горничная, которая то и дѣло бѣгаетъ черезъ дворъ, шуршитъ, пристаётъ съ вопросами, распоряжается... терпѣть не могу! Сегодня монахи весь день были насторожѣ: вѣдь если васъ не встрѣтитъ съ церемоніей—бѣда! Архіерею пожалуетесь! «Меня, ваше преосвященство, монахи не любятъ. Не знаю, чѣмъ я ихъ прогнѣвала. Правда, я великая грѣшница, но вѣдь я такъ несчастна!» Ужъ одному монастырю была изъ-за васъ нахлобучка. Архимандритъ занятой, ученый человекъ, у него и минуты нѣтъ свободной, а вы то и дѣло требуете его къ себѣ въ покой. Никакого уваженія ни къ старости, ни къ сану. Добро бы жертвовали много, не такъ бы ужъ обидно было, а то вѣдь за все время монахи отъ васъ и ста рублей не получили!

Когда княгиню безпокоили, не понимали, обижали, и когда она не знала, что ей говорить и дѣлать, то обыкновенно она начинала плакать. И теперь въ концѣ концовъ она закрыла лицо и заплакала тонкимъ, дѣтскимъ голоскомъ. Докторъ вдругъ замолчалъ и посмотрѣлъ на нее. Лицо его потемнѣло и стало суровымъ.

— Простите меня, княгиня,—сказалъ онъ глухо.—Я поддался злomu чувству и забылся. Это нехорошо.

И, конфузливо кашлянувъ, забывая надѣть шляпу, онъ быстро отошелъ отъ княгини.

На небѣ уже мерцали звѣзды. Должно-быть, по ту сторону монастыря восходила луна, потому что небо было ясно, прозрачно и нѣжно. Вдоль бѣлой монастырской стѣны безшумно носились летучія мыши.

Часы медленно пробили три четверти какого-то часа, должно-быть, девятаго. Княгиня поднялась и тихо пошла къ воротамъ. Она чувствовала себя обиженной и плакала,

и ей казалось, что и деревья, и звѣзды, и летучія мыши жалѣютъ ее; и часы пробили мелодично только для того, чтобы посочувствовать ей. Она плакала и думала о томъ, что хорошо бы ей на всю жизнь уйти въ монастырь: въ тихіе лѣтніе вечера она гуляла бы одиноко по аллеямъ, обиженная, оскорбленная, непонятая людьми, и только бы одинъ Богъ да звѣздное небо видѣли слезы страдальцы. Въ церкви еще продолжалась всенощная. Княгиня остановилась и прислушалась къ пѣнію; какъ хорошо это пѣніе звучало въ неподвижномъ, темномъ воздухѣ! Какъ сладко подъ это пѣніе плакать и страдать!

Придя къ себѣ въ покои, она поглядѣла въ зеркало на свое заплаканное лицо и попудрилась, потомъ сѣла ужинать. Монахи знали, что она любитъ маринованную стерлядь, мелкіе грибки, малагу и простые медовые пряники, отъ которыхъ во рту пахнетъ кинарисомъ, и каждый разъ, когда она пріѣзжала, подавали ей все это. Кушая грибки и запивая ихъ малагой, княгиня мечтала о томъ, какъ ее окончательно разорятъ и покинутъ, какъ всѣ ея управляющіе, приказчики, конторщики и горничныя, для которыхъ она такъ много сдѣлала, измѣняютъ ей и начнутъ говорить грубости, какъ всѣ люди, сколько ихъ есть на землѣ, будутъ нападать на нее, злословить, смѣяться; она откажется отъ своего княжескаго титула, отъ роскоши и общества, уйдетъ въ монастырь, и никому ни одного слова упрека; она будетъ молиться за враговъ своихъ, и тогда всѣ вдругъ поймутъ ее, придутъ къ ней просить прощенія, но ужъ будетъ поздно...

А послѣ ужина она опустилась въ углу передъ образомъ на колѣни и прочла двѣ главы изъ Евангелія. Потомъ горничная постлала ей постель, и она легла спать. Потягиваясь подъ бѣлымъ покрываломъ, она сладко и глубоко вздохнула, какъ вздыхаютъ послѣ плача, закрыла глаза и стала засыпать...

Утромъ она проснулась и взглянула на свои часики: было половина десятаго. На коврѣ около кровати тянулась узкая, яркая полоса свѣта отъ луча, который шелъ изъ окна и чуть-чуть освѣщаль комнату. За черной занавѣской на окнѣ шумѣли мухи.

«Рано!»—подумала княгиня и закрыла глаза.

Потягиваясь и нѣжась въ постели, она вспомнила вчерашнюю встрѣчу съ докторомъ и всѣ тѣ мысли, съ какими вчера она уснула; вспомнила, что она несчастна. Потомъ прилипи

ей на память ея мужъ, живущій въ Петербургѣ, управляющіе, доктора, сосѣди, знакомые чиновники... Длинный рядъ знакомыхъ мужскихъ лицъ пронесся въ ея воображеніи. Она улыбнулась и подумала, что если бы эти люди сумѣли проникнуть въ ея душу и понять ее, то всѣ они были бы у ея ногъ...

Въ четвертъ двѣнадцатаго она позвала горничную.

— Давайте, Даша, одѣваться, — сказала она томно. — Впрочемъ, сначала подите скажите, чтобы запрягали лошадей. Надо къ Клавдіи Николаевнѣ ѣхать.

Выйдя изъ покоевъ, чтобы садиться въ экипажъ, она зажмурилась отъ яркаго дневнаго свѣта и засмѣялась отъ удовольствія: день былъ удивительно хорошъ! Оглядывая прищуренными глазами монаховъ, которые собрались у крыльца проводить ее, она привѣтливо закивала головой и сказала:

— Прощайте, мои друзья! До послѣзавтра.

Ее пріятно удивило, что вмѣстѣ съ монахами у крыльца находился и докторъ. Лицо его было блѣдно и сурово.

— Княгиня, — сказалъ онъ, снимая шляпу и виновато улыбаясь: — я уже давно жду васъ тутъ. Простите Бога ради... Нехорошее, мстительное чувство увлекло меня вчера, и я наговорилъ вамъ... глупостей. Однимъ словомъ, я прошу прощенія.

Княгиня привѣтливо улыбнулась и протянула къ его губамъ руку. Онъ поцѣловалъ и покраснѣлъ.

Стараясь походить на птичку, княгиня порхнула въ экипажъ и закивала головой во всѣ стороны. На душѣ у нея было весело, ясно и тепло, и сама она чувствовала, что ея улыбка необыкновенно ласкова и мягка. Когда экипажъ покатилъ къ воротамъ, потомъ по пыльной дорогѣ мимо избъ и садовъ, мимо длинныхъ чумацкихъ обозовъ и богомольцевъ, шедшихъ вереницами въ монастырь, она все еще шурилась и мягко улыбалась. Она думала о томъ, что нѣтъ выше наслажденія, какъ всюду вносить съ собою теплоту, свѣтъ и радость, прощать обиды и привѣтливо улыбаться врагамъ. Встрѣчные мужики кланялись ей, коляска мягко шуршала, изъ-подъ колесъ валили облака пыли, уносимыя вѣтромъ на золотистую рожь, и княгинѣ казалось, что ея тѣло качается не на подушкахъ коляски, а на облакахъ, и что сама она похожа на легкое, прозрачное облачко...

— Какъ я счастлива! — шептала она, закрывая глаза. — Какъ я счастлива!

Б Ъ Д А.

Директора городского банка Петра Семеныча, бухгалтера, его помощника и двухъ членовъ отпразднили ночью въ тюрьму. На другой день послѣ переполоха купецъ Авдѣевъ, членъ ревизіонной комиссіи банка, сидѣлъ съ пріятелями у себя въ лавкѣ и говорилъ:

— Такъ, значить, Богу угодно. Отъ судьбы не уйдешь. Сейчасъ вотъ мы икрой закусываемъ, а завтра, гляди — тюрьма, сума, а то и смерть. Всякое бываетъ. Теперь взять къ примѣру хоть Петра Семеныча...

Онъ говорилъ и жмурилъ свои пьяные глазки, а пріятели вышивали, закусывали икрой и слушали. Описавъ позоръ и беспомощность Петра Семеныча, который еще вчера былъ силенъ и всѣми уважаемъ, Авдѣевъ продолжалъ со вздохомъ:

— Отзываются кошкѣ мышкены слезки. Такъ имъ, мошенникамъ, и надо! Умѣли, курицыны дѣти, грабить, такъ пушай же теперь отвѣтъ дадутъ.

— Гляди, Иванъ Данилычъ, какъ бы и тебѣ не досталось! — замѣтилъ одинъ изъ пріятелей.

— А мнѣ за что?

— А за то. Тѣ грабили, а ревизіонная комиссія что глядѣла? Небось, вѣдь ты подписывалъ отчеты?

— Экошь, легко ли дѣло! — усмѣхнулся Авдѣевъ. — Подписывалъ! Носили ко мнѣ въ лавку отчеты, ну и подписывалъ. Нешто я понимаю? Мнѣ что ни дай, я все подмахну. Напиши ты сейчасъ, что я челоуѣка зарѣзаль, такъ я и

то подпишу. Не время мнѣ разбирать, да и не вижу безъ очковъ.

Потолковавъ о крахѣ банка и о судьбѣ Петра Семеныча, Авдѣевъ и его пріятели отправились на пирогъ къ знакомому, у котораго въ этотъ день была именинница жена. На именинахъ всѣ гости говорили только о крахѣ банка. Авдѣевъ горячился больше всѣхъ и увѣрялъ, что онъ давно уже предчувствовалъ этотъ крахъ и еще два года тому назадъ зналъ, что въ банкѣ не совсѣмъ чисто. Пока ѣли пирогъ, онъ описалъ съ десятокъ противозаконныхъ операцій, которыя ему были извѣстны.

— Если вы знали, то отчего же вы не донесли?—спросилъ его офицеръ, бывший на именинахъ.

— Не я одинъ, весь городъ зналъ... — усмѣхнулся Авдѣевъ.— Да и нѣтъ времени по судамъ ходить. Ну ихъ!

Отдохнувъ послѣ пирога, онъ пообѣдалъ и еще разъ отдохнуль, потомъ отправился ко всенощной въ свою церковь, гдѣ былъ старостой; послѣ всенощной опять пошелъ на именины и до самой полночи игралъ въ преферансъ. Повидимому, все обстояло благополучно.

Когда же послѣ полночи Авдѣевъ вернулся къ себѣ домой, кухарка, отворявшая ему дверь, была блѣдна и отъ дрожи не могла выговорить ни одного слова. Его жена, Елизавета Трофимовна, откормленная, сырая старуха, съ распущенными сѣдыми волосами, сидѣла въ залѣ на диванѣ, тряслась всѣмъ тѣломъ и, какъ пьяная, бессмысленно поводила глазами. Около нея со стаканомъ воды суетился тоже блѣдный и крайне взволнованный старшій сынъ ея, гимназистъ Василій.

— Что такое?—спросилъ Авдѣевъ и сердито покосился на печку. (Его семья часто угорала).

— Сейчасъ слѣдователь съ полиціей приходилъ...—отвѣтилъ Василій.— Обыскивали.

Авдѣевъ поглядѣлъ вокругъ себя. Шканы, комоды, столы—все носило на себѣ слѣды недавняго обыска. Минуту Авдѣевъ простоялъ неподвижно, какъ въ столбнякѣ, ничего не понимая, потомъ всѣ внутренности его задрожали и отяжелѣли, лѣвая нога онѣмѣла, и онъ, не вынося дрожи, легъ ничкомъ на диванъ; ему слышно было, какъ переворачивались его внутренности и какъ непослушная лѣвая нога стучала по спинкѣ дивана,

Въ какія-нибудь двѣ-три минуты онъ припомнилъ все свое прошлое, но не нашелъ ни одной такой вины, которая заслуживала бы вниманія судебной власти...

— Все это одна чепуха...—сказалъ онъ, поднимаясь.— Это, должно-быть, меня оговорили. Надо будетъ завтра жалобу подать, чтобы они не смѣли это самое...

На другой день утромъ, послѣ безсонной ночи, Авдѣевъ, какъ всегда, отправился къ себѣ въ лавку. Покупатели принесли ему извѣстie, что въ истекшую ночь прокуроръ отправилъ въ тюрьму еще товарища директора и писмоводителя банка. Это извѣстie не обезпokoило Авдѣева. Онъ былъ увѣренъ, что его оговорили и что, если онъ сегодня подастъ жалобу, то слѣдователю достанется за вчерашній обыскъ.

Въ десятомъ часу онъ побѣжалъ въ управу къ секретарю, который былъ единственнымъ образованнымъ человѣкомъ во всей управѣ.

— Владимiръ Степанычъ, что же это за мода?—началъ онъ, наклоняясь къ уху секретаря.— Люди крали, а я-то тутъ при чемъ? Съ какой стати? Милый человѣкъ,—зашепталь онъ:—ночью-то у меня обыскъ былъ! Ей-Богу... Осатнѣли они, что ли? За что меня трогать?

— А за то, что не нужно быть бараномъ,—покойно отвѣтилъ секретарь.— Прежде чѣмъ подписывать, надо было глядѣть...

— Что глядѣть? Да гляди я въ эти отчеты хоть тысячу лѣтъ, я ничего не пойму! Чорта лысаго я понимаю! Какой я булгахтеръ? Миѣ носили, я и подписывалъ.

— Позвольте. Кромѣ того, вы, какъ и вся ваша комиси́я, сильно скомпрометированы. Вы безъ всякаго обезпеченiя взяли изъ банка 19 тысячъ.

— Господи твоя воля!—удивился Авдѣевъ.— Нешто я одинъ долженъ? Вѣдь весь городъ долженъ! Я плачу проценты и отдамъ долгъ. Господь съ тобой! А кромѣ того, ежели, скажемъ, разсуждать по совѣсти, нешто я самъ взялъ эти деньги? Миѣ Петръ Семенычъ всучилъ. Возьми, говоритъ, и возьми. Ежели, говоритъ, не берешь, то, значитъ, намъ не довѣряешь и сторонисься. Ты, говоритъ, возьми и отцу мельницу построй. Я и взялъ.

— Ну, вотъ видите: такъ могутъ разсуждать только дѣти и бараны. Во всякомъ случаѣ, сеньоръ, вы напрасно вол-

нуетесь. Суда вамъ, конечно, не избѣжать, но навѣрное васъ оправдаютъ.

Равнодушіе и покойный тонъ секретаря подѣйствовали на Авдѣева успокаивающе. Вернувшись къ себѣ въ лавку и заставъ въ ней пріятелей, онъ опять выпивалъ, закусывалъ икрой и философствовалъ. Онъ ужъ почти забылъ объ обыскѣ и его безпокоило только одно обстоятельство, которое онъ не могъ не замѣтить: у него какъ-то странно нѣмѣла лѣвая нога и почему-то совсѣмъ не варилъ желудокъ.

Вечеромъ того же дня судьба сдѣлала по Авдѣеву еще одинъ оглушительный выстрѣлъ: на экстренномъ засѣданіи думы всѣ банковцы, въ томъ числѣ и Авдѣевъ, были исключены изъ числа гласныхъ, какъ находящіеся подъ судомъ и слѣдствіемъ. Утромъ онъ получилъ бумагу, въ которой его приглашали немедленно сдать должность церковнаго старосты.

Затѣмъ Авдѣевъ потерялъ счетъ въ выстрѣлахъ, которые дѣлала по немъ судьба, и для него быстро одинъ за другимъ замелькали странные, небывалые дни, и каждый день приносилъ съ собой какой-нибудь новый неожиданный сюрпризъ. Между прочимъ слѣдователь прислалъ ему повѣстку. Отъ слѣдователя вернулся онъ домой оскорбленный, красный.

— Приставай, какъ съ ножомъ къ горлу: зачѣмъ подписывалъ? Подписывалъ, вотъ и все! Нешто я нарочно? Носили въ лавку, я и подписывалъ. Я и читать-то по писанному путемъ не умѣю.

Пришли какіе-то молодые люди съ равнодушными лицами, занечатали лавку и описали въ домъ всю мебель. Подозрѣвая въ этомъ интригу и попрежнему не чувствуя за собой никакой вины, оскорбленный Авдѣевъ сталъ бѣгать по присутственнымъ мѣстамъ и жаловаться. По цѣлымъ часамъ ожидалъ онъ въ переднихъ, сочинялъ длинные прошенія, плакалъ, бранился. Въ отвѣтъ на его жалобы прокуроръ и слѣдователь говорили ему равнодушно и резонно:

— Приходите, когда васъ позовутъ, а теперь намъ некогда.

А другіе отвѣчали:

— Это не наше дѣло.

Секретарь же, образованный человѣкъ, который, какъ

казалось Авдѣву, могъ бы помочь ему, только пожималъ плечами и говорилъ:

— Вы сами виноваты. Не нужно быть бараномъ...

Старикъ хлопоталъ, а нога нѣмѣла попрежнему и желудокъ варилъ все хуже. Когда бездѣлье утомило его и наступила нужда, онъ рѣшилъ поѣхать къ отцу на мельницу, или къ брату, и заняться мучной торговлей, но его не пустили изъ города. Семья уѣхала къ отцу, а онъ остался одинъ.

Дни мелькали за днями. Безъ семьи, безъ работы и безъ денегъ, бывший староста, почтенный и уважаемый человекъ, по цѣлымъ днямъ ходилъ по лавкамъ своихъ пріятелей, вышивалъ, закусывалъ и выслушивалъ совѣты. По утрамъ и вечерамъ онъ, чтобы убить время, ходилъ въ церковь. Глядя по цѣлымъ часамъ на иконы, онъ не молился, а думалъ. Совѣсть его была чиста, и свое положеніе объяснялъ онъ ошибкой и недоразумѣніемъ: по его мнѣнію, все произошло только оттого, что слѣдователи и чиновники молоды и неопытны: ему казалось, что если бы какой-нибудь старый судья поговорилъ съ нимъ по душамъ и подробно, то все вошло бы въ свою колею. Онъ не понималъ своихъ судей, а судьи, казалось ему, не понимали его...

Дни бѣжали за днями и, наконецъ, послѣ долгой, томительной проволочки наступило время суда. Авдѣвъ взялъ займы 50 рублей, запасся спиртомъ для ноги и травкой для желудка, и поѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ находилась судебная палата.

Судъ продолжался полторы недѣли. Все время суда Авдѣвъ солидно и съ достоинствомъ, какъ это подобаетъ человеку почтенному и невинно пострадавшему, сидѣлъ среди товарищей по несчастью, слушалъ и ровно ничего не понималъ. Настроеніе у него было враждебное. Онъ сердился, что его долго держать въ судѣ, что нигдѣ нельзя достать постной ѣды, что защитникъ не понимаетъ его и, какъ казалось ему, говоритъ не то, что нужно. Судьи, казалось ему, судили не такъ, какъ бы слѣдовало. Они не обращали на Авдѣва почти никакого вниманія, обращались къ нему разъ въ три дня и вопросы, которые они задавали ему, были такого свойства, что, отвѣчая на нихъ, Авдѣвъ всякій разъ возбуждалъ въ публикѣ смѣхъ. Когда онъ порывался говорить о своихъ проторяхъ, убыткахъ и о томъ, что

желаетъ взыскать судебныя издержки, защитникъ оборачивался и дѣлалъ непонятную гримасу, публика смѣялась, а председатель строго заявлялъ, что это къ дѣлу не относится. Въ своемъ послѣднемъ словѣ онъ сказалъ не то, чему училъ его защитникъ, а совсѣмъ другое, тоже возбудившее смѣхъ.

Въ тѣ страшные часы, когда присяжные совѣщались въ своей комнатѣ, онъ сердитый сидѣлъ въ буфетѣ и совсѣмъ не думалъ о присяжныхъ. Онъ не понималъ, зачѣмъ они совѣщаются такъ долго, если все такъ ясно, и что имъ нужно отъ него.

Проголодавшись, онъ попросилъ лакея дать ему чего-нибудь дешеваго и постнаго. За сорокъ копеекъ ему дали какой-то холодной рыбы съ морковью. Онъ съѣлъ и тотчасъ же почувствовалъ, какъ эта рыба тяжелымъ комомъ заходила въ его животъ; начались отрыжка, изжога, боль...

Когда онъ потомъ слушалъ старшину, читавшаго вопросы пункты, внутренности его переворачивались, тѣло обливалось холоднымъ потомъ, лѣвая нога нѣмѣла; онъ не слушалъ, ничего не понималъ и невыносимо страдалъ оттого, что старшину нельзя слушать сидя или лежа. Наконецъ, когда ему и его товарищамъ позволили сѣсть, всталъ прокуроръ судебной палаты и сказалъ что-то непонятное. Точно изъ земли выросли, появились откуда-то жандармы съ шапками наголо и окружили всѣхъ обвиняемыхъ. Авдѣву приказали встать и идти.

Теперь онъ понялъ, что его обвинили и взяли подъ стражу, но онъ не испугался и не удивился; въ животъ происходилъ такой безпорядокъ, что ему было совсѣмъ не до стражи.

— Значить, насъ теперь не пустятъ въ номеръ?—спросилъ онъ у одного изъ своихъ товарищей. — А у меня въ номерѣ три рубля денегъ и непочатая четверка чаю.

Ночевалъ онъ въ частномъ домѣ, всю ночь чувствовалъ отвращеніе къ рыбѣ и думалъ о трехъ рубляхъ и четверкѣ чаю. Рано утромъ, когда небо стало синѣть, ему приказали одѣться и идти. Два солдата со штыками повели его въ тюрьму. Никогда въ другое время городскія улицы не казались ему такъ длинны и безконечны. Шелъ онъ не по тротуару, а среди улицы по тающему, грязному снѣгу. Внутренности все еще воевали съ рыбой, лѣвая нога нѣ-

мѣла; калоши онъ забылъ не то въ судѣ, не то въ частномъ домѣ, ноги его зябли...

Черезъ пять дней всѣхъ обвиняемыхъ опять повели въ судъ для выслушиванія приговора. Авдѣевъ узналъ, что его приговорили къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію. И это не испугало его и не удивило. Ему почему-то казалось, что судъ еще не кончился, что проводочка все еще тянется и что настоящаго «рѣшенія» еще не было... Жилъ онъ въ тюрьмѣ и каждый день ждалъ этого рѣшенія.

Только полгода спустя, когда пришли къ нему прощаться жена и сынъ Василій, когда онъ въ тощей, нищенски одѣтой старушкѣ едва узналъ свою, когда-то сырую и солидную Елизавету Трофимовну, и когда вмѣсто гимназическаго платья увидѣлъ на сынѣ куцый, потертый пиджачокъ и сарлиновыя панталоны, онъ понялъ, что судьба его уже рѣшена и что, какое бы еще ни было новое «рѣшеніе», ему уже не вернуть своего прошлаго. И онъ въ первый разъ за все время суда и тюремнаго заключенія, согналь со своего лица сердитое выраженіе и горько заплакалъ.

СПАТЬ ХОЧЕТСЯ.

Ночь. Нянька Варька, дѣвочка лѣтъ тринадцати, качаетъ колыбель, въ которой лежитъ ребенокъ, и чуть слышно мурлычетъ:

Баю-баюшки-баю,
А я пѣсенку спю...

Передъ образомъ горитъ зеленая лампадка; черезъ всю комнату отъ угла до угла тянется веревка, на которой висятъ пеленки и большія черныя панталоны. Отъ лампы до потолка лежитъ большое зеленое пятно, а пеленки и панталоны бросаютъ длинныя тѣни на печку, колыбель, на Варьку... Когда лампадка начинаетъ мигать, пятно и тѣни оживаютъ и приходятъ въ движеніе, какъ отъ вѣтра. Душно. Пахнетъ щами и сапожнымъ товаромъ.

Ребенокъ плачетъ. Онъ давно уже осипъ и изнемогъ отъ плача, но все еще кричитъ, и неизвѣстно, когда онъ уймется. А Варькѣ хочется спать. Глаза ея слипаются, голову тянетъ внизъ, шея болитъ. Она не можетъ шевельнуть ни вѣками, ни губами, и ей кажется, что лицо ея высохло и одеревенѣло, что голова стала маленькой, какъ булавочная головка.

— Баю-баюшки-баю, — мурлычетъ она: — тебѣ кашки наварю...

Въ печкѣ кричитъ сверчокъ. Въ сосѣдней комнатѣ, за дверью, похоралываютъ хозяинъ и подмастерье Аѳанасій... Колыбель жалобно скрипитъ, сама Варька мурлычетъ — и все это сливается въ ночную, убаюкивающую музыку, которую такъ сладко слушать, когда ложишься въ постель.

Теперь же эта музыка только раздражает и гнететъ, потому что она вгоняетъ въ дремоту, а спать нельзя; если Варька, не дай Богъ, уснетъ, то хозяева прибьютъ ее.

Лампадка мигаетъ. Зеленое пятно и тѣни приходятъ въ движеніе, лѣзутъ въ полуоткрытые, неподвижные глаза Варьки и въ ея на-половину уснувшемъ мозгу складываются въ туманныя грезы. Она видитъ темныя облака, которыя гоняются другъ за другомъ по небу и кричатъ, какъ ребенокъ. Но вотъ подулъ вѣтеръ, пропали облака, и Варька видитъ широкое шоссе, покрытое жидкою грязью; по шоссе тянутся обозы, плетутся люди съ котомками на спинахъ, несясь взадъ и впередъ какія-то тѣни; по обѣ стороны сквозь холодный, суровый туманъ видны лѣса. Вдругъ люди съ котомками и тѣнями падаютъ на землю въ жидкую грязь. — «Зачѣмъ это?» — спрашиваетъ Варька. — «Спать, спать!» — отвѣчаютъ ей. И они засыпаютъ крѣпко, спятъ сладко, а на телеграфныхъ проволокахъ сидятъ вороны и сороки, кричатъ, какъ ребенокъ, и стараются разбудить ихъ.

— Баю-баюшки-баю, а я пѣсенку спою... — мурлычетъ Варька и уже видитъ себя въ темной, душной избѣ.

На полу ворочается ея покойный отецъ Ефимъ Степановъ. Она не видитъ его, но слышитъ, какъ онъ катается отъ боли по полу и стонетъ. У него, какъ онъ говоритъ, «разыгралась грыжа». Боль такъ сильна, что онъ не можетъ выговорить ни одного слова и только втягиваетъ въ себя воздухъ и отбиваетъ зубами барабанную дробь:

— Бу-бу-бу-бу...

Мать Пелагея побѣжала въ усадьбу къ господамъ сказать, что Ефимъ умираетъ. Она давно уже ушла и пора бы ей вернуться. Варька лежитъ на печи, не спитъ и прислушивается къ отцовскому «бу-бу-бу». Но вотъ слышно, кто-то подѣхалъ къ избѣ. Это господа прислали молодого доктора, который приѣхалъ къ нимъ изъ города въ гости. Докторъ входитъ въ избу; его не видно въ потемкахъ, но слышно, какъ онъ кашляетъ и щелкаетъ дверью.

— Засвѣтите огонь, — говоритъ онъ.

— Бу-бу-бу... — отвѣчаетъ Ефимъ.

Пелагея бросается къ печкѣ и начинаетъ искать черепокъ со спичками. Проходитъ минута въ молчаніи. Докторъ, порывшись въ карманахъ, зажигаетъ свою спичку.

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ, — говоритъ Пелагея, бро-

сается вонь изъ избы и, немного погодя, возвращается съ огаркомъ.

Щеки у Ефима розовыя, глаза блестятъ и взглядъ какъ-то особенно остръ, точно Ефимъ видитъ насквозь и избу, и доктора.

— Ну, что? Что ты это вздумалъ? — говоритъ докторъ, нагибаясь къ нему. — Эге! Давно ли это у тебя?

— Чего-съ? Помирать, ваше благородіе, пришло время... Не быть миѣ въ живыхъ...

— Полно вздоръ говорить... Вылѣчимъ!

— Это какъ вамъ угодно, ваше благородіе, благодаримъ покорно, а только мы понимаемъ... Коли смерть пришла, что ужъ тутъ.

Докторъ съ четверть часа возится съ Ефимомъ; потомъ поднимается и говоритъ:

— Я ничего не могу подѣлать... Тебѣ нужно въ больницу ѣхать, тамъ тебѣ операцию сдѣлаютъ. Сейчасъ же поѣзжай... Непремѣнно поѣзжай! Немножко поздно, въ больницѣ всѣ уже спятъ, но это ничего, я тебѣ записочку дамъ. Слышишь?

— Батюшка, да на чемъ же онъ поѣдетъ? — говоритъ Пелагея. — У насъ нѣтъ лошади.

— Ничего, я попрошу господъ, они дадутъ лошадь.

Докторъ уходитъ, свѣча тухнетъ и опять слышится «бу-бу-бу»... Спустя полчаса, къ избѣ кто-то подѣзжаетъ. Это господа прислали телѣжку, чтобы ѣхать въ больницу. Ефимъ собирается и ѣдетъ...

Но вотъ наступаетъ хорошее, ясное утро. Пелагея нѣтъ дома: она пошла въ больницу узнать, что дѣлается съ Ефимомъ. Гдѣ-то плачетъ ребенокъ и Варька слышитъ, какъ кто-то ея голосомъ поетъ:

— Баю-баюшки-баю, а я пѣсенку спою...

Возвращается Пелагея; она крестится и шепчетъ:

— Ночью вправили ему, а къ утру Богу душу отдалъ... Царство небесное, вѣчный покой... Сказываютъ, поздно захватили... Надо бы раньше...

Варька идетъ въ лѣсъ и плачетъ тамъ, но вдругъ кто-то бьетъ ее по затылку съ такой силой, что она стучается лбомъ о березу. Она поднимаетъ глаза и видитъ передъ собой хозяина-сапожника.

— Ты что же это, паршивая? — говоритъ онъ. — Дитѣ плачетъ, а ты спишь?

Онъ больно треплетъ ее за ухо, а она встряхиваетъ головой, качаетъ колыбель и мурлычетъ свою пѣсню. Зеленое пятно и тѣни отъ панталонъ и пеленокъ колеблются, мигаютъ ей и скоро опять овладѣваютъ ея мозгомъ. Опять она видитъ шоссе, покрытое жидкою грязью. Люди съ котомками на спинахъ и тѣни разлеглись и крѣпко спятъ. Глядя на нихъ, Варькѣ страстно хочется спать; она легла бы съ наслажденіемъ, но мать Пелагея идетъ рядомъ и торопитъ ее. Обѣ онѣ слышатъ въ городѣ наниматься.

— Подайте милостынки Христа-ради! — проситъ мать у встрѣчныхъ. — Явите божескую милость, господа милосердные!

— Подай сюда ребенка! — отвѣчаетъ ей чей-то знакомый голосъ. — Подай сюда ребенка! — повторяетъ тотъ же голосъ, но уже сердито и рѣзко. — Спишь, подлая?

Варька вскакиваетъ и, оглядѣвшись, понимаетъ, въ чемъ дѣло: нѣтъ ни шоссе, ни Пелагеи, ни встрѣчныхъ, а стоитъ посреди комнаты одна только хозяйка, которая пришла покормить своего ребенка. Пока толстая, плечистая хозяйка кормитъ и унимаетъ ребенка, Варька стоитъ, глядитъ на нее и ждетъ, когда она кончитъ. А за окнами уже синѣетъ воздухъ, тѣни и зеленое пятно на потолокъ замѣтно блѣднѣютъ. Скоро утро.

— Возьми! — говоритъ хозяйка, застегивая на груди сорочку. — Плачетъ. Должно, сглазили.

Варька беретъ ребенка, кладетъ его въ колыбель и опять начинаетъ качать. Зеленое пятно и тѣни мало-по-малу исчезаютъ и ужъ некому дѣзтъ въ ея голову и туманить мозгъ. А спать хочется попрежнему, ужасно хочется! Варька кладетъ голову на край колыбели и качается всеѣмъ туловищемъ, чтобы пересилить сонъ, но глаза все-таки слипаются и голова тяжела.

— Варька, затони печку! — раздается за дверью голосъ хозяина.

Значитъ, уже пора вставать и приниматься за работу. Варька оставляетъ колыбель и бѣжитъ въ сарай за дровами. Она рада. Когда бѣгаешь и ходишь, спать уже не такъ хочется, какъ въ сидячемъ положеніи. Она приноситъ дрова, топить печь и чувствуетъ, какъ расправляется ея одеревенѣвшее лицо и какъ проясняются мысли

— Варька, поставь самоваръ! — кричитъ хозяйка.

Варька колеть лучину, но едва успѣваетъ зажечь ихъ и сунуть въ самоваръ, какъ слышится новый приказъ:

— Варька, почисть хозяину калоши!

Она садится на полъ, чистить калоши и думаетъ, что хорошо бы сунуть голову въ большую, глубокую калошу и подремать въ ней немножко... И вдругъ калоша растетъ, пухнетъ, наполняетъ собою всю комнату. Варька роняетъ щетку, но тотчасъ же встряхиваетъ головой, пучитъ глаза и старается глядѣть такъ, чтобы предметы не росли и не двигались въ ея глазахъ.

— Варька, помой снаружи лѣстницу, а то отъ заказчиковъ совѣстно!

Варька моетъ лѣстницу, убираетъ комнаты, потомъ топить другую печь и бѣжить въ лавочку. Работы много, нѣтъ ни одной минуты свободной.

Но ничто такъ не тяжело, какъ стоять на одномъ мѣстѣ передъ кухоннымъ столомъ и чистить картошку. Голову тянетъ къ столу, картошка рябитъ въ глазахъ, ножъ валится изъ рукъ, а возлѣ ходить толстая, сердитая хозяйка съ засученными руками и говорить такъ громко, что звенитъ въ ушахъ. Мучительно также прислуживать за обѣдомъ, стирать, шить. Бываютъ минуты, когда хочется, ни на что не глядя, повалиться на полъ и спать.

День проходитъ. Глядя, какъ темнѣютъ окна, Варька сжимаетъ себѣ деревенѣющіе виски и улыбается, сама не зная чего ради. Вечерняя мгла ласкаетъ ея слухающіеся глаза и обѣщаетъ ей скорый, крѣпкій сонъ. Вечеромъ къ хозяевамъ приходятъ гости.

— Варька, ставь самоваръ!—кричитъ хозяйка.

Самоваръ у хозяевъ маленькій и прежде, чѣмъ гости напиваются чаю, приходится подогрѣвать его разъ пять. Послѣ чаю Варька стоитъ цѣлый часъ на одномъ мѣстѣ, глядитъ на гостей и ждетъ приказаній.

— Варька, сбѣгай купи три бутылки пива!

Она срывается съ мѣста и старается бѣжать быстрѣе, чтобы прогнать сонъ.

— Варька, сбѣгай за водкой! Варька, гдѣ штопоръ? Варька, почисть селедку!

Но вотъ, наконецъ, гости ушли; огни тушатся, хозяева ложатся спать.

— Варька, покачай ребенка!—раздается послѣдній приказъ.

Въ пещкѣ кричить сверчокъ; зеленое пятно на потолокъ и тѣни отъ панталонъ и пеленокъ опять лѣзутъ въ полуоткрытые глаза Варьки, мигаютъ и туманятъ ей голову.

— Баю-баюшки-баю, — мырлычетъ она: — а я пѣсенку спою...

А ребенокъ кричитъ и изнемогаетъ отъ крика. Варька видитъ опять грязное шоссе, людей съ котомками, Целагею, отца Ефима. Она все понимаетъ, всѣхъ узнаетъ, но сквозь полусонъ она не можетъ только никакъ понять той силы, которая сковываетъ ее по рукамъ и по ногамъ, давить ее и мѣшаетъ ей жить. Она оглядывается, ищетъ эту силу, чтобы избавиться отъ нея, но не находитъ. Наконецъ, измучившись, она напрягаетъ всѣ свои силы и зрѣніе, глядитъ вверхъ на мигающее зеленое пятно и, прислушавшись къ крику, находитъ врага, мѣшающаго ей жить.

Этотъ врагъ—ребенокъ.

Она смѣется. Ей удивительно: какъ это раньше она не могла понять такого пустяка? Зеленое пятно, тѣни и сверчокъ тоже, кажется, смѣются и удивляются.

Ложное представленіе овладѣваетъ Варькой. Она встаетъ съ табурета и, широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается по комнатѣ. Ей пріятно и щекотно отъ мысли, что она сейчасъ избавится отъ ребенка, сковывающаго ее по рукамъ и ногамъ... Убить ребенка, а потомъ спать, спать, спать...

Смѣясь, подмигивая и грозя зеленому пятну пальцами, Варька подкрадывается къ колыбели и наклоняется къ ребенку. Задушивъ его, она быстро ложится на полъ, смѣется отъ радости, что ей можно спать, и черезъ минуту спитъ уже крѣпко, какъ мертвая...

ХОЛОДНАЯ КРОВЬ.

Длинный товарный поѣздъ давно уже стоитъ у полустанка. Паровозъ не издаетъ ни звука, точно потухъ; около поѣзда и въ дверяхъ полустанка ни души.

Отъ одного изъ вагоновъ идетъ блѣдная полоса свѣта и скользитъ по рельсамъ запаснаго пути. Въ этомъ вагонѣ на разостланной буркѣ сидятъ двое: одинъ—старый съ широкой, сѣдой бородой, въ полушубкѣ и въ высокой, мерлушковой шапкѣ, похожей на панаху, другой—молодой, безусый, въ потертомъ драповомъ пиджакѣ и въ высокихъ, грязныхъ сапогахъ. Это грузоотправители. Старикъ сидитъ, протянувъ впередъ ноги, молчитъ и о чемъ-то думаетъ; молодой полудежитъ и едва слышно пиликаетъ на дешевой гармоникѣ. Около нихъ на стѣнѣ виситъ фонарь съ сальной свѣчкой.

Вагонъ полонъ груза. Если сквозь тусклый свѣтъ фонаря взглянуть въ этотъ грузъ, то въ первую минуту глазамъ представится что-то безформенно-чудовищное и несомнѣнно живое, что-то очень похожее на гигантскихъ раковъ, которые шевелятъ клешнями и усами, тѣснятся и безшумно карабкаются по скользкой стѣнѣ вверхъ къ потолку; но взглядишься попристальнѣе, и въ сумеркахъ начинаютъ явственно выростать рога и ихъ отраженія, затѣмъ тощія, длинныя спины, грязная шерсть, хвосты, глаза. Это быки и ихъ тѣни. Всѣхъ быковъ въ вагонѣ восемь. Одни изъ нихъ, обернувшись, глядятъ на людей и помахиваютъ хвостами, другіе стараются лечь или стать поудобнѣе. Имъ тѣсно. Если одинъ ложится, то остальные

должны стоять и жаться другъ къ другу. Нѣтъ ни яслей, ни коновязей, ни подстилокъ и ни клочка сѣна ¹⁾...

Послѣ долгаго молчанія старикъ вытаскиваетъ изъ кармана серебряную луковичу и справляется, который часъ: четверть третьяго.

— Ужъ второй часъ стоимъ, — говоритъ онъ, зѣвая. — Пойти поторопить ихъ, а то до утра будемъ здѣсь стоять. Они позаснули, или Богъ ихъ знаетъ, что они тамъ.

Старикъ встаетъ и вмѣстѣ со своею длинною тѣнью осторожно спускается изъ вагона въ потемки. Онъ пробирается вдоль поѣзда къ локомотиву и, пройдя десятка два вагоновъ, видитъ раскрытую, красную печь; противъ печи неподвижно сидитъ человѣческая фигура; ея козырекъ, носъ и колѣни выкрашены въ багровый цвѣтъ, все же остальное черно и едва вырисовывается изъ потемокъ.

— Долго еще тутъ стоять будемъ?—спрашиваетъ старикъ.

Отвѣта нѣтъ. Неподвижная фигура, очевидно, спитъ. Старикъ нетерпѣливо крикаетъ и, пожимаясь отъ ѣдкой сырости, обходитъ локомотивъ, причемъ яркій свѣтъ двухъ фонарей на мгновение бьетъ ему въ глаза, а ночь отъ этого становится для него еще чернѣе; онъ идетъ къ полустанку.

Платформа и ступени полустанка мокры. Кое-гдѣ бѣлѣтъ недавно выпавшій, тающій снѣгъ. Въ самомъ полустанкѣ свѣтло и натощено жарко, какъ въ банѣ. Пахнетъ керосиномъ. Кромѣ десятичныхъ вѣсовъ и небольшого, желтаго дивана, на которомъ спитъ какой-то человѣкъ въ кондукторской формѣ, въ помещеніи нѣтъ никакой мебели. Надѣво двѣ настежь открытыя двери. Въ одну изъ нихъ видны телеграфный станокъ и лампа съ зеленымъ колпакомъ, въ другую — небольшая комнатка, на-половину занятая темнымъ шкапомъ. Въ этой комнаткѣ, на подоконникѣ сидятъ оберъ-кондукторъ и машинистъ. Оба они мнутъ въ рукахъ какую-то шапку и спорятъ.

— Это не настоящій боберъ, а польскій, — говоритъ машинистъ. — Настоящіе бобры не такіе бываютъ. Всей этой шапкѣ, ежели желаете знать, красная цѣна — пять цѣлковыхъ!

¹⁾ На многихъ дорогахъ, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, запрещается держать въ вагонахъ сѣно, а потому живой грузъ во все время пути остается безъ корма.

— Понимаете вы много...—обижается оберъ-кондукторъ.—
Пять цѣлковыхъ! А вотъ мы сейчасъ купца спросимъ.
Господинъ Малахинъ,—обращается онъ къ старику:—какъ
по-вашему: польскій это боберъ, или настоящій?

Старикъ Малахинъ беретъ въ руки шапку и съ видомъ
знатока щупаетъ мѣхъ, дуетъ, нюхаетъ и на сердитомъ
лицѣ его вдругъ вспыхиваетъ презрительная улыбка.

— Стало-быть, польскій!—говоритъ онъ радостно.—Поль-
скій и есть.

Начинается споръ. Оберъ-кондукторъ доказываетъ, что
на шапкѣ боберъ настоящій, а машинистъ и Малахинъ
стараятся убѣдить его въ противномъ. Среди спора ста-
рикъ вдругъ вспоминаетъ о цѣли своего прихода.

— Боберъ бобромъ, шапка шапкой, а поѣздъ стоитъ,
господа!—говоритъ онъ.—Что жъ? Кого ждемъ? Поѣдемъ!

— Поѣдемъ,—соглашается оберъ-кондукторъ.—Выкуримъ
еще по папироскѣ и поѣдемъ. Только спѣшить нечего... Все
равно насъ задержать на станціи!

— Это съ какой стати?

— А такъ... Запоздали слишкомъ... Если на одной стан-
ціи опоздаешь, то на другихъ поневолѣ будутъ удержи-
вать, чтобъ дать ходъ встрѣчнымъ. Поѣзжай хоть сейчасъ,
хоть утромъ, а все равно намъ ужъ не придется ѣхать че-
тырнадцатымъ номеромъ. Поѣдемъ, должно-быть, двадцать
третьимъ.

— Это же по-каковски?

— А по-таковски.

Малахинъ пытливо глядитъ на оберъ-кондуктора, думаетъ
и бормочетъ машинально, какъ бы про себя:

— Накажи меня Богъ, считалъ и даже въ книжку запи-
салъ: за всю дорогу простояли мы лишнихъ тридцать че-
тыре часа. Доведете вы, господа, до той точки, что у меня
или быки подохнуть, или мнѣ за мясо, когда до мѣста
доѣду, и двухъ рублей не дадутъ. Это не ѣзда, а чистое
разоренье!

Оберъ-кондукторъ поднимаетъ брови и вздыхаетъ съ та-
кимъ выраженіемъ, какъ будто хочетъ сказать: «Къ сожа-
лѣнію, все это правда!» Машинистъ молчитъ и задумчиво
оглядываетъ шапку. По лицамъ обоихъ видно, что у нихъ
есть какая-то одна общія тайная мысль, которую они не
высказываютъ не потому, что хотятъ скрыть ее, а потому,

что подобныя мысли передаются молчаніемъ гораздо лучше, чѣмъ на словахъ. И старикъ понимаетъ. Онъ лѣзетъ въ карманъ, достаетъ оттуда десятирублевку и безъ предисловія, не мѣняя ни тона голоса, ни выраженія лица, а съ увѣренностью и прямою, съ какими даютъ и берутъ взятки, вѣроятно, одни только русскіе люди, подаетъ бумажку оберъ-кондуктору. Тотъ молча беретъ, складываетъ ее вчетверо и, не спѣша, кладетъ въ карманъ. Послѣ этого всѣ трое выходятъ изъ комнатки и, разбудивъ на пути спящаго кондуктора, идутъ на платформу.

— Погода!— крикаетъ оберъ-кондукторъ, вздрагивая плечами.— Зги не видать!

— Да, волчья погода...

Въ окно видно, какъ около зеленой лампы и телеграфнаго станка появляется бѣлокурая голова телеграфиста; около нея показывается скоро другая голова, бородастая и въ красной фуражкѣ—должно-быть, начальника полустанка. Начальникъ нагнулся къ столу, читаетъ что-то на синемъ бланкѣ и быстро водитъ папиросой вдоль строкъ... Малахинъ идетъ къ своему вагону.

Его спутникъ, молодой человѣкъ, попрежнему полулежитъ и едва слышно пикируетъ на гармоникѣ. Онъ безусь, почти еще мальчикъ; полное, бѣлое лицо его съ широкими скулами дѣтски задумчиво, глаза глядятъ не какъ у взрослыхъ, а грустно и покорно, но весь онъ широкъ, крѣпокъ, тяжелъ и грубъ такъ же, какъ старикъ; онъ не шевелится и не мѣняетъ своей позы, точно ему не подь-силу приводить въ движеніе свое крупное тѣло. Пошевелись онъ, и тотчасъ, кажется, на немъ что-нибудь лопнетъ или раздается стукъ, котораго испугаются быки и онъ самъ. Изъ-подъ его большихъ, толстыхъ пальцевъ, неповоротливо перебирающихъ клавиши и клапаны гармоники, непрерывно текутъ мелкіе, жиденькіе звуки и сливаются въ немудрый, однообразный мотивчикъ; онъ слушаетъ и, повидимому, очень доволенъ своей музыкой.

Слышится звонокъ, но такъ глухо, какъ будто бы звонятъ не вблизи, а гдѣ-то очень далеко. За нимъ тотчасъ же слѣдуетъ торопливый второй звонокъ, потомъ третій и свистъ оберъ-кондуктора. Проходитъ минута въ глубокомъ молчаніи; вагонъ не движется, стоитъ на мѣстѣ, но изъ-подъ него начинаютъ слышаться какіе-то неопредѣленные

звуки, похожіе на скрипъ снѣга подь полозьями; вагонъ вздрагиваетъ и звуки стихаютъ. Наступаетъ опять тишина. Но вотъ раздается лязгъ буферовъ, отъ сильнаго толчка вагонъ вздрагиваетъ, точно дѣлаетъ прыжокъ, и всѣ быки падаютъ другъ на друга.

— Чтобъ тебя я на томъ свѣтѣ такъ дернуло! — ворчитъ старикъ, поправляя свою высокую шапку, съѣхавшую отъ толчка на затылокъ. — Этакъ онъ у меня всю скотину перекалѣчитъ!

Яша молча встаетъ и, взявъ одного упавшаго быка за рога, помогаетъ ему подняться на ноги... Вслѣдъ за толчкомъ опять наступаетъ тишина. Изъ-подъ вагона слышатся звуки скрипящаго снѣга, и кажется, что поѣздъ тронулся слегка назадъ.

— Сейчасъ опять дернетъ, — говоритъ старикъ.

И дѣйствительно, по поѣзду проносится судорога, раздается трескъ, вагонъ вздрагиваетъ и быки опять падаютъ другъ на друга.

— Задача! — говоритъ Яша, прислушиваясь. — Должно, поѣздъ тяжелый. Никакъ не сдвинетъ.

— Раньше не былъ тяжелый, а теперь вдругъ потяжелѣлъ. Нѣтъ, братъ, это значить оберъ-кондукторъ съ нимъ не подѣлился. Поди-ка снеси ему, а то онъ до утра будетъ дергать.

Яша беретъ у старика трехрублевую бумажку и прыгаетъ изъ вагона. Его тяжелые шаги глухо раздаются внѣ вагона и постепенно стихаютъ. Тишина... Въ сосѣднемъ вагонѣ протяжно и тихо мычитъ быкъ, точно поетъ.

Яша возвращается. Въ вагонъ влетаетъ сырой, холодный вѣтеръ.

— Закрой-ка, Яша, дверь, да будемъ ложиться, — говоритъ старикъ. — Что даромъ свѣчку жечь?

Яша задвигаетъ тяжелую дверь; раздается свистъ локомотива и поѣздъ трогается.

— Холодно! — бормочетъ старикъ, растягиваясь на буркѣ и кладя голову на уzelъ. — То ли дѣло дома! И тепло, и чисто, и мягко, и Богу есть гдѣ помолиться, а тутъ хуже свиней всякихъ. Ужъ четверо сутокъ какъ сапогъ не снимали.

Яша, пошатываясь отъ вагонной качки, открываетъ фонарь и мокрыми пальцами сдавливаетъ фитиль. Свѣчка вспыхиваетъ, шипитъ, какъ сковорода, и тухнетъ.

— Да, братъ... — продолжаетъ Малахинъ, слыша, какъ Яша ложится рядомъ и своей громадной спиной прижимается къ его спинѣ. — Холодно. Изъ всѣхъ щелей такъ и дуетъ. Поспи тутъ твоя мать или сестра одну ночь, такъ къ утру бы ноги протянули. Такъ-то, братъ, не хотѣлъ учиться и въ гимназію ходить, какъ братья, ну вотъ и вози съ отцомъ быковъ. Самъ виновать, на себя и ролщи... Братья-то теперь на постеляхъ спать, одѣялами укрылись, а ты, нерадивый и лѣнивый, на одной линіи съ быками... Да...

Изъ-за шума поѣзда не слышно словъ старика, но онъ еще долго бормочетъ, вздыхаетъ и крикаетъ. Холодный воздухъ въ вагонѣ становится все гуще и душнѣе. Острый запахъ свѣжаго навоза и свѣчная гарь дѣлають его такимъ противнымъ и ѣдкимъ, что у засыпающаго Яши начинается чесаться въ горлѣ и внутри груди. Онъ перхаетъ и чихаетъ, а привычный старикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, дышитъ всюю грудью и только покрякиваетъ.

Судя по качкѣ вагона и по стуку колесъ, поѣздъ летитъ быстро и неровно. Паровозъ тяжело дышитъ, пыхтитъ не въ тактъ шуму поѣзда и въ общемъ получается какое-то клокотанье. Быки безпокойно тѣснятся и стучатъ рогами о стѣны.

Когда старикъ просыпается, въ щели вагона и въ открытое оконце глядитъ синее небо ранняго утра. Холодно невыносимо, въ особенности спинѣ и ногамъ. Поѣздъ стоитъ. Яша заспанный и угрюмый возится около быковъ.

Старикъ просыпается не въ духѣ. Нахмуренный и суровый, онъ сердито крикаетъ и глядитъ исподлобья на Яшу, который подперъ своимъ могучимъ плечомъ подъ грудь быка и, слегка приподнявъ его, старается распутать ему ногу.

— Говорилъ вчерась, что веревки длинныя, — ворчитъ старикъ: — такъ нѣтъ — «не длинныя, палаша!» Ничего нельзя заставить, все по-своему дѣлаешь... Болванъ.

Онъ сердито выдвигаетъ дверь, и въ вагонъ врывается свѣтъ. Какъ разъ противъ двери стоитъ пассажирскій поѣздъ, а за нимъ красное зданіе съ навѣсомъ — какая-то большая станція съ буфетомъ. Крыши и площадки вагоновъ, земля, шпалы — все покрыто тонкимъ слоемъ пушистаго, недавно выпавшаго снѣга. Въ промежутки между вагонами пассажирскаго поѣзда видно, какъ спуютъ пассажиры и

прохаживается рыжий, краснолицый жандармъ; лакей во фракѣ и въ бѣлой, какъ снѣгъ, манишкѣ, не выпавшійся, озябшій и, вѣроятно, очень недовольный своею жизнью, бѣжитъ по платформѣ и несетъ на поднось стаканъ чаю съ двумя сухарями.

Старикъ поднимается и начинаетъ молиться на востокъ. Яша, покончивъ съ быкомъ и поставивъ въ уголь лопату, становится рядомъ съ нимъ и тоже молится. Онъ только шевелитъ губами и крестится, отецъ же громко шепчетъ и конецъ каждой молитвы произноситъ вслухъ и отчетливо.

— ... и жизни будущаго вѣка аминь!—говоритъ громко старикъ, втягиваетъ въ себя воздухъ и тотчасъ же шепчетъ другую молитву и въ концѣ отчеканиваетъ твердо и ясно:—и возложить на алтарь твой тельцы!

Прочитавъ свои молитвы, Яша торопливо крестится и говорить:

— Пожалуйте пять копеекъ.

И, получивъ пятакъ, онъ беретъ красный мѣдный чайникъ и бѣжитъ на станцію за кипяткомъ. Широко прыгая черезъ шпалы и рельсы, оставляя на пушистомъ снѣгу громадные слѣды и выливая на пути изъ чайника вчерашній чай, онъ подбѣгаетъ къ буфету и звонко стучитъ пятаконъ по своей посудѣ. Изъ вагона видно, какъ буфетчикъ отстраняетъ рукой его большой чайникъ и не соглашается отдать за пятакъ почти половину своего самовара, но Яша самъ отворачиваетъ кранъ и, разставивъ локти, чтобы ему не мѣшали, наливаетъ себѣ кипятку полный чайникъ.

— Сволочь проклятая!—кричитъ ему вслѣдъ буфетчикъ, когда онъ бѣжитъ обратно къ вагону.

За чаемъ хмурое лицо старика Малахина немного проясняется.

— Пить и ѣсть мы умѣемъ, а дѣла не помнимъ,—говоритъ онъ.—Вчера съ дѣлымъ днемъ только и знали, что пили да ѣли, а небось забыли расходы записать. Экая память, Господи!

Старикъ припоминаетъ вслухъ вчерашніе расходы и записываетъ въ истрепанной записной книжкѣ, гдѣ и сколько было дано кондукторамъ, машинистамъ, смазчикамъ...

Между тѣмъ пассажирскій поѣздъ давно уже ушелъ, и по свободному пути взадъ и впередъ, какъ кажется, безъ вся-

кой опредѣленной цѣли, а просто радуясь своей свободѣ, бѣгаетъ дежурный локомотивъ. Солнце уже взошло и играетъ по снѣгу; съ навѣса станціи и съ крышъ вагоновъ падаютъ свѣтлыя капли.

Напившись чаю, старикъ лѣниво плетется изъ вагона на станцію. Тутъ среди залы перваго класса стоятъ знакомый оберъ-кондукторъ и начальникъ станціи, молодой человѣкъ съ красивой бородкой и въ великолѣпномъ, шаршавомъ пальто. Молодой человѣкъ, вѣроятно, отъ непривычки стоять на одномъ мѣстѣ, граціозно, какъ хорошій скаковой конь, переминается съ ноги на ногу, глядитъ по сторонамъ, дѣлаетъ подъ козырекъ всѣмъ мимо проходящимъ, улыбается, щуритъ глаза... Онъ румяный, здоровъ, веселъ, лицо его дышитъ вдохновеніемъ и такою свѣжестью, какъ будто онъ только-что свалился съ неба вмѣстѣ съ пушистымъ снѣгомъ. Увидѣвъ Малахина, оберъ-кондукторъ виновато вздыхаетъ и разводитъ руками.

— Не придется намъ ѣхать четырнадцатымъ номеромъ! — говоритъ онъ. — Опоздали сильно. Ужъ другой поѣздъ пошелъ съ этимъ номеромъ.

Начальникъ станціи быстро просматриваетъ какіе-то бланки, потомъ переводитъ свои голубые, восторженные глаза на Малахина и, улыбаясь, дыша на него свѣжестью, осыпаетъ его вопросами:

— Вы господинъ Малахинъ? У васъ быки? Восемь вагоновъ? Какъ же теперь быть? Вы опоздали, и четырнадцатый номеръ уже пущенъ мною ночью. Что же мы теперь будемъ дѣлать?

Молодой человѣкъ двумя розовыми пальцами осторожно беретъ Малахина за мѣхъ полушубка и, переминаясь съ ноги на ногу, ласково и убѣдительно объясняетъ ему, что такіе-то номера уже ушли, а такіе-то пойдутъ, что онъ готовъ сдѣлать для Малахина все отъ него зависящее. И по лицу его видно, что онъ дѣйствительно готовъ сдѣлать пріятное не только Малахину, но даже всему свѣту—такъ онъ счастливъ, доволенъ и радъ! Старикъ слушаетъ и хотя ровно ничего не понимаетъ въ замысловатой поѣздной номераціи, но одобрительно киваетъ головой и самъ касается двумя пальцами нѣжной ворсы шаршаваго пальто. Ему пріятно видѣть и слушать приличнаго и ласковаго молодого человѣка. Чтобы съ своей стороны показать ему свое располо-

женіе, онъ вынимаетъ десятирублевку, подумавъ, прибавляетъ къ ней еще двѣ рублевья бумажки и подаетъ ихъ начальнику станціи. Тотъ беретъ, дѣлаетъ подь козырекъ и граціозно суетъ себѣ въ карманъ.

— Вотъ что, господа, не устроить ли намъ такимъ образомъ?—говоритъ онъ, озаренный новою, только-что мелькнувшей идеей.— Воинскій поѣздъ опоздалъ... его, какъ видите, нѣтъ... Такъ не отправиться ли вамъ воинскимъ *) поѣздомъ? А воинскій я ужъ пушу двадцать восьмымъ номеромъ. А?

— Пожалуй,—соглашается оберъ-кондукторъ.

— И отлично!—радуется начальникъ станціи.— Въ такомъ случаѣ вамъ нечего тутъ ждать, сейчасъ и поѣзжайте! Я васъ сейчасъ и отправлю! Отлично!

Онъ дѣлаетъ Малахину подь козырекъ и, читая на пути бланки, бѣжитъ къ себѣ. Старикъ очень доволенъ только-что бывшимъ разговоромъ; онъ улыбается и оглядываетъ всю залу, какъ бы ища: нѣтъ ли тутъ еще чего-нибудь пріятнаго?

— А мы все-таки выпьемъ,—говоритъ онъ, беря оберъ-кондуктора подь руку.

— Какъ будто бы еще рановато пить.

— Нѣтъ, ужъ вы позвольте мнѣ угостить васъ изъ любезности.

Оба идутъ къ буфету. Выпивши, оберъ-кондукторъ долго выбираетъ, чѣмъ бы закусить.

Это человекъ пожилой, чрезвычайно полный, съ полинявшимъ, пухлымъ лицомъ. Полнота у него непріятная, обрюзгая, съ желтизною, какая бываетъ у людей, много пьющихъ и спящихъ не въ-время.

— А теперь и по второй можно выпить,—говоритъ Малахинъ.— Теперь время холодное, не грѣхъ выпить. Кушайте, покорнѣйше прошу. Такъ, значитъ, я на васъ надѣюсь, господинъ оберъ-кондукторъ, что всю дорогу не будетъ никакихъ препятствій и непріятностей. Потому, знаете, въ нашемъ скотопромышленномъ дѣлѣ каждый часъ дорогъ. Сегодня одна цѣна мясу, а завтра, гляди, другая.

*) Воинскимъ называется номеръ поѣзда, предназначеннаго спеціально для перевозки войскъ; когда войскъ не бываетъ, онъ везетъ товаръ и идетъ быстрѣе обыкновенныхъ товарныхъ поѣздовъ.

Опоздаешь на день—на два и не попадешь въ цѣну, да вмѣсто того, чтобъ пользу взять, гляди, и прїѣдешь домой, извините, безъ брюковъ. Кушайте, покорнѣйше прошу... Я на васъ надѣюсь, а насчетъ угощенія, или чего желаете, я изъ любезности могу во всякое время васъ уважить.

Накормивъ оберъ-кондуктора, Малахинъ возвращается къ себѣ въ вагонъ.

— Сейчасъ я себѣ воинскій номеръ вымаклячилъ, — говоритъ онъ сыну. — Шибко поѣдемъ. Кондукторъ говоритъ, что если все время съ этимъ номеромъ будемъ ѣхать, то завтра въ 8 часовъ вечера будемъ на мѣстѣ. Не хлопочешь, братъ, не получишь... Такъ-то... Гляди вотъ и прїучайся...

Послѣ перваго звонка къ дверямъ вагона подходитъ человѣкъ съ лицомъ, чернымъ отъ сажи, въ блузѣ и въ грязныхъ, потертыхъ панталонахъ на-выпускъ. Это смазчикъ, который только-что лазилъ подъ вагонами и стучалъ молоткомъ по колесамъ.

— Господа, это ваши вагоны съ быками?—спрашиваетъ онъ.

— Наши, а что?

— А то, что два вагона больные. Нельзя ихъ пущать, надо тутъ въ починку оставить.

— Ну да, бреши больше! Просто выпить хочется, хабару взять... Такъ и говорилъ бы.

— Какъ вамъ угодно, а только я сейчасъ обязанъ доложить.

Не возмущаясь и не протестуя, а спокойно, почти машинально старикъ достаетъ изъ кармана два двугривенныхъ и подаетъ ихъ смазчику. Тотъ тоже очень спокойно беретъ ихъ и, добродушно глядя на старика, заводитъ разговоръ:

— Поторговать, стало-быть, ѣдете... Хорошее дѣло!

Малахинъ вздыхаетъ и, спокойно глядя на черное лицо смазчика, рассказываетъ, что торговля быками прежде была дѣйствительно выгодна, теперь же она составляетъ дѣло рискованное и убыточное.

— Тутъ у меня товарищъ есть,—перебиваетъ его смазчикъ.—Такъ вы бы, господа кушцы, и ему сколько-нибудь презентовали...

Малахия дасть и на товарища... Военскій поѣздъ идетъ быстро и стоитъ на станціяхъ сравнительно недолго. Старикъ доволенъ. Приятное впечатлѣніе, оставленное молодымъ человѣкомъ въ шаршавомъ пальто, крѣпко засѣло въ немъ, выпитая водка слегка туманитъ голову, погода великолѣпная и, повидимому, все обстоитъ прекрасно. Онъ безъ умолку говоритъ и во время каждой остановки бѣгаетъ къ буфету. Чувствуя потребность въ слушателяхъ, онъ тащитъ къ буфету то оберъ-кондуктора, то машиниста, и пьетъ не просто, а длительно, съ причитываніями и съ чоканьемъ.

— У васъ свое дѣло, у насъ свое...—говоритъ онъ благодушно, улыбаясь. — Дай Богъ и намъ, и вамъ, и чтобъ не какъ намъ угодно, а какъ Богу...

Отъ водки онъ мало-по-малу возбуждается и впадаетъ въ дѣловой азартъ. Ему хочется хлопотать, торопиться, наводить справки, безъ умолку говорить. Онъ то роется въ карманахъ и въ узлахъ, и ищетъ какой-то бланокъ, то что-то вспоминаетъ и никакъ не можетъ вспомнить, то вынимаетъ бумажникъ и безъ всякой надобности пересчитываетъ свои деньги. Онъ суетится, охаетъ, ужасается, всплескиваетъ руками... Разложивъ передъ собою письма и телеграммы столичныхъ мясоторговцевъ, счета, почтовые и телеграфныя расписки, бланки, свою записную книжку, онъ соображаетъ вслухъ и требуетъ, чтобы Яша слушалъ.

А когда надоѣдаетъ ему читать бланки и говорить о дѣлахъ, онъ во время остановокъ бѣгаетъ по вагонамъ, гдѣ стоятъ его быки, ничего не дѣлаетъ, а только всплескиваетъ руками и ужасается.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—говоритъ онъ жалобнымъ голосомъ.—Священномученикъ Власій! Хоть оно и быкъ, хоть оно и тварь, а вѣдь тоже, какъ и люди, хочетъ и пить, и ѣсть. Ужъ четверо сутокъ, какъ не пили и не ѣли. Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Яша, какъ послушный сынъ, ходитъ за нимъ и исполняетъ его приказанія. Ему не нравится, что старикъ часто бѣгаетъ къ буфету. Хоть онъ и боится отца, но не можетъ удержаться отъ замѣчанія.

— А вы ужъ начали!—говоритъ онъ, сурово оглядывая старика. — Съ какой это радости? Именинники вы, что ли?

— Не смѣешь ты родному отцу указывать.

— Ишь, моду какую взяли...

Когда не нужно бываетъ ходить за отцомъ, Яша все время сидитъ неподвижно на буркѣ и пиликаеть на гармоникѣ. Изрѣдка онъ выйдетъ изъ вагона и лѣниво пройдетя вдоль поѣзда: остановится онъ около локомотива и устремитъ долгій, неподвижный взглядъ на колеса или на рабочихъ, бросающихъ полѣнья на тендеръ; горячій локомотивъ сишитъ, падающія полѣнья издають сочный, здоровый звукъ свѣжаго дерева; машинистъ и его помощникъ, люди очень хладнокровные и равнодушные, дѣлають какія-то непонятныя движенія и не сиѣшаютъ. Постоявъ около паровоза, Яша лѣниво плетется на станцію; тутъ онъ оглядитъ закуски въ буфетѣ, прочтетъ для себя вслухъ какое-нибудь очень неинтересное объявленіе и не сиѣша возвращается въ вагонъ. Лицо его не выражаетъ ни скуки, ни желаній; ему, повидимому, рѣшительно все равно, гдѣ ни быть: дома ли, въ вагонѣ, около ли паровоза...

Къ вечеру поѣздъ останавливается около большой станціи. Огни по линіи только-что зажжены; на синѣющемъ фонѣ, въ свѣжемъ, прозрачномъ воздухѣ огни ярки и блѣдны, какъ звѣзды; красны и лучисты они только подъ навѣсомъ, гдѣ уже темно. Всѣ пути запружены вагонами и, кажется, приди новый поѣздъ, для него не найдется мѣста. Яша бѣжитъ на станцію за кипяткомъ для вечерняго чая. На платформѣ гуляють хорошо одѣтыя дамы и гимназисты. По обѣ стороны вокзала, если поглядѣть съ платформы вдаль, мелькають въ вечерней мглѣ далекіе огоньки—это городъ. Какой? Яшѣ не интересно знать. Онъ видитъ только тусклые огни и жалкія постройки за вокзаломъ, слышитъ крикъ извозчиковъ, чувствуетъ на лицѣ рѣзкій, холодный вѣтеръ и думаетъ, что этотъ городъ, вѣроятно, не хорошій, не уютный и скучный...

Во время чая, когда уже совсѣмъ стемнѣло и на стѣнѣ вагона по-вчерашнему виситъ фонарь, поѣздъ вздрагиваетъ отъ легкаго толчка и тихо идетъ назадъ. Пройдя немного, онъ останавливается; слышатся неясные крики, кто-то стучитъ пѣлями около буферовъ и кричитъ: «готово!» Поѣздъ трогается и идетъ впередъ. Минуть черезъ десять его опять тащатъ назадъ.

Выйдя изъ вагона Малахинъ не узнаетъ своего поѣзда.

Его восемь вагоновъ съ быками стоятъ въ одномъ ряду съ невысокими вагонами-платформами, какихъ рашше не было въ поѣздѣ. На двухъ-трехъ платформахъ наваленъ бутъ, а остальные пусты. Вдоль поѣзда снуютъ незнакомые кондуктора. На вопросы они отвѣчаютъ неохотно и глухо. Имъ не до Малахиа; они торопятся составить поѣздъ, чтобы поскорѣе отдѣлаться и идти въ тепло.

— Какой это номеръ?—спрашиваетъ Малахинъ.

— Восемнадцатый!

— А гдѣ же воинскій? Зачѣмъ меня отъ воинскаго отцѣпили?

Не получивъ отвѣта, старикъ идетъ на станцію. Онъ ищетъ сначала знакомаго оберъ-кондуктора и, не найдя его, идетъ къ начальнику станціи. Начальникъ сидитъ у себя въ комнатѣ за столомъ и перебираетъ пальцами пачку какихъ-то бланковъ. Онъ занятъ и дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ вошедшаго. Наружность у него внушительная: голова черная, стриженная, уши оттопыренные, носъ длинный, съ горбинкой, лицо смуглое; выраженіе у него суровое и какъ будто оскорбленное. Малахинъ начинаетъ длинно излагать ему свою претензію.

— Что-съ? — спрашиваетъ начальникъ. — Какъ? — онъ откидывается на спинку стула и продолжаетъ, возмущаясь:— что-съ? А почему же вамъ не ѣхать съ восемнадцатымъ номеромъ? Говорите яснѣе, я ничего не понимаю! Какъ? Прикажете мнѣ разорваться на части?

Онъ слылетъ вопросами и безъ всякой видимой причины становится все строже и строже. Малахинъ уже дѣзетъ въ карманъ за бумажникомъ, но начальникъ, въ конецъ оскорбленный и возмущенный, неизвѣстно чѣмъ, вскакиваетъ со стула и выбѣгаетъ изъ комнаты. Малахинъ, пожимая плечами, выходитъ и ищетъ, съ кѣмъ бы еще поговорить.

Отъ скуки ли, изъ желанія ли завершить хлопотливый день еще какой-нибудь новой хлопотой, или просто потому, что на глаза ему попадается оконце съ выѣской «Телеграфъ», онъ подходитъ къ окну и заявляетъ желаніе послать телеграмму. Взявши перо, онъ думаетъ и пишетъ на синемъ бланкѣ: «Срочная. Начальнику движенія. Восемь вагоновъ живымъ грузомъ. Задерживаютъ на каждой станціи. Прощу дать скорый номеръ. Отвѣтъ уплоченъ. Малахинъ».

Пославъ телеграмму, онъ опять идетъ въ комнату начальника станціи. Тутъ на диванчикѣ, обитомъ сѣрымъ сукномъ, сидитъ какой-то благообразный господинъ съ бакенами, въ очкахъ и въ енотовой шапкѣ; на немъ какая-то странная шубка, очень похожая на женскую, съ мѣховой опушкой, съ аксельбантами и съ разрѣзами на рукавахъ. Передъ нимъ стоитъ другой господинъ, сухой и жилистый, въ формѣ контролера.

— Помилуйте, — рассказываетъ контролеръ, обращаясь къ господину въ странной шубкѣ. — Я сейчасъ расскажу вамъ случай такой, что мое вамъ почтеніе! Z—я дорога преспокойнѣйшимъ образомъ украла у N—ской дороги триста товарныхъ вагоновъ. Это фактъ—съ! Клянусь Богомъ! Завезла къ себѣ, перекрасила, выставила свои литеры и—сдѣлайте ваше одолженіе! N—ская дорога плетъ всюду агентовъ, ищетъ, ищетъ, и вдругъ, можете себѣ представить, попадаетея ей больной вагонъ Z—ской дороги. Она чинитъ его у себя въ депо и вдругъ, мое вамъ почтеніе, видитъ на колесахъ и осяхъ свое клеймо. Каково—съ? А? Сдѣлай это я, меня въ Сибирь сошлютъ, а желѣзнымъ дорогамъ—пссс!

Малахну пріятно поговорить съ интеллигентными, образованными людьми. Онъ разглаживаетъ бороду и солидно вмѣшивается въ разговоръ.

— Взять теперь, господа, къ примѣру хоть такой случай,—говоритъ онъ. — Я везу быковъ въ X. Восемь вагоновъ. Хорошо—съ... Скажемъ теперь такъ: берутъ съ меня за каждый вагонъ, какъ за 600 пудовъ тяги. Въ восьми быкахъ не будетъ шести сотъ пудовъ, а гораздо меньше, они же не принимаютъ этого себѣ во вниманіе...

Въ это время въ комнату входитъ Яша, ищущій отца. Онъ слушаетъ и хочетъ сѣсть на стулъ, но, вѣроятно, вспомнивъ про свою тяжесть, отходитъ отъ стула и садится на подоконникъ.

— А они не принимаютъ это себѣ во вниманіе,—продолжаетъ Малахнъ: — и берутъ еще съ меня и съ сына за то, что мы при быкахъ ѣдемъ, сорокъ два рубля, какъ за III классъ. Это мой сынъ Іаковъ; есть у меня дома еще двое, да тѣ по ученой части. Ну—съ, и кромѣ того, я такъ понимаю, что желѣзныя дороги разорили скотопромышленниковъ. Прежде, когда гурты гоняли, лучше было.

Говорить старикъ протяжно и длинно. Послѣ каждой фразы онъ взглядываетъ на Яшу, какъ бы желая сказать: гляди, какъ я съ умными людьми разговариваю!

— Помилуйте!—перебиваетъ его контролеръ.—Никто не возмущается, никто не критикуетъ! А почему? Очень просто! Мерзость возмущаетъ и рѣжетъ глаза только тамъ, гдѣ она случайна, гдѣ ею нарушается порядокъ; здѣсь же, гдѣ она, мое вамъ почтеніе, составляетъ давно заведенную программу и входитъ въ основу самаго порядка, гдѣ каждая шпала носитъ ея слѣдъ и издаетъ ея запахъ, она слишкомъ скоро входитъ въ привычку! Да-съ!

Бьетъ второй звонокъ. Господинъ въ странной шубкѣ поднимается. Контролеръ беретъ его подъ руку и, продолжая горячо говорить, уходитъ съ нимъ на платформу. Послѣ третьяго звонка въ комнату вбѣгаетъ начальникъ станціи и садится за свой столъ.

— Послушайте, съ какимъ же номеромъ я поѣду?—спрашиваетъ Малахинъ.

Начальникъ глядитъ въ бланокъ и говоритъ, возмущаясь:

— Вы Малахинъ? Восемь вагоновъ? Съ васъ по рублю за вагонъ и шесть двадцать за марки. У васъ марокъ нѣтъ. Итого 14 руб. 20 коп.

Получивъ деньги, онъ записываетъ что-то, засыпаетъ пескомъ и, сердито рванувъ со стола пачку бланковъ, быстро выходитъ изъ комнаты.

Въ 10 часовъ вечера Малахинъ получаетъ отвѣтъ начальника движенія: «Дать преимущество». Прочитавъ эту телеграмму, старикъ значительно подмигиваетъ глазомъ и, очень довольный собою, кладетъ ее въ карманъ.

— Вотъ,—говоритъ онъ Яшѣ.—Гляди и приучайся.

Въ полночь его поѣздъ идетъ дальше. Ночь, какъ вчера темная и холодная, стоянки долгія. Яша сидитъ на буркѣ и невозмутимо циликаетъ на гармоникѣ, а старику все еще хочется хлопотать. На одной изъ станцій ему приходитъ охота составить протоколъ. По его требованію, жандармъ садится и пишетъ: «188* года ноября 10 я, унтеръ-офицеръ Z-го отдѣленія N-скаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ Илья Чередъ, на основаніи 11 статьи закона 19-го мая 1871 года, составилъ сѣй протоколъ на станціи X. въ нижеслѣдующемъ...»

— Дальше что писать?—спрашиваетъ жандармъ.

Малахинъ выкладываетъ передъ нимъ бланки, почтовые и телеграфныя расписки, счеты... Что ему нужно отъ жандарма, онъ самъ опредѣленно не знаетъ; ему хочется описать въ протоколѣ не какой-нибудь отдѣльный эпизодъ, а все свое путешествіе, всѣ свои убытки, разговоры съ начальниками станцій, описать длинно и язвительно.

— А на станціи Z.,—говоритъ онъ:—напишите: начальникъ станціи отцѣпилъ мои вагоны отъ воинскаго поѣзда, потому что моя фізіономія ему не понравилась.

И ему хочется, чтобы жандармъ непременно упомянулъ о фізіономіи. Тотъ утомленно слушаетъ и, не дослушавъ, продолжаетъ писать. Свой протоколъ онъ заканчиваетъ такъ: «Вышеизложенное я, унтеръ-офицеръ Чередъ, записалъ въ сей протоколъ и постановилъ представить оный начальнику Z-го отдѣленія, а копию онаго выдать мѣщанину Гаврилѣ Малахину». Старикъ беретъ копию, приобщаетъ ее къ бумагамъ, которыми набить его боковой кармагъ, и очень довольный идетъ къ себѣ въ вагонъ.

Утромъ Малахинъ опять просыпается не въ духѣ, но уже гнѣвъ свой изливаетъ не на Яшѣ, а на быкахъ.

— Пропали быки!—ворчитъ онъ.—Пропали! Они передохнуть! Накажи меня Богъ, передохнуть всѣ! Тьфу!

Быки, давно уже не пившіе, мучимые жаждою, лижутъ иней на стѣнахъ и, когда подходятъ къ нимъ Малахинъ, начинаютъ лизать его холодный полушубокъ. По ихъ свѣтлымъ слезящимся глазамъ видно, что они изнеможены жаждою и вагонной качкой, голодны и тоскуютъ.

— Вотъ, вози васъ, проклятыхъ!—ворчитъ Малахинъ.— Ужъ издыхали бы поскорѣй, что ли! Глядѣтъ на васъ противно.

Въ полдень поѣздъ останавливается у большой станціи, гдѣ, по правиламъ, для живого груза устраивается водоной. Быкамъ Малахина даютъ пить, но быки не пьютъ: вода оказывается слишкомъ холодной...

Проходитъ еще двое сутокъ и наконецъ вдали, въ смугломъ туманѣ показывается столица. Путь конченъ. Поѣздъ останавливается, не доѣзжая города, около товарной станціи. Быки, выпущенные изъ вагоновъ на волю, пошатаются и спотыкаются, точно идутъ по скользкому льду.

Покончивъ съ выгрузкой и ветеринарнымъ осмотромъ,

Малахинъ и Яша поселяются въ грязныхъ, дешевыхъ номерахъ на окраинѣ города, на той самой площади, гдѣ производится торгъ скотомъ. Живутъ они въ грязи, ѣдятъ отвратительно, какъ никогда не ѣли у себя дома, спятъ подь рѣзкіе звуки плохого оркестріона, день и ночь играющаго въ трактирѣ подь номерами. Старикъ съ утра уходитъ куда-то искать покупателей, а Яша по цѣлымъ днямъ сидитъ въ номерѣ, или же выходитъ на улицу поглядѣть столичный городъ. Онъ видитъ грязную, унавоженную площадь, трактирные выѣски, зубчатую стѣну монастыря въ туманѣ... Изрѣдка перебѣжитъ онъ улицу и заглянетъ въ окно бакалейной лавочки, полюбуется на банки съ разноцвѣтными пряниками, зѣвнетъ и лѣниво поллететь къ себѣ въ номеръ. Столица не интересуется его.

Наконецъ быковъ продаютъ какому-то купцу. Малахинъ нанимаетъ погонщиковъ. Всѣхъ быковъ дѣлятъ на партіи по десяти головъ въ каждой и гонятъ ихъ на другой конецъ города. Быки, понуривъ головы, утомленные, идутъ по шумнымъ улицамъ и равнодушно глядятъ на то, что видятъ они первый и послѣдній разъ въ жизни. Оборванные погонщики идутъ за ними, тоже понуривъ головы. Имъ скучно... Изрѣдка какой-нибудь погонщикъ встрепенется отъ думъ, вспомнить, что впереди его идутъ вѣтренные ему быки, и, чтобы показать себя занятымъ человѣкомъ, со всего размаха ударитъ палкой по спиѣ быка. Быкъ спотыкнется отъ боли, пробѣжитъ шаговъ десять впередъ и поглядитъ въ стороны съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ему совѣстно, что его бьютъ при чужихъ людяхъ.

Продавъ быковъ и накупивъ для семьи гостинцевъ, какіе можно было бы купить у себя дома, Малахинъ и Яша собираются въ обратный путь. За три часа до отхода поѣзда, старикъ, уже вышившій съ покупателемъ, а потому хлопотливый, спускается съ Яшей въ трактиръ и садится пить чай. Какъ всѣ провинціалы, онъ не можетъ одинъ пить и ѣсть: ему нужна компанія, такая же хлопотливая и разсудительная, какъ онъ самъ.

— Позови хозяина! — говоритъ онъ половому. — Скажи, что я его угостить желаю изъ любезности.

Хозяинъ, человѣкъ сытый и совершенно равнодушный къ своимъ постояльцамъ, приходитъ и садится за столъ.

— Ну, поторговали!—говорить ему Малахинъ, смѣясь.— Промѣняли козу на ястреба. Какъ же, уѣхали сюда—было мясо по три-девятисто, а привѣжаемъ—оно ужъ по три съ четвертакомъ. Говорять, опоздали, было бы тремя днями раньше привѣзжать, потому что теперь на мясо спросъ не тотъ, Филипповъ постъ пришелъ... А? Чистая катавасія! На каждомъ быкъ взялъ убытку четырнадцать рублей. Да вы посудите: провозъ быка сколько стоитъ? Пятнадцать рублей тарифа, да шесть рублей кладите на каждого быка—шахеръ-махеръ, взятки, угощенія, то да се..

Хозяинъ изъ приличія слушаетъ и неохотно хлебаеть чай. Малахинъ охаеть, всплескиваетъ руками, подшучиваетъ надъ своей неудачей, но по всему видно, что понесенный имъ убытокъ мало волнуетъ его. Ему все равно, что убытокъ, что польза, лишь бы только были у него слушатели, было бы о чемъ хлопотать, да не опоздать бы какъ-нибудь на поѣздъ.

Черезъ часъ Малахинъ и Яша, навьюченные мѣшками и чемоданами, спускаются изъ номеровъ внизъ къ выходу, чтобы садиться на извозчика и ѣхать на вокзалъ. Ихъ провожаютъ хозяинъ, коридорные и какія-то бабы. Старикъ растроганъ. Онъ тычетъ во всѣ стороны гривенники и говоритъ нараспѣвъ:

— Прошайте, оставайтесь здоровы! Дай Богъ вамъ, чтобъ все было, какъ надо. Богъ дастъ, коли будемъ живы и здоровы, опять приѣдемъ въ Великому посту. Прощайте! Спасибо... дай Богъ!

Сѣвши въ санки, старикъ снимаетъ шапку и долго крестится въ ту сторону, гдѣ въ туманѣ темнѣетъ монастырская стѣна. Яша садится рядомъ съ нимъ на краешекъ сидѣнья и свѣшиваетъ ногу въ сторону. Его лицо попрежнему безстрастно и не выражаетъ ни скуки, ни желаній. Онъ не радуется, что ѣдетъ домой, и не жалѣетъ, что не успѣлъ поглядѣть на столицу.

— Трогай!

Извозчикъ бьетъ по лошади и, обернувшись, начинаетъ браниться за тяжелый и громоздкій багажъ.

СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ.

(Изъ записокъ стараго человѣка.)

I.

Есть въ Россіи заслуженный профессоръ Николай Степановичъ такой-то, тайный совѣтникъ и кавалеръ; у него такъ много русскихъ и иностранныхъ орденовъ, что когда ему приходится надѣвать ихъ, то студенты величаютъ его иконостасомъ. Знакомство у него самое аристократическое; по крайней мѣрѣ за послѣднія 25 — 30 лѣтъ въ Россіи нѣтъ и не было такого знаменитаго ученаго, съ которымъ онъ не былъ бы коротко знакомъ. Теперь дружить ему не съ кѣмъ, но если говорить о прошломъ, то длинный списокъ его славныхъ друзей заканчивается такими именами, какъ Пироговъ, Кавелинъ и поэтъ Некрасовъ, дарившіе его самой искренней и теплой дружбой. Онъ состоитъ членомъ всѣхъ русскихъ и трехъ заграничныхъ университетовъ. И прочее, и прочее. Все это и многое, что еще можно было бы сказать, составляетъ то, что называется моимъ именемъ.

Это мое имя популярно. Въ Россіи оно извѣстно каждому грамотному человѣку, а за границу оно упоминается съ каедръ съ прибавкою извѣстный и почтенный. Принадлежитъ оно къ числу тѣхъ немногихъ счастливыхъ именъ, бранить которыя или упоминать ихъ все въ публикѣ и въ печати считается признакомъ дурного тона. Такъ это и должно быть. Вѣдь съ моимъ именемъ тѣсно связано понятіе о человѣкѣ знаменитомъ, богато одаренномъ и несо-

мнѣнно полезномъ. Я трудолюбивъ и выносливъ, какъ верблюдъ, а это важно, и талантливъ, а это еще важнѣе. Къ тому же, къ слову сказать, я воспитанный, скромный и честный малый. Никогда я не соваль своего носа въ литературу и въ политику, не искалъ популярности въ полемикѣ съ невѣждами, не читалъ рѣчей ни на обѣдахъ, ни на могилахъ своихъ товарищей... Вообще на моемъ ученомъ имени нѣтъ ни одного пятна и пожаловаться ему не на что. Оно счастливо.

Носящій это имя, т.-е. я, изображаю изъ себя человѣка 62 лѣтъ, съ лысой головой, съ вставными зубами и съ неизлѣчимымъ tic'омъ. Насколько блестяще и красиво мое имя, настолько тускло и безобразенъ я самъ. Голова и руки у меня трясутся отъ слабости; шея, какъ у одной тургеневской героини, похожа на ручку контрабаса, грудь впалая, спина узкая. Когда я говорю или читаю, ротъ у меня кривится въ сторону; когда улыбаюсь — все лицо покрывается старчески-мертвенными морщинами. Ничего нѣтъ внушительнаго въ моей жалкой фигурѣ; только развѣ, когда бываю я боленъ tic'омъ, у меня появляется какое-то особенное выраженіе, которое у всякаго, при взглядѣ на меня, должно-быть, вызываетъ суровую внушительную мысль: «Повидимому, этотъ человѣкъ скоро умретъ».

Читаю я попрежнему не худо; какъ и прежде, я могу удерживать вниманіе слушателей въ продолженіе двухъ часовъ. Моя страстность, литературность изложенія и юморъ дѣлаютъ почти незамѣтными недостатки моего голоса, а онъ у меня сухъ, рѣзокъ и пѣвучъ, какъ у ханжи. Пишу же я дурно. Тотъ кусочекъ моего мозга, который завѣдуетъ писательскою способностью, отказался служить. Память моя ослабѣла, въ мысляхъ недостаточно послѣдовательности, и когда я излагаю ихъ на бумагѣ, мнѣ всякій разъ кажется, что я утерялъ чутье къ ихъ органической связи, конструкція однообразна, фраза скудна и робка. Часто пишу я не то, что хочу; когда пишу конецъ, не помню начала. Часто я забываю обыкновенныя слова, и всегда мнѣ приходится тратить много энергіи, чтобы избѣгать въ письмѣ лишнихъ фразъ и ненужныхъ вводныхъ предложеній — то и другое ясно свидѣтельствуетъ объ упадкѣ умственной дѣятельности. И замѣчательно, чѣмъ проще письмо, тѣмъ мучительнѣе мое напряженіе. За научной статьёй я чувствую себя го-

раздо свободнѣе и умнѣе, чѣмъ за поздравительнымъ письмомъ или докладной запиской. Еще одно: писать по-нѣмецки или по-англійски для меня легче, чѣмъ по-русски.

Что касается моего теперешняго образа жизни, то прежде всего я долженъ отмѣтить бессонницу, которою страдаю въ послѣднее время. Если бы меня спросили: что составляетъ теперь главную и основную черту твоего существованія? Я отвѣтилъ бы: бессонница. Какъ и прежде, по привычкѣ, ровно въ полночь я раздѣваюсь и ложусь въ постель. Засыпаю я скоро, но во второмъ часу просыпаюсь, и съ такимъ чувствомъ, какъ будто совсѣмъ не спалъ. Приходится вставать съ постели и зажигать лампу. Часть, или два я хожу изъ угла въ уголъ по комнатѣ и разсматриваю давно знакомыя картины и фотографіи. Когда надоѣдаетъ ходить, сажусь за свой столъ. Сажу я неподвижно, ни о чемъ не думая и не чувствуя никакихъ желаній; если передо мной лежитъ книга, то машинально я придвигаю ее къ себѣ и читаю безъ всякаго интереса. Такъ, недавно, въ одну ночь я прочелъ машинально цѣлый романъ подъ страннымъ названіемъ: «О чемъ пѣла ласточка». Или же я, чтобы занять свое вниманіе, заставляю себя считать до тысячи, или воображаю лицо кого-нибудь изъ товарищей и начинаю вспоминать: въ какомъ году и при какихъ обстоятельствахъ онъ поступилъ на службу? Люблю прислушиваться къ звукамъ. То за двѣ комнаты отъ меня быстро проговорить что-нибудь въ бреду моя дочь Лиза, то жена пройдетъ черезъ залу со свѣчой и непременно уронитъ коробку со спичками, то скрипнетъ разсыхающійся шкафъ, или неожиданно загудитъ горѣлка въ лампѣ — и всѣ эти звуки почему-то волнуютъ меня.

Не спать ночью—значитъ каждую минуту сознать себя ненормальнымъ, а потому я съ нетерпѣніемъ жду утра и дня, когда я имѣю право не спать. Проходитъ много томительнаго времени, прежде чѣмъ на дворѣ закричитъ пѣтухъ. Это мой первый благовѣститель. Какъ только онъ прокричитъ, я уже знаю, что черезъ часъ внизу проснется швейцаръ и, сердито кашляя, пойдетъ зачѣмъ-то вверхъ по лѣстницѣ. А потомъ за окнами начнетъ мало-по-малу блѣднѣть воздухъ, раздадутся на улицѣ голоса...

День начинается у меня приходомъ жены. Она входитъ ко мнѣ въ юбкѣ, непричесанная, но уже умытая, пахнущая

цветочнымъ одеколономъ, и съ такимъ видомъ, какъ будто вошла нечаянно, и всякій разъ говорить одно и то же:

— Извини, я на минутку... Ты опять не спалъ?

Затѣмъ она тушитъ лампу, садится около стола и начинаетъ говорить. Я не пророкъ, но заранѣе знаю, о чемъ будетъ рѣчь. Каждое утро одно и то же. Обыкновенно, послѣ тревожныхъ разспросовъ о моемъ здоровьѣ, она вдругъ вспоминаетъ о нашемъ сынѣ офицерѣ, служащемъ въ Варшавѣ. Послѣ двадцатаго числа каждаго мѣсяца мы высылаемъ ему по 50 рублей—это главнымъ образомъ и служить темою для нашего разговора.

— Конечно, это намъ тяжело, — вздыхаетъ жена: — но пока онъ окончательно не сталъ на ноги, мы обязаны помогать ему. Мальчикъ на чужой сторонѣ, жалованье маленькое... Впрочемъ, если хочешь, въ будущемъ мѣсяцѣ мы пошлемъ ему не пятьдесятъ, а сорокъ. Какъ ты думаешь?

Ежедневный опытъ могъ бы убѣдить жену, что расходы не становятся меньше оттого, что мы часто говоримъ о нихъ, но жена моя не признаетъ опыта и аккуратно каждое утро рассказываетъ и о нашемъ офицерѣ, и о томъ, что хлѣбъ, славу Богу, сталъ дешевле, а сахаръ подорожалъ на двѣ копейки — и все это такимъ тономъ, какъ будто сообщаетъ мнѣ новость.

Я слушаю, машинально поддакиваю и, вѣроятно оттого, что не спалъ ночь, странныя, ненужныя мысли овладѣваютъ мной. Я смотрю на свою жену и удивляюсь какъ ребенокъ. Въ недоумѣннн я спрашиваю себя: неужели эта старая, очень полная, неуклюжая женщина, съ тупымъ выраженіемъ мелочной заботы и страха передъ кускомъ хлѣба, со взглядомъ, отуманеннымъ постоянными мыслями о долгахъ и нуждѣ, умѣющая говорить только о расходахъ и улыбаться только дешевизиѣ — неужели эта женщина была когда-то той самой тоненькой Варєю, которую я страстно полюбилъ за хорошей, ясный умъ, за чистую душу, красоту и, какъ Отелло Дездемону, за «состраданье» къ моей наукѣ? Неужели это та самая жена моя Варя, которая когда-то родила мнѣ сына?

Я напряженно всматриваюсь въ лицо сырой, неуклюжей старухи, ищу въ ней свою Варю, но отъ прошлаго у ней уцѣлѣлъ только страхъ за мое здоровье, да еще манера мое жалованье называть нашимъ жалованьемъ, мою шашку —

нашей шапкой. Мнѣ больно смотрѣть на нее, и чтобы утѣшить ее хоть немного, я позволяю ей говорить что угодно, и даже молчу, когда она несправедливо судить о людяхъ, или журить меня за то, что я не занимаюсь практикой и не издаю учебниковъ.

Кончается нашъ разговоръ всегда одинаково. Жена вдругъ вспоминаетъ, что я еще не пилъ чаю, и пугается.

— Что жъ это я сажу?—говоритъ она, поднимаясь.— Самоваръ давно на столѣ, а я тутъ болтаю. Какая я стала безпамятная, Господи!

Она быстро идетъ и останавливается у двери, чтобы сказать:

— Мы Егору должны за пять мѣсяцевъ. Ты это знаешь? Не слѣдуетъ запускать жалованья прислугѣ, сколько разъ я говорила! Отдать за мѣсяць десять рублей гораздо легче, чѣмъ за пять мѣсяцевъ—пятьдесятъ!

Выйдя за дверь, она опять останавливается и говоритъ:

— Никого мнѣ такъ не жаль, какъ нашу бѣдную Лизу. Учится дѣвочка въ консерваторіи, постоянно въ хорошемъ обществѣ, а одѣта Богъ знаетъ какъ. Такая шубка, что на улицу стыдно показаться. Будь она чья-нибудь другая, это бы еще ничего, но вѣдь всѣ знаютъ, что ея отецъ знаменитый профессоръ, тайный совѣтникъ!

И, попрекнувъ меня моимъ именемъ и чиномъ, она наконецъ уходитъ. Такъ начинается мой день. Продолжается онъ не лучше.

Когда я пью чай, ко мнѣ входитъ моя Лиза, въ шубкѣ, въ шапочкѣ и съ нотами, уже совсѣмъ готовая, чтобы идти въ консерваторію. Ей 22 года. На видъ она моложе, хороша собой и немножко похожа на мою жену въ молодости. Она нѣжно цѣлуетъ меня въ високъ и въ руку и говоритъ:

— Здравствуй, папочка. Ты здоровъ?

Въ дѣтствѣ она очень любила мороженое, и мнѣ часто приходилось водить ее въ кондитерскую. Мороженое для нея было мѣриломъ всего прекраснаго. Если ей хотѣлось похвалить меня, то она говорила: «Ты, папа, сливочный». Одинъ пальчикъ назывался у нея фисташковымъ, другой сливочнымъ, третій малиновымъ и т. д. Обыкновенно, когда по утрамъ она приходила ко мнѣ здороваться, я сажалъ ее къ себѣ на колѣни и, цѣлуя ея пальчики, приговаривалъ:

— Сливочный... фисташковый... лимонный...

И теперь, по старой памяти, я цѣлую пальцы Лизы и бормочу: «фисташковый... сливочный... лимонный...», но выходит у меня совсѣмъ не то. Я холоденъ какъ мороженое, и мнѣ стыдно. Когда входитъ ко мнѣ дочь и касается губами моего виска, я вздрагиваю точно въ високъ жалить меня пчела, напряженно улыбаюсь и отворачиваю свое лицо. Съ тѣхъ поръ, какъ я страдаю бессонницей, въ моемъ мозгу гвоздемъ сидитъ вопросъ: дочь моя часто видитъ, какъ я, старикъ, знаменитый человѣкъ, мучительно краснѣю оттого, что долженъ лакею; она видитъ, какъ часто забота о мелкихъ долгахъ заставляетъ меня бросать работу и по цѣлымъ часамъ ходить изъ угла въ уголъ и думать, но отчего же она ни разу тайкомъ отъ матери не пришла ко мнѣ и не шепнула: «Отецъ, вотъ мои часы, браслеты, сережки, платья... Заложи все это, тебѣ нужны деньги...»? Отчего она, видя, какъ я и мать, поддавшись ложному чувству, стараемся скрыть отъ людей свою бѣдность, отчего она не откажется отъ дорогого удовольствія заниматься музыкой? Я бы не принялъ ни часовъ, ни браслетовъ, ни жертвъ, храни меня Богъ, — мнѣ не это нужно.

Кстати вспоминаю я и про своего сына, варшавскаго офицера. Это умный, честный и трезвый человѣкъ. Но мнѣ мало этого. Я думаю, если бы у меня былъ отецъ старикъ и если бы я зналъ, что у него бываютъ минуты, когда онъ стыдится своей бѣдности, то офицерское мѣсто я отдалъ бы кому-нибудь другому, а самъ нанялся бы въ работники. Подобныя мысли о дѣтяхъ отравляютъ меня. Къ чему онѣ? Тантъ въ себѣ злое чувство противъ обыкновенныхъ людей за то, что они не герои, можетъ только узкій или озлобленный человѣкъ. Но довольно объ этомъ.

Въ безъ четверти десять нужно идти къ моимъ милымъ мальчикамъ читать лекцію. Одѣваюсь и иду по дорогѣ, которая знакома мнѣ уже 30 лѣтъ и имѣетъ для меня свою исторію. Вотъ большой, сѣрый домъ съ антекой; тутъ когда-то стоялъ маленькій домикъ, а въ немъ была портерная; въ этой портерной я обдумывалъ свою диссертацию и написалъ первое любовное письмо къ Варѣ. Писалъ карандашомъ, на листѣ съ заголовкомъ «Historia morbi». Вотъ бакалейная лавочка; когда-то хозяйничалъ въ ней жидокъ, продававшій мнѣ въ долгъ папирсы, потомъ толстая баба.

любившая студентов за то, что «у каждого из них мать есть»: теперь сидит рыжий купецъ, очень равнодушный человекъ, пьющій чай изъ мѣднаго чайника. А вотъ мрачнныя, давно не ремонтированныя университетскія ворота; скучающій дворникъ въ тулупѣ, метла, кучи снѣга... На свѣжаго мальчика, пріѣхавшаго изъ провинціи и воображающаго, что храмъ науки въ самомъ дѣлѣ храмъ, такія ворота не могутъ произвести здороваго впечатлѣнія. Вообще ветхость университетскихъ построекъ, мрачность коридоровъ, копоть стѣнъ, недостатокъ свѣта, унылый видъ ступеней, вѣшалокъ и скамей въ исторіи русскаго пессимизма занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ на ряду причинъ предрасполагающихъ... Вотъ и нашъ садъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ студентомъ, онъ, кажется, не сталъ ни лучше, ни хуже. Я его не люблю. Было бы гораздо умнѣе, если бы вмѣсто чахоточныхъ липъ, желтой акаціи и рѣдкой, стриженной сирени росли тутъ высокія сосны и хорошіе дубы. Студентъ, настроеніе котораго въ большинствѣ создается обстановкой, на каждомъ шагу, тамъ, гдѣ онъ учится, долженъ видѣть передъ собою только высокое, сильное и изящное... Храни его Богъ отъ тонкихъ деревьевъ, разбитыхъ околъ, сѣрыхъ стѣнъ и дверей, обитыхъ рваною клеенкой.

Когда подхожу я къ своему крыльцу, дверь распаивается и меня встрѣчаетъ мой старый сослуживецъ, сверстникъ и тезка швейцаръ Николай. Впустивъ меня, онъ крикаетъ и говоритъ:

— Морозъ, ваше превосходительство!

Или же, если моя шуба мокрая, то:

— Дождикъ, ваше превосходительство!

Затѣмъ онъ бѣжитъ впереди меня и отворяетъ на моемъ пути всѣ двери. Въ кабинетѣ онъ бережно снимаетъ съ меня шубу и въ это время успѣваетъ сообщить мнѣ какую-нибудь университетскую новость. Благодаря короткому знакомству, какое существуетъ между всѣми университетскими швейцарами и сторожами, ему извѣстно все, что происходитъ на четырехъ факультетахъ, въ канцеляріи, въ кабинетѣ ректора, въ библиотекѣ. Чего только онъ не знаетъ? Когда у насъ злобою дня бываетъ, напримѣръ, отставка ректора или декана, то я слышу, какъ онъ, разговаривая съ молодыми сторожами, называетъ кандидатовъ и тутъ же поясняетъ, что такого-то не утвердитъ министръ, такой-то

самъ откажется, потомъ вдается въ фантастическія подробности о какихъ-то таинственныхъ бумагахъ, полученныхъ въ канцеляріи, о секретномъ разговорѣ, бывшемъ якобы у министра съ попечителемъ и т. п. Если исключить эти подробности, то въ общемъ онъ почти всегда оказывается правымъ. Характеристики, дѣлаемые имъ каждому изъ кандидатовъ, своеобразны, но тоже вѣрны. Если вамъ нужно узнать, въ какомъ году кто защищалъ диссертацию, поступилъ на службу, вышелъ въ отставку, или умеръ, то приходите къ себѣ на помощь громадную память этого солдата, и онъ не только назоветъ вамъ годъ, мѣсяць и число, но и сообщитъ также подробности, которыми сопровождалось то или другое обстоятельство. Такъ помнить можетъ только тотъ, кто любитъ.

Онъ хранитель университетскихъ преданій. Отъ своихъ предшественниковъ-швейцаровъ онъ получилъ въ наслѣдство много легендъ изъ университетской жизни, прибавилъ къ этому богатству много своего добра, добытаго за время службы, и если хотите, то онъ расскажетъ вамъ много длинныхъ и короткихъ исторій. Онъ можетъ рассказать о необыкновенныхъ мудрецахъ, знавшихъ *все*, о замѣчательныхъ труженикахъ, не спавшихъ по недѣлямъ, о многочисленныхъ мученикахъ и жертвахъ науки; добро торжествуетъ у него надъ зломъ, слабый всегда побѣждаетъ сильнаго, мудрый глупаго, скромный гордаго, молодой стараго... Нѣтъ надобности принимать всѣ эти легенды и небылицы за чистую монету, но процѣдите ихъ, и у васъ на фильтрѣ останется то, что нужно: наши хорошія традиции и имена истинныхъ героевъ, признанныхъ всѣми.

Въ нашемъ обществѣ всѣ свѣдѣнія о мѣрѣ ученыхъ исчерпываются анекдотами о необыкновенной разсѣянности старыхъ профессоровъ и двумя-тремя остротами, которыя приписываются то Груберу, то мнѣ, то Бабухину. Для образованнаго общества этого мало. Если бы оно любило науку, ученыхъ и студентовъ такъ, какъ Николай, то его литература давно бы уже имѣла цѣлыя эпопеи, сказанія и житія, какихъ, къ сожалѣнію, она не имѣетъ теперь.

Сообщивъ мнѣ новость, Николай придаетъ своему лицу строгое выраженіе, и у насъ начинается дѣловой разговоръ. Если бы въ это время кто-нибудь посторонній поспушалъ, какъ Николай свободно обращается съ термило-

логией, то, пожалуй, могъ бы подумать, что это ученый, замаскированный солдатомъ. Кстати сказать, толки объ учености университетскихъ сторожей сильно преувеличены. Правда, Николай знаетъ больше сотни латинскихъ названий, умѣетъ собрать скелетъ, иногда приготовить препараты, размѣнить студентовъ какой-нибудь длинной, ученой цитатой, но, на примѣръ, незамысловатая теорія кровообращенія для него и теперь такъ же темна, какъ 20 лѣтъ назадъ.

За столомъ въ кабинетѣ, низко нагнувшись надъ книгой или препаратомъ, сидятъ мой прозекторъ Петръ Игнатьевичъ, трудолюбивый, скромный, но безталанный человекъ, лѣтъ 35, уже плѣшивый и съ большимъ животомъ. Работаетъ онъ отъ утра до ночи, читаетъ массу, отлично помнитъ все прочитанное—и въ этомъ отношеніи онъ не человекъ, а золото; въ остальномъ же прочемъ—это ломовой конь, или, какъ иначе говорить, ученый тушица. Характерныя черты ломового коня, отличающія его отъ таланта, таковы: кругозоръ его тѣсенъ и рѣзко ограниченъ спеціальностью; виѣ своей спеціальности онъ цененъ какъ ребенокъ. Помнится, какъ-то утромъ я вошелъ въ кабинетъ и сказалъ:

— Представьте, какое несчастье! Говорятъ, Скобелевъ умеръ.

Николай перекрестился, а Петръ Игнатьевичъ обернулся ко мнѣ и спросилъ:

— Какой это Скобелевъ?

— Въ другой разъ—это было нѣсколько раньше—я объявилъ, что умеръ профессоръ Перовъ. Милѣйшій Петръ Игнатьевичъ спросилъ:

— А что онъ читалъ?

Кажется, заной у него подъ самымъ ухомъ Патти, напади на Россію полчища китайцевъ, случись землетрясеніе, онъ не пошевелинется ни однимъ членомъ и преспокойно будетъ смотрѣть приниженнымъ глазомъ въ своей микроскопъ. Однимъ словомъ, до Гекубы ему нѣтъ никакого дѣла. Я бы дорого далъ, чтобы посмотрѣть, какъ этотъ сухарь спитъ со своей женой.

Другая черта: фанатическая вѣра въ непогрѣшимость науки и главнымъ образомъ всего того, что пишутъ нѣмцы. Онъ увѣренъ въ самомъ себѣ, въ своихъ препаратахъ,

знаеть цѣль жизни и совершенно не знакомъ съ сомнѣніями и разочарованіями, отъ которыхъ сѣдѣють таланты. Рабское поклоненіе авторитетамъ и отсутствіе потребности самостоятельно мыслить. Разубѣдить его въ чемъ-нибудь трудно, спорить съ нимъ невозможно. Извольте-ка поспорить съ человѣкомъ, который глубоко убѣжденъ, что самая лучшая наука—медицина; самые лучшіе люди—врачи, самыя лучшія традиціи — медицинскія. Отъ недобраго медицинскаго прошлаго уцѣлѣла только одна традиція — бѣлый галстукъ, который носятъ теперь доктора; для ученаго же и вообще образованнаго человѣка могутъ существовать только традиціи обще-университетскія, безъ всякаго дѣленія ихъ на медицинскія, юридическія и т. п., но Петру Игнатьевичу трудно согласиться съ этимъ и онъ готовъ спорить съ вами до страшнаго суда.

Будущность его представляется мнѣ ясно. За всю свою жизнь онъ приготовитъ нѣсколько сотенъ препаратовъ необыкновенной чистоты, напишетъ много сухихъ, очень различныхъ рефератовъ, сдѣлаеть съ десятокъ добросовѣстныхъ переводовъ, но пороха не выдумаетъ. Для пороха нужны фантазія, изобрѣтательность, умѣніе угадывать, а у Петра Игнатьевича нѣтъ ничего подобнаго. Короче говоря, это не хозяинъ въ наукѣ, а работникъ.

Я, Петръ Игнатьевичъ и Николай говоримъ вполголоса. Намъ немножко не по себѣ. Чувствуешь что-то особенное, когда за дверью моремъ гудитъ аудиторія. За 30 лѣтъ я не привыкъ къ этому чувству и испытываю его каждое утро. Я нервно застегиваю сюртукъ, задаю Николаю лишніе вопросы, сержусь... Похоже на то, какъ будто я трушу, но это не трусость, а что-то другое, чего я не въ состояніи ни назвать, ни описать.

Безъ всякой надобности я смотрю на часы и говорю:

— Что жъ? Надо идти.

И мы шествуемъ въ такомъ порядкѣ: впереди идетъ Николай съ препаратами или съ атласами, за нимъ я, а за мною, скромно поникнувъ головою, шагаетъ ломовой конь; или же, если нужно, впереди на носилкахъ несутъ трупъ, за трупомъ идетъ Николай и т. д. При моемъ появленіи студенты встаютъ, потомъ садятся, и шумъ моря внезапно стихаетъ. Наступаетъ штиль.

Я знаю, о чемъ буду читать, но не знаю, какъ буду чи-

тать, съ чего начну и чѣмъ кончу. Въ головѣ нѣтъ ни одной готовой фразы. Но стоитъ мнѣ только оглядѣть аудиторію (она построена у меня амфитеатромъ) и произнести стереотипное «въ прошлой лекціи мы остановились на...», какъ фразы длинной вереницей вылетаютъ изъ моей души и — пошла писать губернія! Говорю я неудержимо быстро, страстно и, кажется, нѣтъ той силы, которая могла бы прервать теченіе моей рѣчи. Чтобы читать хорошо, т. е. нескучно и съ пользой для слушателей, нужно, кромѣ таланта, имѣть еще сноровку и опытъ, нужно обладать самымъ яснымъ представленіемъ о своихъ силахъ, о тѣхъ, кому читаешь, и о томъ, что составляетъ предметъ твоей рѣчи. Кромѣ того, надо быть человѣкомъ себѣ на умѣ, слѣдить зорко и ни на одну секунду не терять поля зрѣнія.

Хорошій дирижеръ, передавая мысль композитора, дѣлаетъ сразу двадцать дѣлъ: читаетъ партитуру, машетъ палочкой, слѣдитъ за нѣвцомъ, дѣлаетъ движеніе въ сторону то барабана, то волторны и проч. То же самое и я, когда читаю. Предо мною полтора ста лицъ непохожихъ одно на другое, и триста глазъ, глядящихъ мнѣ прямо въ лицо. Цѣль моя—побѣдить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имѣю ясное представленіе о степени ея вниманія и о силѣ разумѣнія, то она въ моей власти. Другой мой противникъ сидитъ во мнѣ самомъ. Это—безконечное разнообразіе формъ, явленій и законовъ и множество ими обусловленныхъ своихъ и чужихъ мыслей. Каждую минуту я долженъ имѣть ловкость выхватывать изъ этого громаднаго матеріала самое важное и нужное, и такъ же быстро, какъ течетъ моя рѣчь, облекать свою мысль въ такую форму, которая была бы доступна разумѣнію гидры и возбуждала бы ея вниманіе, причемъ надо зорко слѣдить, чтобы мысли передавались не по мѣрѣ ихъ накопленія, а въ извѣстномъ порядкѣ, необходимомъ для правильной компановки картины, какую я хочу нарисовать. Далѣе я стараюсь, чтобы рѣчь моя была литературна, опредѣленія кратки и точны, фраза возможно проста и красива. Каждую минуту я долженъ осаживать себя и помнить, что въ моемъ распоряженіи имѣются только часъ и сорокъ минутъ. Однимъ словомъ, работы ще мало. Въ одно и то же время приходится изображать изъ себя и

ученаго, и педагога, и оратора, и плохо дѣло, если ораторъ побѣдитъ въ васъ педагога и ученаго, или наоборотъ.

Читаешь четверть, полчаса и вотъ замѣчаешь, что студенты начинаютъ поглядывать на потолокъ, на Петра Игнатьевича, одинъ полѣзетъ за платкомъ, другой сядетъ поудобнѣе, третій улыбнется своимъ мыслямъ... Это значитъ, что вниманіе утомлено. Нужно принять мѣры. Пользуясь первымъ удобнымъ случаемъ, я говорю какой-нибудь каламбуръ. Всѣ полтора ста лицъ широко улыбаются, глаза весело блестятъ, слышится ненадолго гулъ моря... Я тоже смѣюсь. Вниманіе освѣжилось, и я могу продолжать.

Никакой спортъ, никакія развлечения и игры никогда не доставляли мнѣ такого наслажденія, какъ чтеніе лекцій. Только на лекціи я могъ весь отдаваться страсти и понималъ, что вдохновеніе не выдумка поэтовъ, а существуетъ на самомъ дѣлѣ. И я думаю, Геркулесъ послѣ самаго пикантнаго изъ своихъ подвиговъ не чувствовалъ такого сладостнаго изнеможенія, какое переживалъ я всякій разъ послѣ лекцій.

Это было прежде. Теперь же на лекціяхъ я испытываю одно только мученіе. Не проходитъ и получаса, какъ я начинаю чувствовать непобѣдимую слабость въ ногахъ и въ плечахъ; сажусь въ кресло, но сидя читать я не привыкъ; черезъ минуту поднимаюсь, продолжаю стоя, потомъ опять сажусь. Во рту сохнетъ, голосъ спитъ, голова кружится... Чтобы скрыть отъ слушателей свое состояніе, я то и дѣло пью воду, кашляю, часто сморкаюсь, точно мнѣ мѣшаетъ насморкъ, говорю невпопадъ каламбуры и, въ концѣ концовъ, объявляю перерывъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Но главнымъ образомъ мнѣ стыдно.

Мои совѣсть и умъ говорятъ мнѣ, что самое лучшее, что я могъ бы теперь сдѣлать,—это прочесть мальчикамъ прощальную лекцію, сказать имъ послѣднее слово, благословить ихъ и уступить свое мѣсто человѣку, который моложе и сильнѣе меня. Но пусть судить меня Богъ, у меня не хватаетъ мужества поступить по совѣсти.

Къ несчастію, я не философъ и не богословъ. Мнѣ отлично извѣстно, что проживу я еще не больше полугода; казалось бы, теперь меня должны бы больше всего занимать вопросы о загробныхъ потемкахъ и о тѣхъ видѣніяхъ, которыя посѣтятъ мой могильный сонъ. Но почему-то душа

моя не хочетъ знать этихъ вопросовъ, хотя умъ и сознаетъ всю ихъ важность. Какъ 20—30 лѣтъ назадъ, такъ и теперь передъ смертію меня интересуетъ одна только наука. Испуская послѣдній вздохъ, я все-таки буду вѣрить, что наука—самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви, и что только ею одною человѣкъ побѣдитъ природу и себя. Вѣра эта, быть-можетъ, наивна и несправедлива въ своемъ основаніи, но я не виноватъ, что вѣрю такъ, а не иначе; побѣдить же въ себѣ этой вѣры я не могу.

Но не въ этомъ дѣло. Я только прошу снизойти къ моей слабости и понять, что оторвать отъ кафедры и учениковъ человѣка, котораго судьбы костнаго мозга интересуютъ больше, чѣмъ конечная цѣль мірозданія, равносильно тому, если бы его взяли да и заколотили въ гробъ, не дожидаясь, пока онъ умретъ.

Отъ бессонницы и вслѣдствіе напряженной борьбы съ возрастающею слабостью, со мной происходитъ нѣчто странное. Среди лекціи къ горлу вдругъ подступаютъ слезы, начинаютъ чесаться глаза, и я чувствую страстное, истерическое желаніе протянуть впередъ руки и громко пожаловаться. Мнѣ хочется прокричать громкимъ голосомъ, что меня, знаменитаго человѣка, судьба приговорила къ смертной казни, что черезъ какихъ-нибудь полгода, здѣсь въ аудиторіи будетъ хозяйничать уже другой. Я хочу прокричать, что я отравленъ; новыя мысли, какихъ не зналъ я раньше, отравили послѣдніе дни моей жизни и продолжаютъ жалить мой мозгъ, какъ москиты. И въ это время мое положеніе представляется такимъ ужаснымъ, что мнѣ хочется, чтобы всѣ мои слушатели ужаснулись, вскочили съ мѣсть и въ паническомъ страхѣ, съ отчаяннымъ крикомъ бросились къ выходу.

Не легко переживать такія минуты.

II.

Послѣ лекціи я сижу у себя дома и работаю. Читаю журналы, диссертациі, или готовлюсь къ слѣдующей лекціи, иногда пишу что-нибудь. Работаю съ перерывами, такъ какъ приходится принимать посѣтителей.

Слышится звонокъ. Это товарищъ пришелъ поговорить о

дѣлѣ. Онъ входитъ ко мнѣ со шляпой, съ палкой и, протягивая ко мнѣ ту и другую, говорить:

— Я на минуту, на минуту! Сидите, collega! Только два слова!

Первымъ дѣломъ мы стараемся показать другъ другу, что мы оба необыкновенно вѣжливы и очень рады видѣть другъ друга. Я усаживаю его въ кресло, а онъ усаживаетъ меня; при этомъ мы осторожно поглаживаемъ другъ друга по таліямъ, касаемся пуговицъ и похоже на то, какъ будто мы ошущиваемъ другъ друга и боимся обжечься. Оба смѣемся, хотя не говоримъ ничего смѣшного. Усѣвшись, наклоняемся другъ къ другу головами и начинаемъ говорить вполголоса. Какъ бы сердечно мы ни были расположены другъ къ другу, мы не можемъ, чтобы не золотить нашей рѣчи всякой китайщиной, въ родѣ: «вы изволили справедливо замѣтить», или «какъ я уже имѣлъ честь вамъ сказать», не можемъ, чтобы не хохотать, если кто изъ насъ сострить, хотя бы неудачно. Кончивъ говорить о дѣлѣ, товарищъ порывисто встаетъ и, помахивая шляпой въ сторону моей работы, начинаетъ прощаться. Опять щупаемъ другъ друга и смѣемся. Провожая до передней; тутъ помогаю товарищу надѣть шубу, но онъ всячески уклоняется отъ этой высокой чести. Затѣмъ, когда Егоръ открываетъ дверь, товарищъ увѣряетъ меня, что я простужусь, а я дѣлаю видъ, что готовъ идти за нимъ даже на улицу. И когда, наконецъ, я возвращаюсь къ себѣ въ кабинетъ, лицо мое все еще продолжаетъ улыбаться, должно-быть, по инерціи.

Немного погодя, другой звонокъ. Кто-то входитъ въ переднюю, долго раздѣвается и кашляетъ. Егоръ докладываетъ, что пришелъ студентъ. Я говорю: проси. Черезъ минуту входитъ ко мнѣ молодой человѣкъ пріятной наружности. Вотъ ужъ годъ, какъ мы съ нимъ находимся въ натянутыхъ отношеніяхъ: онъ отвратительно отвѣчаетъ мнѣ на экзаменахъ, а я ставлю ему единицы. Такихъ молодцовъ, которыхъ я, выражаясь на студенческомъ языкѣ, гоняю или проваливаю, у меня ежегодно набирается человѣкъ семь. Тѣ изъ нихъ, которые не выдерживаютъ экзамена по неспособности или по болѣзни, обыкновенно несутъ свой крестъ терпѣливо и не торгуются со мной; торгуются же и ходятъ ко мнѣ на домъ только сангвиники, широкія натуры,

которымъ проволочка на экзаменахъ портить аппетитъ и мѣшаетъ аккуратно посѣщать оперу. Первымъ я мирволю, а вторыхъ гоняю по цѣлому году.

— Садитесь,—говорю я гостю.—Что скажете?

— Извините, профессоръ, за беспокойство...—начинаетъ онъ, заикаясь и не глядя мнѣ въ лицо.—Я бы не посмѣлъ безнокоить васъ, если бы не... Я держалъ у васъ экзаменъ уже пять разъ и... и срѣзлся. Прошу васъ, будьте добры, поставьте мнѣ «удовлетворительно», потому что...

Аргументъ, который всѣ лѣтѣи приводятъ въ свою пользу, всегда одинъ и тотъ же: они прекрасно выдержали по всѣмъ предметамъ и срѣзались только на моемъ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что по моему предмету они занимались всегда очень усердно и знаютъ его прекрасно; срѣзались же они, благодаря какому-то непонятному недо-разумѣнью.

— Извините, мой другъ,—говорю я гостю:—поставить вамъ «удовлетворительно» я не могу. Подите еще почитайте лекціи и приходите. Тогда увидимъ.

Пауза. Мнѣ приходитъ охота немножко помучить студента за то, что пиво и оперу онъ любитъ больше, чѣмъ науку, и я говорю со вздохомъ:

— По-моему, самое лучшее, что вы можете теперь сдѣлать, это—совсѣмъ оставить медицинскій факультетъ. Если при вашихъ способностяхъ вамъ никакъ не удастся выдержать экзамена, то, очевидно, у васъ нѣтъ ни желанія, ни призванія быть врачомъ.

Лицо сангвиника вытягивается.

— Простите, профессоръ,—усмѣхается онъ:—но это было бы съ моей стороны по меньшей мѣрѣ странно. Проучитесь пять лѣтъ и вдругъ... уйти!

— Ну, да! Лучше потерять даромъ пять лѣтъ, чѣмъ потомъ всю жизнь заниматься дѣломъ, котораго не любишь.

Но тотчасъ же мнѣ становится жаль его и я сиѣшу сказать:

— Впрочемъ, какъ знаете. Итакъ, почитайте еще немножко и приходите.

— Когда?—глухо спрашиваетъ лѣтѣй.

— Когда хотите. Хоть завтра.

И въ его добрыхъ глазахъ я читаю: «Придти-то можно, но вѣдь ты, скотина, опять меня прогонишь!»

— Конечно,—говорю я:—вы не станете ученѣе оттого, что будете у меня экзаменоваться еще пятнадцать разъ, но это воспитаеъ въ васъ характеръ. И на томъ спасибо.

Наступаетъ молчаніе. Я поднимаюсь и жду, когда уйдетъ гость, а онъ стоитъ, смотритъ на окно, теребитъ свою бородку и думаетъ. Становится скучно.

Голосъ у сангвиника пріятный, сочный, глаза умные, насмѣшливые, лицо благодушное, нѣсколько помятое отъ частаго употребленія пива и долгаго лежанья на диванѣ; по-видимому, онъ могъ бы разсказать мнѣ много интереснаго про оперу, про свои любовныя похождения, про товарищей, которыхъ онъ любитъ, но, къ сожалѣнію, говорить объ этомъ не принято. А я бы охотно послушалъ.

— Профессоры! Даю вамъ честное слово, что если вы поставите мнѣ «удовлетворительно», то я...

Какъ только дѣло дошло до «честнаго слова», я махаю руками и сажусь за столъ. Студентъ думаетъ еще минуту и говорить уныло:

— Въ такомъ случаѣ прощайте... Извините.

— Прощайте, мой другъ. Добраго здоровья.

Онъ нерѣшительно идетъ въ переднюю, медленно одѣвается тамъ и, выйдя на улицу, вѣроятно, опять долго думаетъ; ничего не придумавъ, кромѣ «старога чорта» по моему адресу, онъ идетъ въ плохой ресторанъ пить пиво и обѣдать, а потомъ къ себѣ домой спать. Миръ праху твоему, честный труженикъ!

Третій звонокъ. Входитъ молодой докторъ въ новой черной парѣ, въ золотыхъ очкахъ и, конечно, въ бѣломъ галстукѣ. Рекомендуется. Прошу садиться и спрашиваю, что угодно. Не безъ волненія молодой жрецъ науки начинаетъ говорить мнѣ, что въ этомъ году онъ выдержалъ экзамень на докторанта и что ему остается теперь только написать диссертацию. Ему хотѣлось бы поработать у меня, подѣ моимъ руководствомъ, и я бы премного обязалъ его, если бы далъ ему тему для диссертацин.

— Очень радъ быть полезнымъ, коллега,—говорю я:—но давайте сначала споемся относительно того, что такое диссертация. Подѣ этимъ словомъ принято разумѣть сочиненіе, составляющее продуктъ самостоятельнаго творчества. Не такъ ли? Сочиненіе же, написанное на чужую тему и подѣ чужимъ руководствомъ, называется иначе...

Докторантъ молчить. Я вспыхиваю и вскакиваю съ мѣста.

— Что вы всё ко мнѣ ходите, не понимаю? — кричу я сердито. — Лавочка у меня, что ли? Я не торгую темами! Въ тысячу первый разъ прошу васъ всёхъ оставить меня въ покоѣ! Извините за неделикатность, но мнѣ, наконецъ, это надоѣло!

Докторантъ молчить и только около его skulls выступает легкая краска. Лицо его выражаетъ глубокое уваженіе къ моему знаменитому имени и учености, а по глазамъ его я вижу, что онъ презираетъ и мой голосъ, и мою жалкую фигуру, и нервную жестикуляцію. Въ своемъ гнѣвѣ я представляюсь ему чудачкомъ.

— У меня не лавочка! — сержусь я. — И удивительное дѣло! Отчего вы не хотите быть самостоятельными? Отчего вамъ такъ противна свобода?

Говорю я много, а онъ все молчить. Въ концѣ концовъ я мало-по-малу стихаю и, разумѣется, сдаюсь. Докторантъ получить отъ меня тему, которой грошъ цѣна, напишетъ подѣ моимъ наблюденіемъ никому ненужную диссертацию, съ достоинствомъ выдержать скучный диспутъ и получить ненужную ему ученую степень.

Звонки могутъ слѣдовать одинъ за другимъ безъ конца, но я здѣсь ограничусь только четырьмя. Бьетъ четвертый звонокъ, и я слышу знакомые шаги, шорохъ платья, милый голосъ...

18 лѣтъ тому назадъ умеръ мой товарищъ окулистъ и оставилъ послѣ себя семилѣтнюю дочь Катю и тысячъ шестьдесятъ денегъ. Въ своемъ завѣщаніи онъ назначилъ опекуномъ меня. До десяти лѣтъ Катя жила въ моей семьѣ, потомъ была отдана въ институтъ и жила у меня только въ лѣтніе мѣсяцы, во время каникулъ. Заниматься ея воспитаніемъ было мнѣ некогда, наблюдалъ я ее только урывками, и потому о дѣтствѣ ея могу сказать очень немного.

Первое, что я помню и люблю по воспоминаніямъ, это — необыкновенную довѣрчивость, съ какою она вошла въ мой домъ, лѣчилась у докторовъ и которая всегда свѣтилась на ея личикѣ. Бывало, сидитъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ съ подвязанной щекой и непремѣнно смотритъ на что-нибудь со вниманіемъ; видитъ ли она въ это время, какъ я пишу и перелистываю книги, или какъ хлопочетъ жена, или какъ

кухарка въ кухнѣ чистить картофель, или какъ играетъ собака, у нея всегда неизмѣнно глаза выражали одно и то же, а именно: «Все, что дѣлается на этомъ свѣтѣ, все прекрасно и умно». Она была любопытна и очень любила говорить со мной. Бывало, сидитъ за столомъ противъ меня, слѣдить за моими движеніями и задаетъ вопросы. Ей интересно знать, что я читаю, что дѣлаю въ университетѣ, не боюсь ли труповъ, куда дѣваю свое жалованье.

— Студенты дерутся въ университетѣ?—спрашиваетъ она.

— Дерутся, милая.

— А вы ставите ихъ на колѣни?

— Ставлю.

И ей было смѣшно, что студенты дерутся и что я ставлю ихъ на колѣни, и она смѣялась. Это былъ кроткій, терпѣливый и добрый ребенокъ. Нерѣдко мнѣ приходилось видѣть, какъ у нея отнимали что-нибудь, наказывали понапрасну, или не удовлетворяли ея любопытства; въ это время къ постоянному выраженію довѣрчивости на ея лицѣ примѣшивалась еще грусть—и только. Я не умѣлъ заступаться за нее, а только, когда видѣлъ грусть, у меня являлось желаніе привлечь ее къ себѣ и пожалѣть тономъ старой няньки: «сиротка моя милая»!

Помню также, она любила хорошо одѣваться и прыскаться духами. Въ этомъ отношеніи она походила на меня. Я тоже люблю красивую одежду и хорошіе духи.

Жалѣю, что у меня не было времени и охоты прослѣдить начало и развитіе страсти, которая вполнѣ уже владѣла Катею, когда ей было 14—15 лѣтъ. Я говорю объ ея страстной любви къ театру. Когда она пріѣзжала къ намъ изъ института на каникулы и жила у насъ, то ни о чемъ она не говорила съ такимъ удовольствіемъ и съ такимъ жаромъ, какъ о пьесахъ и актерахъ. Своими постоянными разговорами о театрѣ она утомляла насъ. Жена и дѣти не слушали ее. У одного только меня не хватало мужества отказывать ей во вниманіи. Когда у нея являлось желаніе подѣлиться своими восторгами, она входила ко мнѣ въ кабинетъ и говорила умоляющимъ тономъ:

— Николай Степанычъ, позвольте мнѣ поговорить съ вами о театрѣ!

Я показывалъ ей на часы и говорилъ:

— Даю тебѣ полчаса. Начинай.

Позднѣе она стала привозить съ собою цѣлыми дюжинами портреты актеровъ и актрисъ, на которыхъ молилась; потомъ попробовала нѣсколько разъ участвовать въ любительскихъ спектакляхъ и въ концѣ концовъ, когда кончила курсъ, объявила мнѣ, что она родилась быть актрисой.

Я никогда не раздѣлялъ театральныхъ увлеченій Кати. По-моему, если пьеса хороша, то, чтобы она произвела должное впечатлѣнiе, нѣтъ надобности утруждать актеровъ; можно ограничиться однимъ только чтенiемъ. Если же пьеса плоха, то никакая игра не сдѣлаетъ ее хорошею.

Въ молодости я часто посѣщаль театръ, и теперь раза два въ годъ семья беретъ ложу и возить меня «провѣтрить». Конечно, этого недостаточно, чтобы имѣть право судить о театрѣ, но я скажу о немъ немного. По моему мнѣнiю, театръ не сталъ лучше, чѣмъ онъ былъ 30—40 лѣтъ назадъ. Попрежнему ни въ театральныхъ коридорахъ, ни въ фойэ я никакъ не могу найти стакана чистой воды. Попрежнему капельдинеры штрафуютъ меня за мою шубу на двугривенный, хотя въ ношенiи теплаго платья зимою нѣтъ ничего предосудительнаго. Попрежнему въ антрактахъ играетъ безъ всякой надобности музыка, прибавляющая къ впечатлѣнiю, получаемому отъ пьесы, еще новое, непрошенное. Попрежнему мужчины въ антрактахъ ходятъ въ буфетъ пить спиртные напитки. Если не видно прогресса въ мелочахъ, то напрасно я сталъ бы искать его и въ крупномъ. Когда актеръ съ головы до ногъ опутанный театральными традицiями и предрасудками, старается читать простой, обыкновенный монологъ «Быть или не быть» не просто, а почему-то непремѣнно съ шипѣнiемъ, и съ судорогами во всемъ тѣлѣ, или когда онъ старается убѣдить меня во что бы то ни стало, что Чацкiй, разговаривающiй много съ дураками и любящiй дуру, очень умный человекъ, и что «Горе отъ ума» не скучная пьеса, то на меня отъ сцены вѣетъ тою же самой рутинной, которая скучна мнѣ была еще 40 лѣтъ назадъ, когда меня угощали классическими завыванiями и биенiемъ по персямъ. И всякiй разъ выхожу я изъ театра консервативнымъ болѣе, чѣмъ когда вхожу туда.

Сантиментальную и довѣрчивую толпу можно убѣдить въ томъ, что театръ въ настоящемъ его видѣ есть школа. Но

кто знакомъ со школой въ истинномъ ея смыслѣ, того на эту удочку не поймашь. Не знаю, что будетъ черезъ 50—100 лѣтъ, но при настоящихъ условіяхъ театръ можетъ служить только развлеченіемъ. Но развлеченіе это слишкомъ дорого для того, чтобы продолжать пользоваться имъ. Оно отнимаетъ у государства тысячи молодыхъ, здоровыхъ и талантливыхъ мужчинъ и женщинъ, которые, если бы не посвящали себя театру, могли бы быть хорошими врачами, хлѣбопашцами, учительницами, офицерами; оно отнимаетъ у публики вечерніе часы—лучшее время для умственного труда и товарищескихъ бесѣдъ. Не говорю ужъ о денежныхъ затратахъ и о тѣхъ нравственныхъ потеряхъ, какія несетъ зритель, когда видитъ на сценѣ неправильно трактуемая убійство, прелюбодѣяніе, или клевету.

Катя же была совсѣмъ другого мнѣнія. Она увѣряла меня, что театръ, даже въ настоящемъ его видѣ, выше аудиторій, выше книгъ, выше всего на свѣтѣ. Театръ—это сила, соединяющая въ себѣ одной всѣ искусства, а актеры—миссіонеры. Никакое искусство и никакая наука въ отдѣльности не въ состояніи дѣйствовать такъ сильно и такъ вѣрно на человѣческую душу, какъ сцена, и недаромъ поэтому актеръ средней величины пользуется въ государствѣ гораздо большею популярностью, чѣмъ самый лучшій ученый или художникъ. И никакая публичная дѣятельность не можетъ доставить такого наслажденія и удовлетворенія, какъ сценическая.

И въ одинъ прекрасный день Катя поступила въ трушу и уѣхала, кажется, въ Уфу, увезя съ собою много денегъ, тѣмъ радужныхъ надеждъ и аристократическіе взгляды на дѣло.

Первыя письма ея съ дороги были удивительны. Я читалъ ихъ и просто изумлялся, какъ это небольшіе листки бумаги могутъ содержать въ себѣ столько молодости, душевной чистоты, святой наивности и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкихъ, дѣльныхъ сужденій, которыя могли бы сдѣлать честь хорошему мужскому уму. Волгу, природу, города, которые она посѣщала, товарищей, свои успѣхи и неудачи она не описывала, а воспѣвала; каждая строчка дышала довѣрчивостью, какую я привыкъ видѣть на ея лицѣ—и при всемъ томъ масса грамматическихъ ошибокъ, а знаковъ пренебреженія почти совсѣмъ не было.

Не прошло и полгода, какъ я получилъ въ высшей степени поэтическое и восторженное письмо, начинавшееся словами: «Я полюбила». Къ этому письму была приложена фотографія, изображавшая молодого мужчину съ бритымъ лицомъ, въ широкополой шляпѣ и съ пледомъ, перекинутымъ черезъ плечо. Слѣдующія затѣмъ письма были попрежнему великолѣпны, но ужъ показались въ нихъ знаки препинанія, исчезли грамматическія ошибки и сильно запахло отъ нихъ мужчиною. Катя стала писать мнѣ о томъ, что хорошо бы гдѣ-нибудь на Волгѣ построить большой театръ не иначе, какъ на паяхъ, и привлечь къ этому предпріятію богатое кушечество и пароходовладѣльцевъ; денегъ было бы много, сборы громадныя, актеры играли бы на условіяхъ товарищества... Можетъ-быть, все это и въ самомъ дѣлѣ хорошо, но мнѣ кажется, что подобныя измысленія могутъ исходить только изъ мужской головы.

Какъ бы то ни было, полтора-два года, повидимому, все обстояло благополучно: Катя любила, вѣрила въ свое дѣло и была счастлива; но потомъ въ письмахъ я сталъ замѣчать явные признаки упадка. Началось съ того, что Катя пожаловалась мнѣ на своихъ товарищій—это первый и самый злобѣщій симптомъ; если молодой ученый или литераторъ начинаетъ свою дѣятельность съ того, что горько жалуется на ученыхъ или литераторовъ, то это значитъ, что онъ уже утомился и не годенъ для дѣла. Катя писала мнѣ, что ея товарищи не посѣщаютъ ренетицій и никогда не знаютъ ролей; въ постановкѣ нелѣпныхъ пьесъ и въ манерѣ держать себя на сценѣ видно у каждаго изъ нихъ полное неуваженіе къ публикѣ; въ интересахъ сбора, о которомъ только и говорятъ, драматическія актрисы унижаются до пѣнія шансонетокъ, а трагики поютъ куплеты, въ которыхъ смѣются надъ рогатыми мужьями и надъ беременностью невѣрныхъ женъ и т. д. Въ общемъ надо изумляться, какъ это до сихъ поръ не погибло еще провинціальное дѣло и какъ оно можетъ держаться на такой тонкой и гнилой жилочкѣ.

Въ отвѣтъ я послалъ Катѣ длинное и, признаться, очень скучное письмо. Между прочимъ я писалъ ей: «Мнѣ нерѣдко приходилось бесѣдовать со стариками-актерами, благороднѣйшими людьми, дарившими меня своимъ расположеніемъ; изъ разговоровъ съ ними я могъ понять, что ихъ

дѣятельностью руководятъ не столько ихъ собственный разумъ и свобода, сколько мода и настроеніе общества; лучшимъ изъ нихъ приходилось на своемъ вѣку играть и въ трагедіи, и въ опереткѣ, и въ парижскихъ фарсахъ, и въ фееріяхъ, и всегда одинаково имъ казалось, что они шли по прямому пути и приносили пользу. Значить, какъ видишь, причину зла нужно искать не въ актерахъ, а глубже, въ самомъ искусствѣ и въ отношеніяхъ къ нему всего общества». Это мое письмо только раздражило Катю. Она мнѣ отвѣтила: «Мы съ вами поемъ изъ разныхъ оперъ. Я вамъ писала не о благороднѣйшихъ людяхъ, которые дарили васъ своимъ расположеніемъ, а о шайкѣ пройдохъ, не имѣющихъ ничего общаго съ благородствомъ. Это табунъ дикихъ людей, которые попали на сцену только потому, что ихъ не приняли бы нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, и которые называютъ себя артистами только потому, что наглы. Ни одного таланта, но много бездарностей, пьяницъ, интригановъ, сплетниковъ. Не могу вамъ высказать, какъ горько мнѣ, что искусство, которое я такъ люблю, попало въ руки неаваистныхъ мнѣ людей; горько, что лучшие люди видятъ зло только издали, не хотятъ подойти поближе и вмѣсто того, чтобы вступиться, пишутъ тяжеловѣснымъ слогомъ общія мѣста и никому ненужную мораль...» и такъ далѣе, все въ такомъ родѣ.

Прошло еще немного времени и я получилъ такое письмо: «Я безчеловѣчно обманута. Не могу долѣе жить. Распорядитесь моими деньгами, какъ это найдете нужнымъ. Я любила васъ, какъ отца и единственнаго моего друга. Простите».

Оказалось, что и ея *онъ* принадлежалъ тоже къ «табуну дикихъ людей». Впослѣдствіи по нѣкоторымъ намекамъ я могъ догадаться, что было покушеніе на самоубійство. Кажется, Катя пробовала отравиться. Надо думать, что она потомъ была серьезно больна, такъ какъ слѣдующее письмо я получилъ уже изъ Ялты, куда, по всей вѣроятности, ее послали доктора. Послѣднее письмо ея ко мнѣ содержало въ себѣ просьбу возможно скорѣе выслать ей въ Ялту тысячу рублей и оканчивалось оно такъ: «Извините, что письмо такъ мрачно. Вчера я похоронила своего ребенка». Проживъ въ Крыму около года, она вернулась домой.

Путешествовала она около четырехъ лѣтъ и во всѣ эти

четыре года, надо сознаться, я игралъ по отношенію къ ней довольно незавидную и странную роль. Когда ранѣе она объявила мнѣ, что идетъ въ актрисы и потомъ писала мнѣ про свою любовь, когда ею періодически овладѣвалъ духъ расточительности и мнѣ то и дѣло приходилось, по ея требованію, высылать ей то тысячу, то двѣ рублей, когда она писала мнѣ о своемъ намѣреніи умереть и потомъ о смерти ребенка, то всякій разъ я терялся и все мое участіе въ ея судьбѣ выражалось только въ томъ, что я много думалъ и писалъ длинныя, скучныя письма, которыхъ я могъ бы совсѣмъ не писать. А между тѣмъ, вѣдь я замѣнялъ ей родного отца и любилъ ее, какъ дочь!

Теперь Катя живетъ въ полуверстѣ отъ меня. Она наняла квартиру въ пять комнатъ и обставилась довольно комфортабельно и съ присущимъ ей вкусомъ. Если бы кто взялся нарисовать ея обстановку, то преобладающимъ настроеніемъ въ картинѣ получилась бы лѣнь. Для лѣниваго тѣла—мягкія кушетки, мягкія табуретки, для лѣнивыхъ ногъ—ковры, для лѣниваго зрѣнія—линочіе, тусклые, или матовые цвѣта; для лѣнивой души—изобиліе на стѣнахъ дешевыхъ вѣровъ и мелкихъ картинъ, въ которыхъ оригинальность исполненія преобладаетъ надъ содержаніемъ, избытокъ столиковъ и полочекъ, уставленныхъ совершенно ненужными и не имѣющими цѣны вещами, безформенные лоскутья вмѣсто занавѣсей... Все это вмѣстѣ съ боязнью яркихъ цвѣтовъ, симметріи и простора, помимо душевной лѣни, свидѣтельствуетъ еще и объ извращеніи естественнаго вкуса. По цѣлымъ днямъ Катя лежитъ на кушеткѣ и читаетъ книги, преимущественно романы и повѣсти. Изъ дому она выходитъ только разъ въ день, послѣ полудня, чтобы повидаться со мной.

Я работаю, а Катя сидитъ недалеко отъ меня на диванѣ, молчитъ и кутается въ шаль, точно ей холодно. Оттого ли, что она симпатична мнѣ, или оттого, что я привыкъ къ ея частымъ посѣщеніямъ, когда она была еще дѣвочкой, ея присутствіе не мѣшаетъ мнѣ сосредоточиться. Изрѣдка я задаю ей машинально какой-нибудь вопросъ, она даетъ очень короткій отвѣтъ; или же, чтобъ отдохнуть минутку, я оборачиваюсь къ ней и гляжу, какъ она, задумавшись, просматриваетъ какой-нибудь медицинскій журналъ или газету. И въ это время я замѣчаю, что на лицѣ

ея уже нѣтъ прежняго выраженія довѣрчивости. Выраженіе теперь холодное, безразличное, разсѣянное, какъ у пассажировъ, которымъ приходится долго ждать поѣзда. Одѣга она попрежнему красиво и просто, но небрежно; видно, что платю и прическѣ не мало достается отъ кушетокъ и качалокъ, на которыхъ она лежитъ по цѣлымъ днямъ. И ужъ она не любопытна, какъ была прежде. Вопросовъ она ужъ мнѣ не задаетъ, какъ будто все ужъ испытала въ жизни и не ждетъ услышать ничего новаго.

Въ исходѣ четвертаго часа въ залѣ и въ гостиной начинается движеніе. Это изъ консерваторіи вернулась Лиза и привела съ собою подругъ. Слышно, какъ играютъ на рояли, пробуютъ голоса и хохочутъ; въ столовой Егоръ накрываетъ на столъ и стучитъ посудой.

— Прощайте,—говоритъ Катя.—Сегодня я не зайду къ вамъ. Пусть извинять. Некогда. Приходите.

Когда я провожаю ее до передней, она сурово оглядываетъ меня съ головы до ногъ и говоритъ съ досадою:

— А вы все худѣете! Отчего не лѣчитесь? Я съѣзжу къ Сергѣю Федоровичу и приглашу. Пусть васъ посмотритъ.

— Не цужно, Катя.

— Не понимаю, что ваша семья смотритъ! Хороши, нечего сказать.

Она порывисто надѣваетъ свою шубку и въ это время изъ нея небрежно сдѣланной прически непремѣнно падаютъ на полъ двѣ-три шишлыки. Поправлять прическу лѣнь и некогда; она неловко прячетъ упавшіе локоны подъ шапочку и уходитъ.

Когда я вхожу въ столовую, жена спрашиваетъ меня:

— У тебя была сейчасъ Катя? Отчего же она не зашла къ намъ? Это даже странно...

— Мама!—говоритъ ей укоризненно Лиза.—Если не хочеть, то и Богъ съ ней. Не на колѣни же намъ ставиться.

— Какъ хочешь, это пренебреженіе. Сидѣть въ кабинетѣ три часа и не вспомнить о насъ. Впрочемъ, какъ ей угодно.

Варя и Лиза обѣ ненавидятъ Катю. Ненависть эта мнѣ непопятна и, вѣроятно, чтобы понимать ее, нужно быть женщиной. Я ручаюсь головою, что изъ тѣхъ полтораэта молодыхъ мужчинъ, которыхъ я почти ежедневно вижу въ

своей аудиторіи, и изъ той сотни пожилыхъ, которыхъ мнѣ приходится встрѣчать каждую недѣлю, едва ли найдется хоть одинъ такой, который умѣлъ бы понимать ненависть и отвращеніе къ прошлому Кати, т. е. къ вибѣрачной беременности и къ незаконному ребенку; и въ то же время я никакъ не могу припомнить ни одной такой знакомой мнѣ женщины, или дѣвушки, которая сознательно, или инстинктивно не питала бы въ себѣ этихъ чувствъ. И это не оттого, что женщина добродѣтельнѣе и чище мужчины: вѣдь добродѣтель и чистота мало отличаются отъ порока, если онѣ не свободны отъ злого чувства. Я объясняю это просто отсталостью женщинъ. Унылое чувство состраданія и боль совѣсти, какія испытываетъ современный мужчина, когда видитъ несчастіе, гораздо больше говорятъ мнѣ о культурѣ и нравственномъ ростѣ, чѣмъ ненависть и отвращеніе. Современная женщина такъ же слезлива и груба сердцемъ, какъ и въ средніе вѣка. И по-моему, вполнѣ благоразумно поступаютъ тѣ, которые совѣтуютъ ей воспитываться какъ мужчина.

Жена не любитъ Кати еще за то, что она была актрисой, за неблагодарность, за гордость, за эксцентричность и за всѣ тѣ многочисленные пороки, какіе одна женщина всегда умѣетъ находить въ другой.

Кромѣ меня и моей семьи, у насъ обѣдаютъ еще двѣтри подруги дочери и Александръ Адольфовичъ Гнеккеръ. поклонникъ Лизы и претендентъ на ея руку. Это молодой блондинъ, не старше 30 лѣтъ, средняго роста, очень полный, широкоплечій, съ рыжими бакенами около ушей и съ нафабранными усиками, придающими его полному, гладкому лицу какое-то игрушечное выраженіе. Одѣтъ онъ въ очень короткій пиджакъ, въ цвѣтную жилетку, въ брюки съ большими клѣтками, очень широкія сверху и очень узкія книзу, и въ желтыя ботинки безъ каблучковъ. Глаза у него выщуклые, рачьи, галстукъ похожъ на рачью шейку, и даже, мнѣ кажется, весь этотъ молодой человѣкъ издаетъ запахъ раковаго супа. Бываетъ онъ у насъ ежедневно, но никто въ моей семьѣ не знаетъ, какого онъ происхожденія, гдѣ учился и на какія средства живетъ. Онъ не играетъ и не поетъ, но имѣетъ какое-то отношеніе и къ музыкѣ, и къ пѣнію, продаетъ гдѣ-то чьи-то рояли, бываетъ часто въ консерваторіи, знакомъ со всѣми знамени-

тостями и распоряжается на концертахъ; судить онъ о музыкѣ съ большимъ авторитетомъ и, я замѣтилъ, съ нимъ охотно все соглашаются.

Богатые люди имѣютъ всегда около себя приживаловъ; науки и искусства тоже. Кажется, нѣтъ на свѣтѣ такого искусства или науки, которая была бы свободна отъ присутствія «инородныхъ тѣлъ» въ родѣ этого г. Гнеккера. Я не музыкантъ и, быть-можетъ, ошибаюсь относительно Гнеккера, котораго къ тому же мало знаю. Но слишкомъ ужъ кажутся мнѣ подозрительными его авторитетъ и то достоинство, съ какимъ онъ стоитъ около рояля и слушаетъ, когда кто-нибудь поетъ или играетъ.

Будь вы сто разъ джентльменомъ и тайнымъ совѣтникомъ, но если у васъ есть дочь, то вы ничѣмъ не гарантированы отъ того мѣщанства, которое часто вносятъ въ вашъ домъ и въ ваше настроеніе ухаживанія, сватовство и свадьба. Я, напримѣръ, никакъ не могу помириться съ тѣмъ торжественнымъ выраженіемъ, какое бываетъ у моей жены всякій разъ, когда сидитъ у насъ Гнеккеръ, не могу также помириться съ тѣми бутылками лафита, портвейна и хереса, которыя ставятся только ради него, чтобы онъ воочію убѣдился, какъ широко и роскошно мы живемъ. Не перевариваю я и отрывистаго смѣха Лизы, которому она научилась въ консерваторіи, и ея манеры щурить глаза въ то время, когда у насъ бываютъ мужчины. А главное, я никакъ не могу понять, почему это ко мнѣ каждый день ходитъ и каждый день со мною обѣдаетъ существо, совершенно чуждое моимъ привычкамъ, моей наукѣ, всему складу моей жизни, совершенно непохожее на тѣхъ людей, которыхъ я люблю. Жена и прислуга таинственно шепчутъ, что «это женихъ», но я все-таки не понимаю его присутствія; оно возбуждаетъ во мнѣ такое же недоумѣніе, какъ если бы со мною за столъ посадили зулуса. И мнѣ также кажется страннымъ, что моя дочь, которую я привыкъ считать ребенкомъ, любитъ этотъ галстукъ, эти глаза, эти мягкія щеки...

Прежде я любилъ обѣдъ, или былъ къ нему равнодушенъ, теперь же онъ не возбуждаетъ во мнѣ ничего, кромѣ скуки и раздраженія. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ превосходительнымъ и побывалъ въ деканахъ факультета, семья моя нашла почему-то нужнымъ совершенно измѣнить наше

меня и обѣденные порядки. Вмѣсто тѣхъ простыхъ блюдъ, къ которымъ я привыкъ, когда былъ студентомъ и лѣкаремъ, теперь меня кормятъ супомъ-пюре, въ которомъ плаваютъ какія-то бѣлыя сосульки, и почками въ мадерѣ. Генеральскій чинъ и извѣстность отняли у меня навсегда и щи, и вкусные пироги, и гуся съ яблоками, и леца съ кашей. Они же отняли у меня горничную Агашу, говорливую и смѣшливую старушку, вмѣсто которой подаетъ теперь обѣдъ Егоръ, тупой и надменный малый, съ бѣлой перчаткой на правой рукѣ. Антракты коротки, но кажутся чрезмерно длинными, потому что ихъ нечѣмъ наполнить. Ужъ нѣтъ прежней веселости, непринужденныхъ разговоровъ, шутокъ, смѣха, нѣтъ взаимныхъ ласокъ и той радости, которая волновала дѣтей, жену и меня, когда мы сходились, бывало, въ столовой; для меня, занятого человѣка, обѣдъ былъ временемъ отдыха и свиданія, а для жены и дѣтей праздникомъ, правда, короткимъ, но свѣтлымъ и радостнымъ, когда они знали, что я на полчаса принадлежу не наукѣ, не студентамъ, а только имъ однимъ и больше никому. Нѣтъ уже больше умѣнья пьинѣть отъ одной рюмки, нѣтъ Агашини, нѣтъ леца съ кашей, нѣтъ того шума, какимъ всегда встрѣчались маленькіе обѣденные скандалы въ родѣ драки подъ столомъ кошки съ собакой, или паденія повязки съ Катинной щеки въ тарелку съ супомъ.

Описывать теперешній обѣдъ такъ же не вкусно, какъ ѣсть его. На лицѣ у жены торжественность, напускная важность и обычное выраженіе заботы. Она безпокойно оглядываетъ наши тарелки и говоритъ: «Я вижу, вамъ жаркое не нравится... Скажите: вѣдь не нравится?» И я долженъ отвѣчать: «Напрасно ты безпокоишься, милая, жаркое очень вкусно». А она: «Ты всегда за меня заступаешься, Николай Степанычъ, и никогда не скажешь правды. Отчего же Александръ Адольфовичъ такъ мало кушалъ?» и все въ такомъ родѣ въ продолженіе всего обѣда. Лиза отрывисто хохочетъ и щуритъ глаза. Я гляжу на обѣихъ и только вотъ теперь за обѣдомъ для меня совершенно ясно, что внутренняя жизнь обѣихъ давно уже ускользнула отъ моего наблюденія. У меня такое чувство, какъ будто когда-то я жилъ дома съ настоящей семьей, а теперь обѣдаю въ гостяхъ у не настоящей жены и вижу

не настоящую Лизу. Произошла въ обѣихъ рѣзкая пере-
мѣна, я прозѣваль тотъ долгій процессъ, по которому эта
перемѣна совершалась, и не мудрено, что я ничего не по-
нимаю. Отчего произошла перемерѣна? Не знаю. Быть-мо-
жетъ, вся бѣда въ томъ, что женѣ и дочери Богъ не далъ
такой же силы, какъ мнѣ. Съ дѣтства я привыкъ противо-
стоять внѣшнимъ вліяніямъ и закалилъ себя достаточно;
такія житейскія катастрофы, какъ извѣстность, генераль-
ство, переходъ отъ довольства къ жизни не по средствамъ,
знакомства со знатію и проч., едва коснулись меня, и я
остался цѣль и невредимъ; на слабыхъ же, не закален-
ныхъ жену и Лизу все это свалилось, какъ большая снѣ-
говая глыба, и сдвинуло ихъ.

Барышни и Гнеккеръ говорятъ о фугахъ, контра-пунк-
тахъ, о пѣвцахъ и пианистахъ, о Вахъ и Брамсъ, а жена,
боясь, чтобы ея не занодозрили въ музыкальномъ невѣже-
ствѣ, сочувственно улыбается имъ и бормочетъ: «Это пре-
лестно... Неужели? Скажите...» Гнеккеръ солидно кушаетъ,
солидно острить и снисходительно выслушиваетъ замѣчанія
барышень. Изрѣдка у него является желаніе погово-
рить на плохомъ французскомъ языкѣ и тогда онъ почему-
то находитъ нужнымъ величать меня *votre excellence*.

А я угрюмъ. Видимо, я всѣхъ ихъ стѣсняю, а они стѣ-
сняютъ меня. Никогда раньше я не былъ коротко знакомъ
съ сословнымъ антагонизмомъ, но теперь меня мучаетъ
именно что-то въ родѣ этого. Я стараюсь находить въ
Гнеккерѣ одинъ только дурныя черты, скоро нахожу ихъ и
терзаюсь, что на его жениховскомъ мѣстѣ сидитъ чело-
вѣкъ не моего круга. Присутствіе его дурно вліяетъ на
меня еще и въ другомъ отношеніи. Обыкновенно, когда я
остаюсь самъ съ собою, или бываю въ обществѣ людей,
которыхъ люблю, я никогда не думаю о своихъ заслугахъ,
а если начинаю думать, то онѣ представляются мнѣ та-
кими ничтожными, какъ будто я сталъ ученымъ только
вчера; въ присутствіи же такихъ людей, какъ Гнеккеръ,
мои заслуги кажутся мнѣ высочайшей горой, вершина ко-
торой исчезаетъ въ облакахъ, а у подножія шевелятся едва
замѣтные для глаза Гнеккеры.

Послѣ обѣда я иду къ себѣ въ кабинетъ и закуриваю
тамъ свою трубочку, единственную за весь день, уцѣлѣв-
шую отъ давно бывшей скверной привычки дымить отъ

утра до ночи. Когда я курю, ко мнѣ входитъ жена и садится, чтобы поговорить со мной. Такъ же, какъ и утромъ, я заранѣе знаю, о чемъ у насъ будетъ разговоръ.

— Надо бы намъ съ тобой поговорить серьезно, Николай Степанычъ,—начинаетъ она.—Я насчетъ Лизы... Отчего ты не обратишь вниманія?

— То-есть?

— Ты дѣлаешь видъ, что ничего не замѣчаешь, но это не хорошо. Нельзя быть безпечнымъ... Гнеккеръ имѣетъ насчетъ Лизы намѣренія... Что ты скажешь?

— Что онъ дурной человѣкъ, я не могу сказать, такъ какъ не знаю его, но что онъ мнѣ не нравится, объ этомъ я говорилъ тебѣ уже тысячу разъ.

— Но такъ нельзя... нельзя...

Она встаетъ и ходитъ въ волненіи.

— Такъ нельзя относиться къ серьезному шагу...—говоритъ она.—Когда рѣчь идетъ о счастіи дочери, надо отбросить все личное. Я знаю, онъ тебѣ не нравится... Хорошо... Если мы откажемъ ему теперь, разстроимъ все, то чѣмъ ты поручишься, что Лиза всю жизнь не будетъ жаловаться на насъ? Жениховъ теперь не Богъ вѣсть сколько, и можетъ случиться, что не представится другой партіи... Онъ очень любитъ Лизу и, повидимому, нравится ей... Конечно, у него нѣтъ опредѣленнаго положенія, но что же дѣлать? Богъ дастъ, со временемъ опредѣлится куда-нибудь. Онъ изъ хорошаго семейства и богатый.

— Откуда тебѣ это извѣстно?

— Онъ говорилъ. У его отца въ Харьковѣ большой домъ и подъ Харьковомъ имѣніе. Однимъ словомъ, Николай Степанычъ, тебѣ непременно нужно съѣздить въ Харьковъ.

— Зачѣмъ?

— Ты разузнаешь тамъ... У тебя тамъ есть знакомые профессора, они тебѣ помогутъ. Я бы сама поѣхала, но я женщина. Не могу...

— Не поѣду я въ Харьковъ,—говорю я угрюмо.

Жена пугается, и на лицѣ ея появляется выраженіе мучительной боли.

— Ради Бога, Николай Степанычъ!—умоляетъ она меня, всхлипывая. — Ради Бога, сними съ меня эту тяжесть! Я страдаю!

Мнѣ становится больно глядѣть на нее.

— Хорошо, Варя,—говорю я ласково.—Если хочешь, то изволь, я съѣзжу въ Харьковъ и сдѣлаю все, что тебѣ угодно.

Она прижимаетъ къ глазамъ платокъ и уходитъ къ себѣ въ комнату плакать. Я остаюсь одинъ.

Немного погодя, приносятъ огонь. Отъ кресель и лампово-ваго колпака ложатся на стѣны и полъ знакомыя, давно надоѣвшія тѣни, и когда я гляжу на нихъ, мнѣ кажется, что уже ночь и что уже начинается моя проклятая безсонница. Я ложусь въ постель, потомъ встаю и хожу по комнатѣ, потомъ опять ложусь... Обыкновенно послѣ обѣда, передъ вечеромъ, мое первое возбужденіе достигаетъ своего высшаго градуса. Я начинаю безъ причины плакать и прячу голову подъ подушку. Въ это время я боюсь, чтобы кто-нибудь не вошелъ, боюсь внезапно умереть, стыжусь своихъ слезъ и въ общемъ получается въ душѣ нѣчто нестерпимое. Я чувствую, что долѣе я не могу видѣть ни своей лампы, ни книгъ, ни тѣней на полу, не могу слышать голосовъ, которые раздаются въ гостиной. Какая-то невидимая и непонятная сила грубо толкаетъ меня вонъ изъ моей квартиры. Я вскакиваю, торопливо одѣваюсь и осторожно, чтобы не замѣтили домашніе, выхожу на улицу. Куда идти?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ у меня давно уже сидитъ въ мозгу: къ Катѣ.

III.

По обыкновенію, она лежитъ на турецкомъ диванѣ или на кушеткѣ и читаетъ что-нибудь. Увидѣвъ меня, она лѣниво поднимаетъ голову, садится и протягиваетъ мнѣ руку.

— А ты все лежишь,—говорю я, помолчавъ немного и отдохнувъ.—Это нездорово. Ты бы занялась чѣмъ-нибудь!

— А?

— Ты бы, говорю, занялась чѣмъ-нибудь.

— Чѣмъ? Женщина можетъ быть только простой работницей или актрисой.

— Ну, что жъ? Если нельзя въ работницы, иди въ актрисы.

Молчить.

— Замужъ бы выходила,—говорю я, полушутя.

— Не за кого. Да и незачѣмъ.

— Такъ жить нельзя.

— Безъ мужа? Велика важность! Мужчинъ сколько угодно, была бы охота.

— Это, Катя, некрасиво.

— Что некрасиво?

— Да вотъ то, что ты сейчасъ сказала.

Замѣтивъ, что я огорченъ, и желая сгладить дурное впечатлѣніе, Катя говоритъ:

— Пойдемте. Идите сюда. Вотъ.

Она ведетъ меня въ маленькую, очень уютную комнатку и говоритъ, указывая на письменный столъ:

— Вотъ... Я приготовила для васъ. Тутъ вы будете заниматься. Пріѣзжайте каждый день и привозите съ собою работу. А тамъ дома вамъ только мѣшаютъ. Будете здѣсь работать? Хотите?

Чтобы не огорчить ее отказомъ, я отвѣчаю ей, что заниматься у нея буду и что комната мнѣ очень нравится. Затѣмъ мы оба садимся въ уютной комнаткѣ и начинаемъ разговаривать.

Тепло, уютная обстановка и присутствіе симпатичнаго человѣка возбуждаютъ во мнѣ теперь не чувство удовольствія, какъ прежде, а сильный позывъ къ жалобамъ и брюзжанію. Мнѣ кажется почему-то, что если я пороню и пожалуюсь, то мнѣ станетъ легче.

— Плохо дѣло, моя милая!— начинаю я со вздохомъ.— Очень плохо...

— Что такое?

— Видишь ли, въ чемъ дѣло, мой другъ. Самое лучшее и самое святое право королей—это право помилованія. И я всегда чувствовалъ себя королемъ, такъ какъ безгранично пользовался этимъ правомъ. Я никогда не судилъ, былъ снисходителенъ, охотно прощалъ всѣхъ направо и налево. Гдѣ другіе протестовали и возмущались, тамъ я только совѣтовалъ и убѣждалъ. Всю свою жизнь я старался только о томъ, чтобы мое общество было выносимо для семьи студентовъ, товарищей, для прислуги. И такое мое отношеніе къ людямъ, я знаю, воспитывало всѣхъ, кому приходилось быть около меня. Но теперь ужъ я не король. Во мнѣ происходитъ нѣчто такое, что прилично только рабамъ: въ головѣ моей день и ночь бродятъ злыя мысли, а въ душѣ свили себѣ гнѣздо чувства, какихъ я не зналъ

раньше. Я и ненавижу, и презираю, и негодую, и возмущаюсь, и боюсь. Я сталъ не въ мѣру строго, требовательнѣе, раздражителнѣе, нелюбезнѣе, подозрителнѣе. Даже то, что прежде давало мнѣ поводъ только сказать лишній каламбуръ и добродушно посмѣяться, родить во мнѣ теперь тяжелое чувство. Измѣнилась во мнѣ и моя логика: прежде я презиралъ только деньги, теперь же питаю злое чувство не къ деньгамъ, а къ богачамъ, точно они виноваты; прежде ненавидѣлъ насиліе и произволь, а теперь ненавижу людей, употребляющихъ насиліе, точно виноваты они одни, а не всѣ мы, которые не умѣемъ воспитывать другъ друга. Что это значить? Если новыя мысли и новыя чувства произошли отъ переменъ убѣжденій, то откуда могла взяться эта переменна? Развѣ міръ сталъ хуже, а г лучше, или раньше я былъ слѣпъ и равнодушнѣе? Если же эта переменна произошла отъ общаго упадка физическихъ и умственныхъ силъ—я вѣдь боленъ и каждый день теряю въ вѣсѣ,—то положеніе мое жалко: значить, мои новыя мысли ненормальны, нездоровы, я долженъ стыдиться ихъ и считать ничтожными...

— Болѣзнь тутъ ни при чемъ,—перебиваетъ меня Катя.— Просто у васъ открылись глаза; вотъ и все. Вы увидѣли то, чего раньше почему-то не хотѣли замѣчать. По-моему, прежде всего вамъ нужно окончательно порвать съ семьей и уйти.

— Ты говоришь нелѣпости.

— Вы ужь не любите ихъ, что жъ тутъ кривить душой? И развѣ это семья? Ничтожества! Умри онѣ сегодня, и завтра же никто не замѣтитъ ихъ отсутствія.

Катя презираетъ жену и дочь такъ же сильно, какъ тѣ ее ненавидятъ. Едва ли можно въ наше время говорить о правѣ людей презирать другъ друга. Но если стать на точку зрѣнія Кати и признать такое право существующимъ, то все-таки увидишь, что она имѣетъ такое же право презирать жену и Лизу, какъ тѣ ее ненавидѣтъ.

— Ничтожества!—повторяетъ она.—Вы обѣдали сегодня? Какъ же это онѣ не позабыли позвать васъ въ столовую? Какъ это онѣ до сихъ поръ помнятъ еще о вашемъ существованіи?

— Катя,—говорю я строго:—прошу тебя замолчать.

— А вы думаете, мнѣ весело говорить о нихъ? Я была

бы рада совсѣмъ ихъ не знать. Слушайте же меня, мой дорогой: бросьте все и уѣзжайте. Поѣзжайте за границу. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Что за вздоръ! А университетъ?

— И университетъ тоже. Что онъ вамъ? Все равно никакого толку. Читаете вы уже 30 лѣтъ, а гдѣ ваши ученики? Много ли у васъ знаменитыхъ ученыхъ? Считайте-ка? А чтобы размножить этихъ докторовъ, которые эксплуатируютъ невѣжество и наживаютъ сотни тысячъ, для этого не нужно быть талантливымъ и хорошимъ человѣкомъ. Вы лишній.

— Боже мой, какъ ты рѣзка! — ужасаюсь я. — Какъ ты рѣзка! Замолчи, иначе я уйду! Я не умѣю отвѣчать на твои рѣзкости!

Входитъ горничная и зоветъ насъ пить чай. Около самовара нашъ разговоръ, слава Богу, мѣняется. Послѣ того, какъ я уже пожаловался, мнѣ хочется дать волю другой своей старческой слабости—воспоминаніямъ. Я рассказываю Катѣ о своемъ прошломъ и, къ великому удивленію, сообщая ей такія подробности, о какихъ я даже не подозревалъ, что онѣ еще цѣлы въ моей памяти. А она слушаетъ меня съ умиленіемъ, съ гордостью, притаивъ дыханіе. Особенно я люблю рассказывать ей о томъ, какъ я когда-то учился въ семинаріи и какъ мечталъ поступить въ университетъ.

— Бывало, гуляю я по нашему семинарскому саду...— рассказываю я.— Донесетъ вѣтеръ изъ какого-нибудь далекаго кабака иликанье гармоники и пѣсню, или промчится мимо семинарскаго забора тройка съ колоколами, и этого уже совершенно достаточно, чтобы чувство счастья вдругъ наполнило не только грудь, но даже животъ, ноги, руки... Слушаешь гармонику, или затихающіе колокола, а самъ воображаешь себя врачомъ и рисуешь картины—одна другой лучше. И вотъ, какъ видишь, мечты мои сбылись. Я получилъ больше, чѣмъ смѣлъ мечтать. Тридцать лѣтъ я былъ любимымъ профессоромъ, имѣлъ превосходныхъ товарищей, пользовался почетною извѣстностью. Я любилъ, женился по страстной любви, имѣлъ дѣтей. Однимъ словомъ, если оглянуться назадъ, то вся моя жизнь представляется мнѣ красивой, талантливо сдѣланной композиціей. Теперь мнѣ остается только не испортить финала. Для этого нужно уме-

реть по-человѣчески. Если смерть въ самомъ дѣлѣ опасность, то нужно встрѣтить ее такъ, какъ подобаетъ это учителю, ученому и гражданину христіанскаго государства: бодро и со спокойной душой. Но я порчу финаль. Я утопаю, бѣгу къ тебѣ, прошу помощи, а ты мнѣ: утопайте, это такъ и нужно.

Но вотъ въ передней раздастся звонокъ. Я и Катя узнаемъ его и говоримъ:

— Это, должно-быть, Михаилъ Федоровичъ.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ минуту входитъ мой товарищъ-филологъ, Михаилъ Федоровичъ, высокій, хорошо сложенный, лѣтъ 50, съ густыми, сѣдыми волосами, съ черными бровями и бритый. Это добрый человѣкъ и прекрасный товарищъ. Происходитъ онъ отъ старинной дворянской фамиліи, довольно счастливой и талантливой, играющей замѣтную роль въ исторіи нашей литературы и просвѣщенія. Самъ онъ уменъ, талантливъ, очень образованъ, но не безъ странностей. До нѣкоторой степени всѣ мы странны и всѣ мы чудаки, но его странности представляютъ нѣчто исключительное и небезопасное для его знакомыхъ. Между послѣдними я знаю не мало такихъ, которые за его странностями совершенно не видятъ его многочисленныхъ достоинствъ.

Войдя къ намъ, онъ медленно снимаетъ перчатки и говорить бархатнымъ басомъ:

— Здравствуйте. Чай пьете? Это очень кстати. Адски холодно.

Затѣмъ онъ садится за столъ, беретъ себѣ стаканъ и тотчасъ же начинаетъ говорить. Самое характерное въ его манерѣ говорить, это постоянно шуточный тонъ, какая-то помѣсь философіи съ балагурствомъ, какъ у шекспировскихъ гробокопателей. Онъ всегда говоритъ о серьезномъ, но никогда не говоритъ серьезно. Сужденія его всегда рѣзки, бранчивы, но благодаря мягкому, ровному, шутовскому тону, какъ-то такъ выходитъ, что рѣзкость и брань не рѣжутъ уха и къ нимъ скоро привыкаешь. Каждый вечеръ онъ приноситъ съ собою штукъ пять-шесть анекдотовъ изъ университетской жизни и съ нихъ обыкновенно начинается, когда садится за столъ.

— Охъ, Господи! — вздыхаетъ онъ, насмѣшливо шевеля своими черными бровями. — Бываютъ же на свѣтѣ такіе комики!

— А что? — спрашивает Катя.

— Иду я сегодня съ лекціи и встрѣчаю на лѣстницѣ этого стараго идиота, нашего NN... Идетъ и, по обыкновенію, выставилъ впередъ свой лошадиный подбородокъ и нищеть, кому бы пожаловаться на свой мигрень, на жену и на студентовъ, которые не хотятъ посѣщать его лекцій. Ну, думаю, увидѣлъ меня — теперь погибъ, пропало дѣло...

И такъ далѣе въ такомъ родѣ. Или же онъ начинаеть такъ:

— Былъ вчера на публичной лекціи нашего ZZ. Удивляюсь, какъ это наша alma mater, не къ ночи будь помянута, рѣшается показывать публикѣ такихъ балбесовъ и патентованныхъ туницъ, какъ этотъ ZZ. Вѣдь это европейскій дуракъ! Помилуйте, другого такого по всей Европѣ днемъ съ огнемъ не сыщешь! Читаетъ, можете себѣ представить, точно леденецъ сосеть! сю-сю-сю... Струсилъ, плохо разбираеть свою рукопись, мыслишки движутся еле-еле, со скоростью архимадрита, ѣдущаго на велосипедѣ, а главное, никакъ не разберешь, что онъ хочеть сказать. Скучища страшная, мухи мрутъ. Эту скучищу можно сравнить только развѣ съ тою, какая бываетъ у насъ въ актовомъ залѣ на годичномъ актѣ, когда читается традиціонная рѣчь, чтобъ ее чортъ взялъ.

И тотчасъ же рѣзкій переходъ:

— Года три тому назадъ, вотъ Николай Степановичъ помнитъ, пришлось мнѣ читать эту рѣчь. Жарко, душно, мундиръ давить подъ мышками — просто смерти! Читаю полчаса, часъ, полтора часа, два часа... «Ну, думаю, слава Богу, осталось еще только десять страницъ». А въ концѣ у меня были такія четыре страницы, что можно было совсѣмъ не читать, и я рассчитывалъ ихъ выпустить. Значить, осталось, думаю, только шесть. Но, представьте, взглянулъ мелькомъ впередъ и вижу: въ первомъ ряду сидятъ рядышкомъ какой-то генералъ съ лентой и архіерей. Бѣдняги оконечили отъ скуки, таращатъ глаза, чтобъ не уснуть, и все-таки тѣмъ не менѣе стараются изображать на своихъ лицахъ вниманіе и дѣлають видъ, что мое чтеніе имъ понятно и нравится. Ну, думаю, коли нравится, такъ нате же вамъ! На зло! Взялъ и прочелъ всѣ четыре страницы.

Когда онъ говоритъ, то улыбаются у него, какъ вообще

у насмѣшливыхъ людей, одни только глаза и брови. Въ глазахъ у него въ это время нѣтъ ни ненависти, ни злости, но много остроты и той особой лисьей хитрости, какую можно бываетъ подмѣтить только у очень наблюдательныхъ людей. Если продолжать говорить объ его глазахъ, то я замѣтилъ еще одну ихъ особенность. Когда онъ принимаетъ отъ Кати стаканъ, или выслушиваетъ ея замѣчаніе, или провожаетъ ее взглядомъ, когда она зачѣмъ-нибудь ненадолго выходитъ изъ комнаты, то въ его взглядѣ я замѣчаю что-то кроткое, молящееся, чистое...

Горничная убираетъ самоваръ и ставитъ на столъ большой кусокъ сыру, фрукты и бутылку крымскаго шампанскаго, довольно плохого вина, которое Катя любила, когда жила въ Крыму. Михаилъ Федоровичъ беретъ съ этажерки двѣ колоды картъ и раскладываетъ пасьянсъ. По его увѣренію, нѣкоторые пасьянсы требуютъ большой сообразительности и вниманія, но тѣмъ не менѣе все-таки, раскладывая ихъ, онъ не перестаетъ развлекать себя разговоромъ. Катя внимательно слѣдитъ за его картами и больше мимикой, чѣмъ словами помогаетъ ему. Вина за весь вечеръ она выпиваетъ не больше двухъ рюмокъ, я выпиваю четверть стакана; остальная часть бутылки приходится на долю Михаила Федоровича, который можетъ пить много и никогда не пьянѣетъ.

За пасьянсомъ мы рѣшаемъ разные вопросы, преимущественно высшаго порядка, причемъ больше всего достается тому, что мы больше всего любимъ, т. е. наукѣ.

— Наука, слава Богу, отжила свой вѣкъ, — говоритъ Михаилъ Федоровичъ съ разстановкой. — Ея пѣсня уже спѣта. Да-съ. Человѣчество начинать уже чувствовать потребность замѣнить ее чѣмъ-нибудь другимъ. Выросла она на почвѣ предразсудковъ, вскормлена предразсудками и составляетъ теперь такую же квинтъ-эссенцію изъ предразсудковъ, какъ ея отжившія бабушки: алхимія, метафизика и философія. И въ самомъ дѣлѣ, что она дала людямъ? Вѣдь между учеными европейцами и китайцами, не имѣющими у себя никакихъ наукъ, разнища самая ничтожная, чисто внѣшняя. Китайцы не знали науки, но что они отъ этого потеряли?

— И мухи не знаютъ науки, — говорю я: — но что же изъ этого?

— Вы напрасно сердитесь, Николай Степанычъ. Я вѣдь это говорю здѣсь, между нами... Я осторожниче, чѣмъ вы думаете, и не стану говорить это публично, спаси Богъ! Въ массѣ живетъ предрасудокъ, что науки и искусства выше земледѣлія, торговли, выше ремеслъ. Наша секта кормится этимъ предрасудкомъ, и не мнѣ съ вами разрушать его. Спаси Богъ!

За пасьянсомъ достается на орѣхи и молодежи.

— Измельчала нынче наша публика, — вздыхаетъ Михаилъ Федоровичъ. — Не говорю уже объ идеалахъ и прочее, но хоть бы работать и мыслить умѣли толкомъ! Вотъ ужъ именно: «Печально я гляжу на наше поколѣніе».

— Да, ужасно измельчали, — соглашается Катя. — Скажите, въ послѣднія пять-десять лѣтъ былъ ли у васъ хоть одинъ выдающійся?

— Не знаю, какъ у другихъ профессоровъ, но у себя что-то не помню.

— Я видѣла на своемъ вѣку много студентовъ и нашихъ молодыхъ ученыхъ, много актеровъ... Что жъ? Ни разу не сподобилась встрѣтиться не только съ героемъ, или съ талантомъ, но даже просто съ интереснымъ человѣкомъ. Все сѣро, бездарно, надуты претензіями...

Всѣ эти разговоры объ измельчаніи производятъ на меня всякій разъ такое впечатлѣніе, какъ будто я нечаянно подслушалъ нехорошій разговоръ о своей дочери. Мнѣ обидно, что обвиненія огульны и строятся на такихъ давно избитыхъ общихъ мѣстахъ, такихъ жупелахъ, какъ измельчаніе, отсутствіе идеаловъ, или ссылка на прекрасное прошлое. Всякое обвиненіе, даже если оно высказывается въ дамскомъ обществѣ, должно быть сформулировано съ возможною опредѣленностью, иначе оно не обвиненіе, а пустое злословіе, недостойное порядочныхъ людей.

Я старикъ, служу уже 30 лѣтъ, но не замѣчаю ни измельчанія, ни отсутствія идеаловъ и не нахожу, чтобы теперь было хуже, чѣмъ прежде. Мой швейцаръ, Николай, опытъ котораго въ данномъ случаѣ имѣетъ свою цѣну, говоритъ, что нынѣшніе студенты не лучше и не хуже прежнихъ.

Если бы меня спросили, что мнѣ не нравится въ теперешнихъ моихъ ученикахъ, то я отвѣтилъ бы на это не сразу и не много, но съ достаточной опредѣленностью. Недостатки ихъ я знаю, и мнѣ поэтому нѣтъ надобности при-

бѣгать къ туману общихъ мѣстъ. Миѣ не нравится, что они курятъ табакъ, употребляютъ спиртные напитки и поздно женятся; что они безпечны и часто равнодушны до такой степени, что терпятъ въ своей средѣ голодающихъ и не платятъ долговъ въ общество вспомошествованія студентамъ. Они не знаютъ новыхъ языковъ и неправильно выражаются по-русски; не дальше, какъ вчера, мой товарищъ-гигиенистъ жаловался миѣ, что ему приходится читать вдвое больше, такъ какъ они плохо знаютъ физику и совершенно незнакомы съ метеорологіей. Они охотно поддаются вліянію писателей новѣйшаго времени, даже не лучшихъ, но совершенно равнодушны къ такимъ классикамъ, какъ, на примѣръ, Шекспиръ, Маркъ Аврелій, Епиктетъ, или Паскаль, и въ этомъ неумѣиѣ отличать большое отъ малаго наиболѣе всего сказывается ихъ житейская непрактичность. Всѣ затруднительные вопросы, имѣющіе болѣе или менѣе общественный характеръ (на примѣръ, переселенческій), они рѣшаютъ подписными листами, но не путемъ научнаго изслѣдованія и опыта, хотя послѣдній путь находится въ полномъ ихъ распоряженіи и наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ назначенію. Они охотно становятся ординаторами, ассистентами, лаборантами, экстернами и готовы занимать эти мѣста до сорока лѣтъ, хотя самостоятельность, чувство свободы и личная инициатива въ наукѣ не меньше нужны, чѣмъ, на примѣръ, въ искусствѣ или торговлѣ. У меня есть ученики и слушатели, но нѣтъ помощниковъ и наслѣдниковъ, и потому я люблю ихъ и умиляюсь, но не горжусь ими. И т. д., и т. д...

Подобные недостатки, какъ бы много ихъ ни было, могутъ породить пессимистическое или бранчивое настроеніе только въ челоуѣкѣ малодушномъ и робкомъ. Всѣ они имѣютъ случайный, преходящій характеръ и находятся въ полной зависимости отъ жизненныхъ условій; достаточно какихъ-нибудь десяти лѣтъ, чтобы они исчезли, или уступили свое мѣсто другимъ, новымъ недостаткамъ, безъ которыхъ не обойтись и которые въ свою очередь будутъ пугать малодушныхъ. Студенческіе грѣхи досаждаютъ миѣ часто, но эта досада ничто въ сравненіи съ тою радостью, какую я испытываю уже 30 лѣтъ, когда бесѣдую съ учениками, читаю имъ, приглядываюсь къ ихъ отношеніямъ и сравниваю ихъ съ людьми не ихъ круга.

Михаилъ Ѳедоровичъ злословить, Катя слушаетъ и оба не замѣчаютъ, въ какую глубокую процасть мало-по-малу втягиваетъ ихъ такое, повидимому, невинное развлеченіе, какъ осужденіе ближнихъ. Они не чувствуютъ, какъ простой разговоръ постепенно переходитъ въ глумленіе и въ издѣвательство и какъ оба они начинаютъ пускать въ ходъ даже клеветническіе приемы.

— Уморительные попадаются субъекты, — говоритъ Михаилъ Ѳедоровичъ. — Вчера прихожу я къ нашему Егору Петровичу и застаю тамъ студіоза, изъ вашихъ же медиковъ, III курса, кажется. Лицо этакое... въ добролюбовскомъ стилѣ, на лбу печать глубокомыслія. Разговорились. «Такія-то дѣла, говорю, молодой человекъ. Читалъ я, говорю, что какой-то нѣмецъ—забылъ его фамилію—добылъ изъ человѣческаго мозга новый алкалоидъ идиотинъ». Что жъ вы думаете? Повѣрилъ и даже на лицѣ своемъ уваженіе изобразилъ: знай, молъ, нашихъ! А то наемни прихожу я въ театръ. Сажусь. Какъ разъ впереди меня, въ слѣдующемъ ряду, сидятъ какихъ-то два: одинъ «изъ насихъ» и, повидимому, юристъ, другой лохматый — медикъ. Медикъ пьянь, какъ саложникъ. На сцену — ноль вниманія. Знай себѣ дремлетъ да носомъ клюетъ. Но какъ только какой-нибудь актеръ начнетъ громко читать монологъ или просто возвыситъ голосъ, мой медикъ вздрагиваетъ, толкаетъ своего сосѣда въ бокъ и спрашиваетъ: «Что онъ говоритъ? Бла-ародно?» — Благородно, — отвѣчаетъ «изъ насихъ». — «Браво! оретъ медикъ. Бла-ародно. Bravo!» Онъ, видите ли, дубина пьяная, пришелъ въ театръ не за искусствомъ, а за благородствомъ. Ему благородство нужно.

А Катя слушаетъ и смѣется. Хохотъ у нея какой-то странный: вдыханія быстро и ритмически правильно чередуются съ выдыханіями — похоже на то, какъ будто она играетъ на гармоникѣ—и на лицѣ при этомъ смѣются однѣ только ноздри. Я же падаю духомъ и не знаю, что говорить. Выйдя изъ себя, я вспыхиваю, вскакиваю съ мѣста и кричу:

— Замолчите, наконецъ! Что вы сидите тутъ, какъ двѣ жабы, и отравляете воздухъ своими дыханіями? Довольно!

И, не дождавшись, когда они кончатъ злословить, я собираюсь уходить домой. Да ужъ и пора: одиннадцатый часъ.

— А я еще посижу немножко,—говорить Михаилъ Федоровичъ.—Позволяете, Екатерина Владиміровна?

— Позволяю,—отвѣчаетъ Катя

— Вене. Въ такомъ случаѣ прикажите подать еще бутылочку.

Оба провожаютъ меня со свѣчами въ переднюю, и пока я надѣваю шубу, Михаилъ Федоровичъ говоритъ:

— Въ послѣднее время вы ужасно похудѣли и состарились, Николай Степановичъ. Что съ вами? Больны?

— Да, боленъ немножко.

— И не лѣчится...—угрюмо вставляетъ Катя

— Отчего же не лѣчитесь? Какъ можно такъ? Бережного, милый человѣкъ, Богъ бережетъ. Кланяйтесь вашимъ и извинитесь, что не бываю. На-дняхъ, передъ отъѣздомъ за границу, приду проститься. Непремѣнно! На будущей недѣлѣ уѣзжаю.

Выхожу я отъ Кати раздраженный, напуганный разговорами о моей болѣзни и недовольный собою. Я себя спрашиваю: въ самомъ дѣлѣ, не полѣчиться ли у кого-нибудь изъ товарищей? И тотчасъ же я воображаю, какъ товарищъ, выслушавъ меня, отойдетъ молча къ окну, подумаетъ, потомъ обернется ко мнѣ и, стараясь, чтобы я не прочелъ на его лицѣ правды, скажетъ равнодушнымъ тономъ:—«Пока не вижу ничего особеннаго, но все-таки, коллега, я совѣтовалъ бы вамъ прекратить занятія»... И это лишитъ меня послѣдней надежды.

У кого нѣтъ надеждъ? Теперь, когда я самъ ставлю себѣ діагнозъ и самъ лѣчу себя, временами я надѣюсь, что меня обманываетъ мое невѣжество, что я ошибаюсь и насчетъ бѣлка и сахара, которые нахожу у себя, и насчетъ сердца, и насчетъ тѣхъ отековъ, которые уже два раза видѣлъ у себя по утрамъ; когда я съ усердіемъ ипохондрика перечитываю учебники терапіи и ежедневно мѣняю лѣкарства, мнѣ все кажется, что я набреду на что-нибудь утѣшительное. Мелко все это.

Покрыто ли небо тучами, или сіяютъ на немъ луна и звѣзды, я всякій разъ, возвращаясь, гляжу на него и думаю о томъ, что скоро меня возьметъ смерть. Казалось бы, въ это время мысли мои должны быть глубоки, какъ небо, ярки, поразительны... Но нѣтъ! Я думаю о себѣ самомъ, о женѣ, Лизѣ, Гисеккерѣ, о студентахъ, вообще о людяхъ;

думаю нехорошо, мелко, хитро передь самимъ собою, и въ это время мое міросозерцаніе можетъ быть выражено словами, которыя знаменитый Аракчеевъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ интимныхъ писемъ: «Все хорошее въ свѣтѣ не можетъ быть безъ дурного, и всегда болѣе худого, чѣмъ хорошаго». То-есть все гадко, не для чего жить, а тѣ 62 года, которые уже прожиты, слѣдуетъ считать пропашими. Я ловлю себя на этихъ мысляхъ и стараюсь убѣдить себя, что онѣ случайны, временны и сидятъ во мнѣ не глубоко, но тотчасъ же я думаю:

«Если такъ, то зачѣмъ же каждый вечеръ тебя тянетъ къ тѣмъ двумъ жабамъ?»

И я даю себѣ клятву больше никогда не ходить къ Катѣ, хотя и знаю, что завтра же опять пойду къ ней.

Дергая у своей двери за звонокъ и потомъ идя вверхъ по лѣстницѣ, я чувствую, что у меня уже нѣтъ семьи и нѣтъ желанія вернуть ее. Ясно, что новыя, аракчеевскія мысли сидятъ во мнѣ не случайно и не временно, а владѣютъ всѣмъ моимъ существомъ. Съ больною совѣстью, унылый, лѣнивый, едва двигая членами, точно во мнѣ прибавилась тысяча пудовъ вѣсу, я ложусь въ постель и скоро засыпаю

А потомъ—бессонница...

IV.

Наступаетъ лѣто, и жизнь мѣняется.

Въ одно прекрасное утро входитъ ко мнѣ Лиза и говорить шутивымъ тономъ:

— Пойдемте, ваше превосходительство. Готово.

Мое превосходительство ведутъ на улицу, сажаютъ на извозчика и везутъ. Я ѣду и отъ нечего дѣлать читаю вывѣски справа налево. Изъ слова «трактиръ» выходитъ «риткартъ». Это годилось бы для баронской фамиліи: баронесса Риткартъ. Далѣе ѣду по полю мимо кладбища, которое не производитъ на меня ровно никакого впечатлѣнія, хотя я скоро буду лежать на немъ; потомъ ѣду лѣсомъ и опять полемъ. Ничего интереснаго. Послѣ двухчасовой ѣзды, мое превосходительство ведутъ въ нижній этажъ дачи и помѣщаютъ его въ небольшой, очень веселенькой комнаткѣ съ голубыми обоями.

Ночью попрежнему бессонница. но утромъ я уже не

бодрствую и не слушаю жены, а лежу въ постели. Я не сплю, а переживаю сонливое состояніе, полузабытье, когда знаешь, что не спишь, но видишь сны. Въ полдень я встаю и сажусь по привычкѣ за свой столъ, но ужъ не работаю, а развлекаю себя французскими книжками въ желтыхъ обложкахъ, которыя присылаетъ мнѣ Катя. Конечно, было бы патріотичнѣе читать русскихъ авторовъ, но, признаться, я не питаю къ нимъ особеннаго расположенія. Исключая двухъ-трехъ стариковъ, вся нынѣшняя литература представляется мнѣ не литературой, а въ своемъ родѣ кустарнымъ промысломъ, существующимъ только для того, чтобы его поощряли, но неохотно пользовались его издѣліями. Самое лучшее изъ кустарныхъ издѣлій нельзя назвать замѣчательнымъ и нельзя искренно похвалить его безъ «но»; то же самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ тѣхъ литературныхъ новинкахъ, которыя я прочелъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ: ни одной замѣчательной, и не обойдешься безъ «но». Умно, благородно, но не талантливо; талантливо, благородно, но не умно, или наконецъ — талантливо, умно, но не благородно.

Я не скажу, чтобы французскія книжки были и талантливы, и умны, и благородны. И онѣ не удовлетворяютъ меня. Но онѣ не такъ скучны, какъ русскія, и въ нихъ не рѣдкость найти главный элементъ творчества — чувство личной свободы, чего нѣтъ у русскихъ авторовъ. Я не помню ни одной такой новинки, въ которой авторъ съ первой же страницы не постарался бы опутать себя всякими условностями и контрактами со своею совѣстью. Одинъ боится говорить о голомъ тѣлѣ, другой связалъ себя по рукамъ и по ногамъ психологическимъ анализомъ, третьему нужно «теплое отношеніе къ человѣку», четвертый нарочно цѣлыя страницы размазываетъ описаніями природы, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ тенденціозности... Одинъ хочетъ быть въ своихъ произведеніяхъ непременно мѣщаниномъ, другой непременно дворяниномъ и т. д. Умышленность, осторожность, себѣ на умѣ, но нѣтъ ни свободы, ни мужества писать, какъ хочется, а стало-быть, нѣтъ и творчества.

Все это относится къ такъ-называемой изящной словесности.

Что же касается русскихъ серьезныхъ статей, напря-

мѣрь, по социологін, по искусству и проч., то я не читаю ихъ просто изъ робости. Въ дѣтствѣ и въ юности я почему-то питалъ страхъ къ швейцарамъ и къ театральнымъ капельдинерамъ, и этотъ страхъ остался у меня до сихъ поръ. Я и теперь боюсь ихъ. Говорятъ, что кажется страшнымъ только то, что непонятно. И въ самомъ дѣлѣ, очень трудно понять, отчего швейцары и капельдинеры такъ важны, надменны и величаво невѣжливы. Читая серьезные статьи, я чувствую точно такой же неопредѣленный страхъ. Необычайная важность, игривый генеральскій тонъ, фамильярное обращеніе съ иностранными авторами, умѣнье съ достоинствомъ переливать изъ пустого въ порожнее— все это для меня непонятно, страшно и все это не похоже на скромность и джентльменски-покойный тонъ, къ которымъ я привыкъ, читая нашихъ писателей-врачей и естествовниковъ. Не только статьи, но мнѣ тяжело читать даже переводы, которые дѣлаютъ или редактируютъ русскіе серьезные люди. Чванный, благосклонный тонъ предисловія, изобиліе примѣчаній отъ переводчика, мѣшающихъ мнѣ сосредоточиться, знаки вопроса и sic въ скобкахъ, разбросанные щедрымъ переводчикомъ во всей статьѣ или книгѣ, представляются мнѣ покушеніемъ и на личность автора, и на мою читательскую самостоятельность.

Какъ-то разъ я былъ приглашенъ экспертомъ въ окружный судъ; въ антрактѣ одинъ изъ моихъ товарищей-экспертовъ обратилъ мое вниманіе на грубое отношеніе прокурора къ подсудимымъ, среди которыхъ были двѣ интеллигентныя женщины. Мнѣ кажется, я нисколько не преувеличилъ, отвѣтивъ товарищу, что это отношеніе не грубѣе тѣхъ, какія существуютъ у авторовъ серьезныхъ статей другъ къ другу. Въ самомъ дѣлѣ, эти отношенія такъ грубы, что о нихъ можно говорить только съ тяжелымъ чувствомъ. Другъ къ другу и къ тѣмъ писателямъ, которыхъ они критикуютъ, относятся они или излишне почитательно, не щадя своего достоинства, или же наоборотъ, третируютъ ихъ гораздо смѣлѣе, чѣмъ я въ этихъ запискахъ и мысляхъ своего будущаго зятя Гнеккера. Обвиненія въ невѣроятности, въ нечистотѣ намѣреній и даже во всякаго рода уголовщинѣ составляютъ обычное украшеніе серьезныхъ статей. А это ужъ, какъ любятъ выражаться въ своихъ статейкахъ молодые врачи, *ultima ratio!* Такія отношенія неминуемо должны

отражаться на правахъ молодого поколѣнія пишущихъ, и поэтому я нисколько не удивляюсь, что въ тѣхъ новинкахъ, какія приобрѣла въ послѣднія 10—15 лѣтъ наша изящная словесность, герои пьютъ много водки, а героини недостаточно цѣломудренны.

Я читаю французскія книжки и поглядываю на окно, которое открыто; мнѣ видны зубцы моего палисадника, дватри тощихъ деревца, а тамъ дальше за палисадникомъ дорога, поле, потомъ широкая полоса хвойнаго лѣса. Часто я люблюсь, какъ какіе-то мальчикъ и дѣвочка, оба бѣловолосые и оборванные, карабкаются на палисадникъ и смѣются надъ моей лысиной. Въ ихъ блестящихъ глазенкахъ я читаю: «Гряди, плѣшивый!» Это едва ли не единственные люди, которымъ нѣтъ никакого дѣла ни до моей извѣстности, ни до чина.

Посѣтители теперь бывають у меня не каждый день. Упомяпу только о посѣщеніяхъ Николая и Петра Игнатьевича. Николай приходитъ обыкновенно ко мнѣ по праздникамъ, какъ будто за дѣломъ, но больше затѣмъ, чтобъ повидаться. Приходитъ онъ сильно навеселѣ, чего съ нимъ никогда не бываетъ зимою.

— Что скажешь? — спрашиваю я, выходя къ нему въ сѣни.

— Ваше превосходительство! — говоритъ онъ, прижимая руку къ сердцу и глядя на меня съ восторгомъ влюбленнаго. — Ваше превосходительство! Накажи меня Богъ! Убей громъ на этомъ мѣстѣ! Гаудеамусъ игитуръ ювенестусъ!

И онъ жадно цѣлуетъ меня въ плечи, въ рукава, въ пуговицы.

— Все у насъ тамъ благополучно? — спрашиваю я его.

— Ваше превосходительство! Какъ передъ Истиннымъ...

Онъ не перестаетъ божиться безъ всякой надобности, скоро наскучаетъ мнѣ и я отсылаю его въ кухню, гдѣ ему подають обѣдъ. Петръ Игнатьевичъ пріѣзжаетъ ко мнѣ тоже по праздникамъ специально за тѣмъ, чтобы провѣдать и подѣлиться со мною мыслями. Сидитъ онъ у меня обыкновенно около стола, скромный, чистенькій, разсудительный, не рѣшаясь положить ногу на ногу или облокотиться о столъ; и все время онъ тихимъ, ровнымъ голоскомъ, гладко и книжно рассказываетъ мнѣ разныя, по его мнѣнію, очень

интересныя и пикантныя новости, вычитанныя имъ изъ журналовъ и книжекъ. Всѣ эти новости похожи одна на другую и сводятся къ такому типу: одинъ французъ сдѣлалъ открытіе, другой—нѣмецъ—улучилъ его, доказавъ, что это открытіе было сдѣлано еще въ 1870 году какимъ-то американцемъ, а третій—тоже нѣмецъ—перехитрилъ обоихъ, доказавъ имъ, что оба они опростоволохились, принявъ подъ микроскопомъ шарики воздуха за темный пигментъ. Петръ Игнатьевичъ, даже когда хочетъ разсмѣшить меня, рассказываетъ длинно, обстоятельно, точно защищаетъ диссертацию, съ подробнымъ перечисленіемъ литературныхъ источниковъ, которыми онъ пользовался, стараясь не ошибиться ни въ числахъ, ни въ номерахъ журналовъ, ни въ именахъ, причемъ говоритъ не просто Пти, а непременно Жанъ Жакъ Пти. Случается, что онъ остается у насъ обѣдать, и тогда въ продолженіе всего обѣда онъ рассказываетъ все тѣ же пикантныя исторіи, наводящія улыбки на всѣхъ обѣдающихъ. Если Гнеккеръ и Лиза заводятъ при немъ рѣчь о фугахъ и контра-пунктахъ, о Брамсѣ и Бахѣ, то онъ скромно потупляетъ взоры и конфузится; ему стыдно, что въ присутствіи такихъ серьезныхъ людей, какъ я и онъ, говорягъ о такихъ пошлостяхъ.

При теперешнемъ моемъ настроеніи достаточно пяти минутъ, чтобы онъ надоѣлъ мнѣ такъ, какъ будто я вижу и слушаю его уже цѣлую вѣчность. Я ненавижу обѣднягу. Отъ его тихаго, ровнаго голоса и книжнаго языка я чахну, отъ рассказовъ тупѣю... Онъ питаетъ ко мнѣ самыя хорошія чувства и говоритъ со мною только для того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе, а я плачу ему тѣмъ, что въ упоръ гляжу на него, точно хочу его загнипотизировать, и думаю: «уйди, уйди, уйди»... Но онъ не поддается мысленному внушенію и сидитъ, сидитъ, сидитъ...

Пока онъ сидитъ у меня, я никакъ не могу отдѣлаться отъ мысли: «очень возможно, что, когда я умру, его назначатъ на мое мѣсто», и моя бѣдная аудиторія представляется мнѣ оазисомъ, въ которомъ высохъ ручей, и я съ Петромъ Игнатьевичемъ нелюбезенъ, молчаливъ, угрюмъ, какъ будто въ подобныхъ мысляхъ виноватъ онъ, а не я самъ. Когда онъ начинаетъ по обычаю превозносить нѣмецкихъ ученыхъ я ужъ не подшучиваю добродушно, какъ прежде, а угрюмо бормочу:

— Ослы ваши нѣмцы...

Это похоже на то, какъ покойный профессоръ Никита Крыловъ, купаясь однажды съ Пироговымъ въ Ревелѣ и разсердившись на воду, которая была очень холодна, выбранился: «Подлецы нѣмцы!» Веду я себя съ Петромъ Игнатьевичемъ дурно, и только когда онъ уходитъ и я вижу, какъ въ окнѣ за палисадникомъ мелькаетъ его сѣрая шляпа, мнѣ хочется окликнуть его и сказать: «Простите меня, голубчикъ!»

Обѣдъ у насъ проходитъ скучнѣе, чѣмъ зимою. Тотъ же Гнеккеръ, котораго я теперь ненавижу и презираю, обѣдаетъ у меня почти каждый день. Прежде я терпѣлъ его присутствіе молча, теперь же я отпускаю по его адресу колкости, заставляющія краснѣть жену и Лизу. Увлечшись злымъ чувствомъ, я часто говорю просто глупости и не знаю, зачѣмъ говорю ихъ. Такъ случилось однажды, я долго глядѣлъ съ презрѣніемъ на Гнеккера и ни съ того, ни съ сего выпалилъ:

Орламъ случается и ниже куръ спускаться,
Но курамъ никогда до облакъ не подняться...

И досаднѣе всего, что курица Гнеккеръ оказывается гораздо умнѣе орла-профессора. Зная, что жена и дочь на его сторонѣ, онъ держится такой тактики: отвѣчать на мои колкости снисходительнымъ молчаніемъ (спятить, моль, старикъ—что съ нимъ разговаривать?), или же добродушно подшучиваетъ надо мной. Нужно удивляться, до какой степени можетъ измельчать человѣкъ! Я въ состояніи въ продолженіе всего обѣда мечтать о томъ, какъ Гнеккеръ окажется авантюристомъ, какъ Лиза и жена поймутъ свою ошибку и какъ я буду дразнить ихъ — и подобныя нелѣпныя мечты въ то время, когда одною ногой я стою уже въ могилѣ!

Бываютъ теперь и недоразумѣнія, о которыхъ я прежде имѣлъ понятіе только по наслышкѣ. Какъ мнѣ ни совѣстно, но опишу одно изъ нихъ, случившееся на-дняхъ послѣ обѣда.

Я сижу у себя въ комнатѣ и курю трубочку. Входитъ, по обыкновенію, жена, садится и начинаетъ говорить о томъ, что хорошо бы теперь, пока тепло и есть свободное время, съѣздить въ Харьковъ и разузнать тамъ, что за человѣкъ нашъ Гнеккеръ.

— Хорошо, съѣзжу...—соглашаюсь я.

Жена, довольная мною, встаетъ и идетъ къ двери, но тотчасъ же возвращается и говоритъ:

— Кстати еще одна просьба. Я знаю, ты разсердишься, но моя обязанность предупредить тебя... Извини, Николай Степанычъ, но всё наши знакомые и сосѣди стали ужъ поговаривать о томъ, что ты очень часто бываешь у Кати. Она умная, образованная, я не спорю, съ ней пріятно провести время, но въ твои годы и съ твоимъ общественнымъ положеніемъ какъ-то, знаешь, странно находить удовольствие въ ея обществѣ... Къ тому же, у нея такая репутация, что...

Вся кровь вдругъ отливаетъ отъ моего мозга, изъ глазъ сыплются искры, я вскакиваю и, схвативъ себя за голову, топоча ногами, кричу не своимъ голосомъ:

— Оставьте меня! Оставьте меня! Оставьте!

Вѣроятно лицо мое ужасно, голосъ страненъ, потому что жена вдругъ блѣднѣетъ и громко вскрикиваетъ какимъ-то тоже не своимъ, отчаяннымъ голосомъ. На нашъ крикъ вбѣгаютъ Лиза, Гнеккеръ, потомъ Егоръ...

— Оставьте меня!—кричу я.—Вонъ! Оставьте!

Ноги мои нѣмѣютъ, точно ихъ нѣтъ совсѣмъ, я чувствую, какъ падаю на чьи-то руки, потомъ недолго слышу плачь и погружаюсь въ обморокъ, который длится часа два-три.

Теперь о Катѣ. Она бываетъ у меня каждый день передъ вечеромъ и этого, конечно, не могутъ не замѣтить ни сосѣди, ни знакомые. Она пріѣзжаетъ на минутку и увозитъ меня съ собой кататься. У нея своя лошадь и новенькій шарабанъ, купленный этимъ лѣтомъ. Вообще живетъ она на широкую ногу: наняла дорогую дачу-особнякъ съ большимъ садомъ и перевезла въ нее всю свою городскую обстановку, имѣетъ двухъ горничныхъ, кучера... Часто я спрашиваю ее:

— Катя, чѣмъ ты будешь жить, когда промотаешь отцовскія деньги?

— Тамъ увидимъ,—отвѣчаетъ она.

— Эти деньги, мой другъ, заслуживаютъ болѣе серьезнаго отношенія къ нимъ. Онѣ нажиты хорошимъ человекомъ, честнымъ трудомъ.

— Объ этомъ вы уже говорили мнѣ. Знаю.

Сначала мы ѣдемъ по полю, потомъ по хвойному лѣсу,

который виденъ изъ моего окна. Природа попрежнему кажется мнѣ прекрасною, хотя бѣсъ и шепчетъ мнѣ, что всѣ эти сосны и ели, птицы и бѣлыя облака на небѣ черезъ три или четыре мѣсяца, когда я умру, не замѣтятъ моего отсутствія. Катѣ нравится править лошадыю и пріятно, что погода хороша и что я сижу рядомъ съ нею. Она въ духѣ и не говоритъ рѣзкостей.

— Вы очень хорошей человекѣтъ, Николай Степанычъ,— говоритъ она. — Вы рѣдкій экземпляръ и нѣтъ такого актера, который сумѣлъ бы сыграть васъ. Меня или, напримеръ, Михаила Федорыча сыграетъ даже плохой актеръ, а васъ никто. И я вамъ завидую, страшно завидую! Вѣдь что я изображаю изъ себя? Что?

Она минуту думаетъ и спрашиваетъ меня:

— Николай Степанычъ, вѣдь я отрицательное явленіе? Да?

— Да,— отвѣчаю я.

— Гм... Что же мнѣ дѣлать?

Что отвѣтить ей? Легко сказать «трудись», или «раздай свое имущество бѣднымъ», или «познай самого себя», и потому что это легко сказать, я не знаю, что отвѣтить.

Мои товарищи терапевты, когда учатъ лѣчить, совѣтуютъ «индивидуализировать каждый отдѣльный случай». Нужно послушаться этого совѣта, чтобы убѣдиться, что средства, рекомендуемая въ учебникахъ за самыя лучшія и вполне пригодныя для шаблона, оказываются совершенно негодными въ отдѣльныхъ случаяхъ. То же самое и въ нравственныхъ недугахъ.

Но отвѣтить что-нибудь нужно, и я говорю:

— У тебя, мой другъ, слишкомъ много свободного времени. Тебѣ необходимо заняться чѣмъ-нибудь. Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы тебѣ опять не поступить въ актрисы, если есть призваніе?

— Не могу.

— Тонъ и манера у тебя таковы, какъ будто ты жертва. Это мнѣ не нравится, другъ мой. Сама ты виновата. Вспомни, ты начала съ того, что разсердилась на людей и на порядки, но ничего не сдѣлала, чтобы тѣ и другіе стали лучше. Ты не боролась со зломъ, а утомилась, и ты жертва не борьбы, а своего безсилія. Ну, конечно, тогда ты была молода, неопытна, теперь же все можетъ пойти

иначе. Право, поступай! Будешь ты трудиться, служить святому искусству...

— Не лукавьте, Николай Стапаныч,— перебивает меня Катя.— Давайте раз навсегда условимся: будем говорить объ актерахъ, объ актрисахъ, писателяхъ, но оставимъ въ покоѣ искусство. Вы прекрасный, рѣдкій человекъ, но не настолько понимаете искусство, чтобы по совѣсти считать его святымъ. Къ искусству у васъ нѣтъ ни чутья, ни слуха. Всю жизнь вы были заняты и вамъ некогда было пріобрѣтать это чутье. Вообще... я не люблю этихъ разговоровъ объ искусствѣ! — продолжаетъ она нервно. — Не люблю! И такъ ужъ опошили его, благодарю покорно!

— Кто опошили?

— Тѣ опошили его пьянствомъ, газеты—фамиллярнымъ отношеніемъ, умные люди—философіей.

— Философія тутъ ни при чемъ.

— Причемъ. Если кто философствуетъ, то это значить, что онъ не понимаетъ.

Чтобы дѣло не дошло до рѣзкостей, я спѣшу переменить разговоръ и потомъ долго молчу. Только когда мы выѣзжаемъ изъ лѣса и направляемся къ Катериной дачѣ, я возвращаюсь къ прежнему разговору и спрашиваю

— Ты все-таки не отвѣтила мнѣ: отчего ты не хочешь идти въ актрисы?

— Николай Стананычъ, это наконецъ жестоко!—вскрикиваетъ она и вдругъ вся краснѣетъ.—Вамъ хочется, чтобы я вслухъ сказала правду? Извольте, если это... это вамъ нравится! Таланта у меня нѣтъ! Таланта нѣтъ и... и много самолюбія! Вотъ!

Сдѣлавъ такое признаніе, она отворачиваетъ отъ меня лицо и, чтобы скрыть дрожь въ рукахъ, сильно дергаетъ за вожжи.

Подъѣзжая къ ея дачѣ, мы уже издали видимъ Михаила Федоровича, который гуляетъ около воротъ и нетерпѣливо поджидаетъ насъ.

— Опять этотъ Михаилъ Федорычъ!—говоритъ Катя съ досадою.—Уберите его отъ меня, пожалуйста! Надоѣлъ, выдохся... Ну его!

Михаилу Федоровичу давно уже нужно ѣхать за границу, но онъ каждую недѣлю откладываетъ свой отъѣздъ. Въ последнее время съ нимъ произошли кое-какія перемѣны:

онъ какъ-то осунулся, сталъ хмельтъ отъ вина, чего съ нимъ раньше никогда не бывало, и его черныя брови начинаютъ сѣдѣть. Когда нашъ шарабанъ останавливается у воротъ, онъ не скрываетъ своей радости и своего нетерпѣнія. Онъ суетливо высаживаетъ Катю и меня, торопится задавать вопросы, смѣется, потираетъ руки и то кроткое, молящееся, чистое, что я прежде замѣчалъ только въ его взглядѣ, тещеръ разлито по всему его лицу. Онъ радуется и въ то же время ему стыдно своей радости, стыдно этой привычки бывать у Кати каждый вечеръ, и онъ находитъ нужнымъ мотивировать свой прїездъ какою-нибудь очевидною нелѣпностью, въ родѣ: «Бѣхалъ мимо по дѣлу и дай, думаю, заѣду на минуту».

Всѣ трое мы идемъ въ комнаты; сначала пьемъ чай. потомъ на столѣ появляются давно знакомыя мнѣ двѣ колоды картъ, большой кусокъ сыру, фрукты и бутылка крымскаго шампанскаго. Темы для разговоръ у насъ не новы, все тѣ же, что были и зимою. Достается и университету, и студентамъ, и литературѣ, и театру; воздухъ отъ злословія становится гуще, душище, и отравляютъ его своими дыханіями уже не двѣ жабы, какъ зимою, а цѣлыхъ три. Кромѣ бархатнаго, баритоннаго смѣха и хохота, похожаго на гармонику, горничная, которая служить намъ, слышитъ еще непріятный, дребезжащій смѣхъ, какимъ въ водевиляхъ смѣются геиералы: хе-хе-хе...

V.

Бываютъ странныя ночи съ громомъ, молніей, дождемъ и вѣтромъ, которыя въ народѣ называются воробьиными. Одна точно такая же воробьиная ночь была и въ моей личной жизни...

Я просыпаюсь послѣ полуночи и вдругъ вскакиваю съ постели. Мнѣ почему-то кажется, что я сейчасъ внезапно умру. Почему кажется? Въ тѣлѣ нѣтъ ни одного такого ощущенія, которое указывало бы на скорый конецъ, но душу мою гнететъ такой ужасъ, какъ будто я вдругъ уви-дѣлъ громадное зловѣщее зарево.

Я быстро зажигаю огонь, пью воду прямо изъ графина, потомъ сиѣшу къ открытому окну. Погода на дворѣ великолѣпная. Пахнетъ сѣномъ и чѣмъ-то еще очень хорошимъ. Видны мнѣ зубцы палисадника, сонныя тощія дерева у

окна, дорога, темная полоса лѣса; на небѣ спокойная, очень яркая луна и ни одного облака. Тишина, не шевельнется ни одинъ листъ. Мнѣ кажется, что все смотритъ на меня и прислушивается, какъ я буду умирать...

Жутко. Закрываю окно и бѣгу къ постели. Щупаю у себя пульсъ и, не найдя на рукѣ, ищу его въ вискахъ, потомъ въ подбородкѣ и опять на рукѣ и все это у меня холодно, склизко отъ пота. Дыханіе становится все чаще и чаще, тѣло дрожить, всѣ внутренности въ движеніи, на лицѣ и на лысинѣ такое ощущеніе, какъ будто на нихъ садится паутина.

Что дѣлать? Позвать семью? Нѣтъ, не нужно. Я не понимаю, что будутъ дѣлать жена и Лиза, когда войдутъ ко мнѣ.

Я прячу голову подъ подушку, закрываю глаза и жду, жду... Спинѣ моей холодно, она точно втягивается во внутрь и такое у меня чувство, какъ будто смерть подойдетъ ко мнѣ непремѣнно сзади, потихоньку...

— Киви-киви! — раздается вдругъ пискъ въ ночной тишинѣ, и я не знаю, гдѣ это: въ моей груди, или на улицѣ?

— Киви-киви!

Боже мой, какъ страшно! Выпилъ бы еще воды, но ужъ страшно открыть глаза и боюсь поднять голову. Ужасъ у меня безотчетный, животный, и я никакъ не могу понять, отчего мнѣ страшно: оттого ли, что хочется жить, или оттого, что меня ждетъ новая, еще неизвѣданная боль?

Наверху за потолокомъ кто-то не то стонетъ, не то смѣется... Прислушиваюсь. Немного погодя на лѣстницѣ раздаются шаги. Кто-то торопливо идетъ внизъ, потомъ опять наверхъ. Черезъ минуту шаги опять раздаются внизу; кто-то останавливается около моей двери и прислушивается.

— Кто тамъ? — кричу я.

Дверь открывается, я смѣло открываю глаза и вижу жену. Лицо у нея блѣдно и глаза заплаканы.

— Ты не спишь, Николай Степанычъ? — спрашиваетъ она.

— Что тебѣ?

— Ради Бога сходи къ Лизѣ и посмотри на нее. Съ ней что-то дѣлается...

— Хорошо... съ удовольствіемъ... — бормочу я, очень довольный тѣмъ, что я не одинъ. — Хорошо... Сію минуту.

Я иду за своей женой, слушаю, что она говорит мнѣ, и ничего не понимаю отъ волненія. По ступенямъ лѣстницы прыгаютъ свѣтлыя пятна отъ ея свѣчи, дрожатъ наши длинныя тѣни, ноги мои путаются въ полахъ халата, я задыхаюсь, и мнѣ кажется, что за мной кто-то гонится и хочетъ схватить меня за спину. «Сейчасъ умру здѣсь на этой лѣстницѣ,—думаю я.—Сейчасъ...» Но вотъ миновали лѣстницу, темный коридоръ съ итальянскимъ окномъ и входимъ въ комнату Лизы. Она сидитъ на постели въ одной сорочкѣ, свѣсивъ босыя ноги, и стонетъ.

— Ахъ, Боже мой... ахъ, Боже мой! — бормочетъ она, жмурясь отъ нашей свѣчи.— Не могу, не могу...

— Лиза, дитя мое,—говорю я.— Что съ тобой?

Увидѣвъ меня, она вскрикиваетъ и бросается мнѣ на шею.

— Пана мой добрый...—рыдаетъ она:— пана мой хороший... Крошечка мой, миленькій... Я не знаю, что со мною... Тяжело!

Она обнимаетъ меня, цѣлуетъ и лепечетъ ласкательныя слова, какія я слышалъ отъ нея, когда она была еще ребенкомъ.

— Успокойся, дитя мое, Богъ съ тобой, — говорю я.— Не нужно плакать. Мнѣ самому тяжело.

Я стараюсь укрыть ее, жена даетъ ей пить и оба мы беспорядочно толчемся около постели; своимъ плечомъ я толкаю ее въ плечо, и въ это время мнѣ вспоминается, какъ мы когда-то вмѣстѣ купали нашихъ дѣтей.

— Да помоги же ей, помоги!—умоляетъ жена.— Сдѣлай что-нибудь!

Что же я могу сдѣлать? Ничего не могу. На душѣ у дѣвочки какая-то тяжесть, но я ничего не понимаю, не знаю и могу только бормотать:

— Ничего, ничего... Это пройдетъ... Спи, спи...

Какъ нарочно, въ нашемъ дворѣ раздается вдругъ собачій вой, сначала тихій и нерѣшительный, потомъ громкій, въ два голоса. Я никогда не придавалъ значенія такимъ примѣтамъ, какъ вой собакъ или крикъ совъ, но теперь сердце мое мучительно сжимается и я сиѣшу объяснить себѣ этотъ вой.

«Пустяки... — думаю я. — Вліяніе одного организма на другой. Мое сильное нервное напряженіе передалось женѣ,

Лизѣ, собакѣ, вотъ и все... Этой передачей объясняются предчувствія, предвидѣнія»...

Когда я, немного погодя, возвращаюсь къ себѣ въ комнату, чтобы написать для Лизы рецептъ, я ужъ не думаю о томъ, что скоро умру, но просто на душѣ тяжело, нудно, такъ что даже жаль, что я не умеръ внезапно. Долго я стою среди комнаты неподвижно и придумываю, что бы такое прописать для Лизы, но стоны за потолокомъ умоляютъ и я рѣшаю ничего не прописывать, и все-таки стою...

Тишина мертвая, такая тишина, что, какъ выразился какой-то писатель, даже въ ушахъ звенить. Время идетъ медленно, полосы луннаго свѣта на подоконникѣ не мѣняются своего положенія, точно застыли... Разсвѣтъ еще не скоро.

Но вотъ въ палисадникѣ скрипитъ калитка, кто-то крадется и, отломивъ отъ одного изъ тощихъ деревецъ вѣтку, осторожно стучитъ ею по окну.

— Николай Степанычъ! — слышу я шопотъ. — Николай Степанычъ!

Я отворяю окно и мнѣ кажется, что я вижу сонъ: подъ окномъ, прижавшись къ стѣнѣ, стоитъ женщина въ черномъ платьѣ, ярко освѣщенная луной, и глядитъ на меня большими глазами. Лицо ея блѣдно, строго и фантастично отъ луны, какъ мраморное, подбородокъ дрожитъ.

— Это я...—говоритъ она.—Я... Катя!

При лунномъ свѣтѣ всѣ женскіе глаза кажутся большими и черными, люди выше и блѣднѣе, и потому, вѣроятно, я не узналъ ея въ первую минуту.

— Что тебѣ?

— Простите, — говоритъ она. — Мнѣ вдругъ почему-то стало невыносимо тяжело... Я не выдержала и поѣхала сюда... У васъ въ окнѣ свѣтъ и... и я рѣшила постучать... Извините... Ахъ, если бъ вы знали, какъ мнѣ было тяжело! Что вы сейчасъ дѣлаете?

— Ничего... Безсонница.

— У меня какое-то предчувствіе было. Впрочемъ, пустяки.

Брови ея поднимаются, глаза блестятъ отъ слезъ и все лицо озаряется, какъ свѣтомъ, знакомымъ, давно невиданнымъ выраженіемъ доврчивости.

— Николай Степанычъ!—говоритъ она умоляюще, про-

тягивая ко мнѣ обѣ руки. — Дорогой мой, прошу васъ... умоляю... Если вы не презираете моей дружбы и уваженія къ вамъ, то согласитесь на мою просьбу!

— Что такое?

— Возьмите отъ меня мои деньги!

— Ну, вотъ еще что выдумала! На что мнѣ твои деньги?

— Вы поѣдете куда-нибудь лѣчиться... Вамъ нужно лѣчиться. Возьмете? Да? Голубчикъ, да?

Она жадно всматривается въ мое лицо и повторяетъ:

— Да? Возьмете?

— Нѣтъ, мой другъ, не возьму...—говорю я.—Спасибо.

Она поворачивается ко мнѣ спиной и поникаетъ головой. Вѣроятно, я отказалъ ей такимъ тономъ, который не допускалъ дальнѣйшихъ разговоровъ о деньгахъ.

— Поѣзжай домой спать,—говорю я.—Завтра увидимся.

— Значить, вы не считаете меня своимъ другомъ?—спрашиваетъ она уныло.

— Я этого не говорю. Но деньги твои теперь для меня бесполезны.

— Извините...—говоритъ она, понизивъ голосъ на цѣлую октаву.—Я понимаю васъ... Одолжаться у такого человѣка, какъ я... у отставной актрисы... Впрочемъ, прощайте...

И она уходитъ такъ быстро, что я не успѣваю даже сказать ей прощай.

VI.

Я въ Харьковѣ.

Такъ какъ бороться съ теперешнимъ моимъ настроеніемъ было бы бесполезно, да и не въ моихъ силахъ, то я рѣшилъ, что послѣдніе дни моей жизни будутъ безупречны хотя съ формальной стороны; если я не правъ по отношенію къ своей семьѣ, что я отлично сознаю, то буду стараться дѣлать такъ, какъ она хочетъ. Въ Харьковѣ ѣхать, такъ въ Харьковѣ. Къ тому же, въ послѣднее время я такъ оравнодушнѣлъ ко всему, что мнѣ положительно все равно, куда ни ѣхать, въ Харьковѣ, въ Парижѣ ли, или въ Бердичевѣ.

Пріѣхалъ я сюда часовъ въ 12 дня и остановился въ гостиницѣ, недалеко отъ собора. Въ вагонѣ меня укачало, продуло сквозняками и теперь я сижу на кровати, держусь

за голову и жду тiс'а. Надо бы сегодня же поѣхать къ знакомымъ профессорамъ, да нѣтъ охоты и силы.

Входитъ коридорный лакей - старикъ и спрашиваетъ, есть ли у меня постельное бѣлье. Я задерживаю его минутъ на пять и задаю ему нѣсколько вопросовъ насчетъ Гнеккера, ради котораго я прiѣхалъ сюда. Лакей оказывается уроженцемъ Харькова, знаетъ этотъ городъ, какъ свои пять пальцевъ, но не помнитъ ни одного такого дома, который носилъ бы фамилию Гнеккера. Разспрашиваю насчетъ имѣній—то же самое.

Въ коридорѣ часы бьютъ часъ, потомъ два, потомъ три... Послѣднiе мѣсяцы моей жизни, пока я жду смерти, кажутся мнѣ гораздо длиннѣе всей моей жизни. И никогда раньше я не умѣлъ такъ мириться съ медленностiю времени, какъ теперь. Прежде бывало, когда ждешь на вокзалѣ поѣзда или сидишь на экзаменѣ, четверть часа кажутся вѣчностью, теперь же я могу всю ночь сидѣть неподвижно на кровати и совершенно равнодушно думать о томъ, что завтра будетъ такая же длинная, безцвѣтная ночь, и послѣзавтра...

Въ коридорѣ бьютъ пять часовъ, шесть, семь... Становится темно.

Въ щекѣ тупая боль—это начинается тiс. Чтобы занять себя мыслями, я становлюсь на прежнюю свою точку зрѣнiя, когда не былъ равнодушенъ, и спрашиваю: зачѣмъ я, знаменитый человекъ, тайный совѣтникъ, сижу въ этомъ маленькомъ номерѣ, на этой кровати съ чужимъ, сѣрымъ одѣяломъ? Зачѣмъ я гляжу на этотъ дешевый жестяной рукомоѣйникъ и слушаю, какъ въ коридорѣ дребезжатъ дрянные часы? Развѣ все это достойно моей славы и моего высокаго положенiя среди людей? И на эти вопросы я отвѣчаю себѣ усмѣшкой. Смѣшна мнѣ моя наивность, съ какою я когда-то въ молодости преувеличивалъ значенiе извѣстности и того исключительнаго положенiя, какимъ будто бы пользуются знаменитости. Я извѣстенъ, мое имя произносится съ благоговѣнiемъ, мой портретъ былъ и въ «Нивѣ» и во «Всемирной Иллюстраци», свою биографiю я читалъ даже въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ—и что же изъ этого? Сижу я одинъ-одиношенекъ въ чужомъ городѣ, на чужой кровати, тру ладонью свою больную щеку... Семейныя дразги, немилосердiе кредиторовъ, грубость желѣзнодорожной прислуги, неудобства паспортной системы, до-

рогая и нездоровая нища въ буфетахъ, всеобщее невѣжество и грубость въ отношеніяхъ—все это и многое другое, что было бы слишкомъ долго перечислять, касается меня не менѣе, чѣмъ любого мѣщанина, извѣстнаго только своему переулку. Въ чемъ же выражается исключительность моего положенія? Допустимъ, что я знаменитъ тысячу разъ, что я герой, которымъ гордится моя родина; во всѣхъ газетахъ нишусть бюллетени о моей болѣзни, по почти идутъ уже ко мнѣ сочувственные адреса отъ товарищей, учениковъ и публики, но все это не помѣшаетъ мнѣ умереть на чужой кровати, въ тоскѣ, въ совершенномъ одиночествѣ... Въ этомъ, конечно, никто не виноватъ, но, грѣшный человѣкъ, не люблю я своего популярнаго имени. Мнѣ кажется, какъ будто оно меня обмануло.

Часовъ въ десять я засыпаю и, несмотря на тис, сплю крѣпко и спалъ бы долго, если бы меня не разбудили. Въ началѣ второго часа вдругъ раздается стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Телеграмма!

— Могли бы и завтра, — сержусь я, получая отъ коридорнаго телеграмму. — Теперь ужъ я не усну въ другой разъ.

— Виновать-съ. У васъ огонь горитъ, я думалъ, что вы не спите.

Я распечатываю телеграмму и прежде всего гляжу на подпись: отъ жены. Что ей нужно?

«Вчера Гнеккеръ тайно обвинчался съ Лизой. Возвратись»

Я читаю эту телеграмму и пугаюсь ненадолго. Пугаетъ меня не поступокъ Лизы и Гнеккера, а мое равнодушіе, съ какимъ я встрѣчаю извѣстіе объ ихъ свадьбѣ. Говорятъ, что философы и истинные мудрецы равнодушны. Не правда, равнодушіе—это параличъ души, преждевременная смерть.

Опять ложусь я въ постель и начинаю придумывать, какими бы занять себя мыслями. О чемъ думать? Кажется, все ужъ передумано и ничего нѣтъ такого, что было бы теперь способно возбудить мою мысль.

Когда разсвѣтаетъ, я сижу въ постели, обнявъ руками колѣни, и отъ нечего дѣлать стараюсь познать самого себя. «Познай самого себя» — прекрасный и полезный совѣтъ;

жалъ только, что древніе не догадались указать способъ, какъ пользоваться этимъ совѣтомъ.

Когда мнѣ прежде приходила охота понять кого-нибудь, или себя, то я принималъ во вниманіе не поступки, въ которыхъ все условно, а желанія. Скажи мнѣ, чего ты хочешь, и я скажу, кто ты.

И теперь я экзаменую себя: чего я хочу?

Я хочу, чтобы наши жены, дѣти, друзья, ученики любили въ насъ не имя, не фирму и не ярлыкъ, а обыкновенныхъ людей. Еще что? Я хотѣлъ бы имѣть помощниковъ и наследниковъ. Еще что? Хотѣлъ бы проснуться лѣтъ черезъ сто и хотъ однимъ глазомъ взглянуть, что будетъ съ наукой. Хотѣлъ бы еще пожить лѣтъ десять... Дальше что?

А дальше ничего. Я думаю, долго думаю и ничего не могу еще придумать. И сколько бы я ни думалъ и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то очень важнаго. Въ моемъ пристрастіи къ наукѣ, въ моемъ желаніи жить, въ этомъ сидѣніи на чужой кровати и въ стремленіи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинкахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей, или богомъ живого человѣка.

А коли нѣтъ этого, то, значить, нѣтъ и ничего.

При такой бѣдности достаточно было серьезнаго недуга, страха смерти, вліянія обстоятельствъ и людей, чтобы все то, что я прежде считалъ своимъ міровоззрѣніемъ и въ чемъ видѣлъ смыслъ и радость своей жизни, перевернулось вверхъ дномъ и разлетѣлось въ клочья. Ничего же поэтому нѣтъ удивительнаго, что послѣдніе мѣсяцы своей жизни я омрачилъ мыслями и чувствами, достойными раба и варвара, что теперь я равнодушенъ и не замѣчаю разсвѣта. Когда въ человѣкѣ нѣтъ того, что выше и сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ вліяній, то, право, достаточно для него хорошаго насморка, чтобы потерять равновѣсіе и начать видѣть

въ каждой птицѣ сову, въ каждомъ звукѣ слышать собачій вой. И весь его пессимизмъ или оптимизмъ съ его великими и малыми мыслями въ это время имѣютъ значеніе только симптома и больше ничего.

Я побѣжденъ. Если такъ, то нечего же продолжать еще думать, нечего разговаривать. Буду сидѣть и молча ждать, что будетъ.

Утромъ коридорный приноситъ мнѣ чай и номеръ мѣстной газеты. Машинально я прочитываю объявленія на первой страницѣ, передовую, выдержки изъ газетъ и журналовъ, хронику... Между прочимъ въ хроникѣ я нахожу такое извѣстіе: «Вчера съ курьерскимъ поѣздомъ прибылъ въ Харьковъ нашъ извѣстный ученый, заслуженный профессоръ Николай Степановичъ такой-то и остановился въ такой-то гостиницѣ».

Очевидно, громкія имена создаются для того, чтобы жить особнякомъ, помимо тѣхъ, кто ихъ носитъ. Теперь мое имя безмятежно гуляетъ по Харькову; мѣсяца черезъ три оно, изображенное золотыми буквами на могильномъ памятникѣ, будетъ блестѣть, какъ самое солнце — и это въ то время, когда я буду ужъ покрытъ мохомъ...

Легкій стукъ въ дверь. Кому-то я нуженъ.

— Кто тамъ? Войдите!

Дверь открывается и я, удивленный, дѣлаю шагъ назадъ и слышу запахнуть полы своего халата. Передо мной стоитъ Катя.

— Здравствуйте,—говоритъ она, тяжело дыша отъ ходьбы по лѣстницѣ.—Не ожидали? Я тоже... тоже сюда пріѣхала.

Она садится и продолжаетъ, заикаясь и не глядя на меня:

— Что же вы не здороваетесь? Я тоже пріѣхала... сегодня... Узнала, что вы въ этой гостиницѣ, и пришла къ вамъ.

— Очень радъ видѣть тебя, — говорю я, пожимая плечами:—но я удивленъ... Ты точно съ неба свалилась. Зачѣмъ ты здѣсь?

— Я? Такъ... просто взяла и пріѣхала.

Молчаніе. Вдругъ она порывисто встаетъ и идетъ ко мнѣ.

— Николай Степаныч!—говоритъ она, блѣднѣя и сжимая на груди руки.—Николай Степаныч! Я не могу дальше такъ жить! Не могу! Ради истиннаго Бога скажите скорѣе, сію минуту: что мнѣ дѣлать? Говорите, что мнѣ дѣлать?

— Что же я могу сказать? — недоумѣваю я. — Ничего я не могу.

— Говорите же, умоляю вас! — продолжаетъ она, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Клянусь вамъ, что я не могу дольше такъ жить! Силъ моихъ нѣтъ!

Она падаетъ на стулъ и начинаетъ рыдать. Она закинула назадъ голову, ломаетъ руки, топчетъ ногами; шляпка ея свалилась съ головы и болтается на резинкѣ, прическа растрепалась.

— Помогите мнѣ! Помогите! — умоляетъ она. — Не могу я дольше!

Она достаетъ изъ своей дорожной сумочки платокъ и вмѣстѣ съ нимъ вытаскиваетъ нѣсколько писемъ, которыя съ ея колѣнъ падаютъ на полъ. Я подбираю ихъ съ полу и на одномъ изъ нихъ узнаю почеркъ Михаила Федоровича и печально прочитываю кусочекъ какого-то слова «страсти...».

— Ничего я не могу сказать тебѣ, Катя, — говорю я.

— Помогите! — рыдаетъ она, хватая меня за руку и цѣлуя ее. — Вѣдь вы мой отецъ, мой единственный другъ! Вѣдь вы умны, образованы, долго жили! Вы были учителемъ! Говорите же: что мнѣ дѣлать?

— По совѣсти, Катя: не знаю...

Я растерялся, сконфуженъ, тронуть рыданіями и едва стою на ногахъ.

— Давай, Катя, завтракать, — говорю я, натянуто улыбаясь. — Будетъ плакать!

И тотчасъ же я прибавляю унавившимъ голосомъ:

— Меня скоро не станетъ, Катя...

— Хоть одно слово, хоть одно слово! — плачетъ она, протягивая ко мнѣ руки. — Что мнѣ дѣлать?

— Чудачка, право... — бормочу я. — Не понимаю! Такая умница и вдругъ — на тебѣ! расслакалась...

Наступаетъ молчаніе. Катя поправляетъ прическу, надѣваетъ шляпу, потомъ комкаетъ письма и суетъ ихъ въ сумочку — и все это молча и не сдвигая. Лицо, грудь и перчатки у нея мокры отъ слезъ, но выраженіе лица уже сухо, сурово... Я гляжу на нее и мнѣ стыдно, что я счастливѣе ея. Отсутствіе того, что товарищи-философы называютъ общей идеей, я замѣтилъ въ себѣ только незадолго передъ смертью; на закатѣ своихъ дней, а вѣдь душа этой

бѣдняжки не знала и не будетъ знать пріюта всю жизнь, всю жизнь!

— Давай, Катя, завтракать,—говорю я.

— Иѣтъ, благодарю,—отвѣчаетъ она холодно.

Еще одна минута проходитъ въ молчаніи.

— Не нравится мнѣ Харьковъ,—говорю я.—Сѣро укаъ очень. Какой-то сѣрый городъ.

— Да, пожалуй... Некрасивый... Я ненадолго сюда... Мимоѣздомъ. Сегодня же уѣду.

— Куда?

— Въ Крымъ... то-есть на Кавказъ.

— Такъ. Надолго?

— Не знаю.

Катя встаетъ и, холодно улыбувшись, не глядя на меня, протягиваетъ мнѣ руку.

Мнѣ хочется спросить:—«Значитъ, на похоронахъ у меня не будешь?» Но она не глядитъ на меня, рука у нея холодная, словно чужая. Я молча провожаю ее до дверей... Вотъ она вышла отъ меня, идетъ по длинному коридору, не оглядываясь. Она знаетъ, что я гляжу ей вслѣдъ, и, вѣроятно, на поворотѣ оглянется.

Иѣтъ, не оглянулась. Черное платье въ послѣдній разъ мелькнуло, затихли шаги... Прощай, мое сокровище!

ПРИПАДОКЪ.

I.

Студентъ-медикъ Майеръ и ученикъ московскаго училища живописи, ваянiя и зодчества Рыбниковъ пришли какъ-то вечеромъ къ своему прiятелю студенту-юристу Васильеву и предложили ему сходить съ ними въ С—въ переулокъ. Васильевъ сначала долго не соглашался, но потомъ одѣлся и пошелъ съ ними.

Падшихъ женщинъ онъ зналъ только по наслышкѣ и изъ книгъ, и въ тѣхъ домахъ, гдѣ онѣ живутъ, не былъ ни разу въ жизни. Онъ зналъ, что есть такiя безнравственныя женщины, которыя подъ давленiемъ роковыхъ обстоятельствъ—среды, дурнаго воспитанiя, нужды и т. п. вынуждены бываютъ продавать за деньги свою честь. Онѣ не знаютъ чистой любви, не имѣютъ дѣтей, не правоспособны; матери и сестры оплакиваютъ ихъ, какъ мертвыхъ, наука третируетъ ихъ, какъ зло, мужчины говорятъ имъ ты. Но, несмотря на все это, онѣ не теряютъ образа и подобiя Божiя. Всѣ онѣ сознаютъ свой грѣхъ и надѣются на спасенiе. Средствами, которыя ведутъ къ спасенiю, онѣ могутъ пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Правда, общество не прощаетъ людямъ прошлаго, но у Бога святая Марiя Египетская считается не ниже другихъ святыхъ. Когда Васильеву приходилось по костюму или по манерамъ узнавать на улицѣ падшую женщину, или видѣть ея изображенiе въ юмористическомъ журналѣ, то всякiй разъ онъ вспоминалъ одну исторiю, гдѣ-то и когда-то имъ вычиталъ

ную: какой-то молодой человекъ, чистый и самоотверженный, полюбилъ падшую женщину и предложилъ ей стать его женою, она же, считая себя недостойною такого счастья, отравилась.

Васильевъ жилъ въ одномъ изъ переулковъ, выходящихъ на Тверской бульваръ. Когда онъ вышелъ съ пріятелями изъ дому, было около 11 часовъ. Недавно шелъ первый снѣгъ и все въ природѣ находилось подъ властью этого молодого снѣга. Въ воздухѣ пахло снѣгомъ, подъ ногами мягко хрустѣлъ снѣгъ, земля, крыши, деревья, скамьи на бульварахъ — все было мягко, бѣло, молодо, и отъ этого дома выглядывали иначе, чѣмъ вчера, фонари горѣли ярче, воздухъ былъ прозрачнѣй, экипажи стучали глуше, и въ душу вмѣстѣ со свѣжимъ, легкимъ морознымъ воздухомъ просилось чувство, похожее на бѣлый, молодой, пушистый снѣгъ.

— Невѣдьно къ этимъ грустнымъ берегамъ,—запѣлъ медикъ пріятнымъ теноромъ:—меня влечетъ невѣдомая сила...

— Вотъ мельница...—подтянулъ ему художникъ.—Она ужь развалилась...

— Вотъ мельница... Она ужь развалилась...—повторилъ медикъ, поднимая брови и грустно покачивая головою.

Онъ помолчалъ, потеръ лобъ, припоминая слова, и запѣлъ громко и такъ хорошо, что на него оглянулись прохожіе:

— Здѣсь иѣкогда меня встрѣчала свободнаго свободная любовь...

Всѣ трое зашли въ рестораиъ и, не снимая пальто, выпили у бѣфета по двѣ рюмки водки. Передъ тѣмъ, какъ выпить по второй, Васильевъ замѣтилъ у себя въ водкѣ кусочекъ пробки, поднесъ рюмку къ глазамъ, долго глядѣлъ въ нее и близоручко хмурился. Медикъ не понялъ его выраженія и сказалъ:

— Ну, что глядишь? Пожалуйста, безъ философіи! Водка дана, чтобы пить ее, осетрина—чтобы ѣсть, женщины—чтобы бывать у нихъ, снѣгъ—чтобы ходить по немъ. Хотя одинъ вечеръ поживи по-человѣчески!

— Да я ничего...—сказалъ Васильевъ, смѣясь.—Развѣ я отказываюсь?

Отъ водки у него потеплѣло въ груди. Онъ съ умилениемъ глядѣлъ на своихъ пріятелей, любовался ими и за-

виноваль. Какъ у этихъ здоровыхъ, сильныхъ, веселыхъ людей все уравновѣшено, какъ въ ихъ умахъ и душахъ все закончено и гладко! Они и поютъ, и страстно любятъ театръ, и рисуютъ, и много говорятъ, и пьютъ, и голова у нихъ не болитъ на другой день послѣ этого; они и поэтичны, и распутны, и нѣжны, и дерзки; они умѣютъ и работать, и возмущаться, и хохотать безъ причины, и говорить глупости; они горячи, честны, самоотвержены, и, какъ люди, ничѣмъ не хуже его, Васильева, который сторожитъ каждый свой шагъ и каждое свое слово, мнителенъ, остороженъ, и малѣйшій пустякъ готовъ возводить на степень вопроса. И ему захотѣлось хоть одинъ вечеръ пожить такъ, какъ живутъ пріятели, развернуться, освободить себя отъ собственнаго контроля. Понадобится водку пить? Онъ будетъ пить, хотя бы завтра у него лопнула голова отъ боли. Его ведутъ къ женщинамъ? Онъ идетъ. Онъ будетъ хохотать, дурачиться, весело отвѣчать на затрогиванія прохожихъ...

Вышелъ онъ изъ ресторана со смѣхомъ. Ему нравились его пріятели—одинъ въ помятой широкополой шляпѣ съ претензіей на художественный беспорядокъ, другой въ котиковою шапочкѣ, человекъ не бѣдный, но съ претензіей на принадлежность къ ученой богемѣ; нравился ему снѣгъ, бѣдные, фонарные огни, рѣзкіе, черные слѣды, какіе оставляли по первому снѣгу подошвы прохожихъ; нравился ему воздухъ и особенно этотъ прозрачный, нѣжный, ливневый, точно дѣвственный тонъ, какой въ природѣ можно наблюдать только два раза въ году: когда все покрыто снѣгомъ и весною въ ясные дни, или въ лунные вечера, когда на рѣкѣ ломаетъ ледъ.

— Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ,—запѣлъ онъ виолончелюса:—меня влечетъ невѣдомая сила...

И всю дорогу почему-то у него и у его пріятелей не сходило съ языка этотъ мотивъ, и всѣ трое напѣвали его машинально, не въ тактъ другъ другу.

Воображеніе Васильева рисовало, какъ минутъ черезъ десять онъ и его пріятели постучатся въ дверь, какъ они по темнымъ коридорчикамъ и по темнымъ комнатамъ будутъ красться къ женщинамъ, какъ онъ, воспользовавшись потемками, чиркнетъ спичкой и вдругъ освѣтитъ и увидитъ страдавшее лицо и виноватую улыбку. Невѣдомая блон-

динка, или брюнетка навѣрное будетъ съ распущенными волосами и въ бѣлой ночной кофточкѣ; она испугается свѣта, страшно сконфузится и скажетъ: «Ради Бога, что вы дѣлаете! Потушите!» Все это страшно, но любопытно и ново.

II.

Пріятели съ Трубнои площади повернули на Грачевку и скоро вошли въ переулочекъ, о которомъ Васильевъ зналъ только по наслышкѣ. Увидѣвъ два ряда домовъ съ ярко-освѣщенными окнами и съ настеежъ открытыми дверями. услышавъ веселые звуки роялей и скрипокъ—звуки, которые вылетали изъ всѣхъ дверей и мѣшались въ странную путаницу, похожую на то, какъ будто гдѣ-то въ потемкахъ, надъ крышами, настраивался невидимый оркестръ, Васильевъ удивился и сказалъ:

— Какъ много домовъ!

— Это чтѣ!—сказалъ медикъ.—Въ Лондонѣ въ десять разъ больше. Тамъ около ста тысячъ такихъ женщинъ.

Извозчики сидѣли на козлахъ такъ же покойно и равнодушно, какъ и во всѣхъ переулкахъ; по тротуарамъ шли такіе же прохожіе, какъ и на другихъ улицахъ. Никто не торопился, никто не пряталъ въ воротникъ своего лица, никто не покачивалъ укоризненно головой... И въ этомъ равнодушій, въ звуковой путаницѣ роялей и скрипокъ, въ яркихъ окнахъ, въ настеежъ открытыхъ дверяхъ чувствовалось что-то очень откровенное, наглое, удалое и размашистое. Должно-быть, во время оно на рабовладѣльческихъ рынкахъ было такъ же весело и шумно, и лица, и походка людей выражали такое же равнодушіе.

— Начнемъ съ самаго начала,—сказалъ художникъ.

Пріятели вошли въ узкій коридорчикъ, освѣщенный лампою съ рефлекторомъ. Когда они отворили дверь, то въ передней съ желтаго дивана лѣнливо поднялся человекъ въ черномъ сюртукѣ, съ небритымъ лакейскимъ лицомъ и съ заспанными глазами. Тутъ нахло какъ въ пращенной и кромѣ того еще уксусомъ. Изъ передней вела дверь въ ярко освѣщенную комнату. Медикъ и художникъ остановились въ этой двери и, вытянувъ шею, оба разомъ заглянули въ комнату.

— Бона-сера, сеньеры, риголетто-гугеноты-травиата!—началъ художникъ, театрално раскланиваясь.

— Гаванна-таракано-пистолето!—сказаль медикъ, прижимая къ груди свою шапочку и низко кланяясь.

Васильевъ стояль позади нихъ. Ему тоже хотѣлось театально раскланяться и сказать что-нибудь глупое, но онъ только улыбался, чувствовалъ неловкость, похожую на стыдъ, и съ нетерпѣнїемъ ждалъ, что будетъ дальше. Въ дверяхъ показалась маленькая блондинка лѣтъ 17—18, стриженная, въ короткомъ голубомъ платьѣ и съ бѣлымъ аксельбантомъ на груди.

— Что жъ вы въ дверяхъ стоите?—сказала она.—Спите ваши пальты и входите въ залу.

Медикъ и художникъ, продолжая говорить по-итальянски, вошли въ залу. Васильевъ нерѣшительно пошелъ за ними.

— Госнода, снимайте ваши пальты!—сказаль строго лакей.—Такъ нельзя.

Кромѣ блондинки, въ залѣ была еще одна женщина, очень полная и высокая, съ нерусскимъ лицомъ и съ обнаженными руками. Она сидѣла около рояля и раскладывала у себя на колѣняхъ пасьянсъ. На гостей она не обратила никакого вниманія.

— Гдѣ же остальные барышни?—спросиль медикъ.

— Онѣ чай пьютъ,—сказала блондинка.— Степанъ,—крикнула она:—пойди скажи барышнямъ, что студенты пришли!

Немного погодя, въ залу вошла третья барышня. Эта была въ ярко-красномъ платьѣ съ синими полосами. Лицо ея было густо и неумѣло накрашено, лобъ прятался за волосами, глаза глядѣли не мигая и испуганно. Войдя, она тотчасъ же зашѣла сильнымъ, грубымъ контральто какую-то пѣсню. За нею показалась четвертая барышня, за нею пятая...

Во всемъ этомъ Васильевъ не видѣлъ ничего ни новаго, ни любопытнаго. Ему казалось, что эту залу, рояль, зеркало въ дешевой золотой рамѣ, аксельбантъ, платье съ синими полосами и тупыя, равнодушныя лица онъ видѣлъ уже гдѣ-то и не одинъ разъ. Потемокъ же, тишины, тайны, виноватой улыбки, всего того, что ожидалъ онъ здѣсь встрѣтить и что пугало его, онъ не видѣлъ даже тѣни.

Все было обыкновенно, прозаично и неинтересно. Одно только слегка раздражало его любопытство—это страшная,

словно нарочно придуманная безвкусица, какая видна была въ карнизахъ, въ нелѣпныхъ картинахъ, въ платяхъ, въ аксельбантѣ. Въ этой безвкусицѣ было что-то характерное, особенное.

— Какъ все бѣдно и глупо!—думалъ Васильевъ.—Что во всей этой чепухѣ, которую я теперь вижу, можетъ искутить нормальнаго человѣка, побудить его совершить страшный грѣхъ—купить за рубль живого человѣка? Я понимаю любой грѣхъ ради блеска, красоты, граціи, страсти, вкуса, но тутъ-то что? Ради чего тутъ грѣшатъ? Впрочемъ... не надо думать!

— Борода, угостите портеромъ! — обратилась къ нему блондинка.

Васильевъ вдругъ сконфузился.

— Съ удовольствіемъ... — сказалъ онъ, вѣжливо кланаясь.—Только извините, сударыня, я... я съ вами пить не буду. Я не пью.

Минутъ черезъ пять пріятели шли уже въ другой домъ.

— Ну, зачѣмъ ты потребовалъ портеру?—сердился медикъ.—Милліонщикъ какой! Бросилъ шесть рублей такъ, здорово-живешь, на вѣтеръ!

— Если она хочетъ, то отчего же не сдѣлать ей этого удовольствія?—оправдывался Васильевъ.

— Ты доставилъ удовольствіе не ей, а хозяйкѣ. Требовать отъ гостей угощенія приказываютъ имъ хозяйки, которымъ это выгодно.

— Вотъ мельница...—запѣлъ художникъ.—Она ужъ развалилась...

Придя въ другой домъ, пріятели постояли только въ передней, но въ залу не входили. Такъ же, какъ и въ первомъ домѣ, въ передней съ дивана поднялась фигура въ сюртукѣ и съ заспаннымъ лакейскимъ лицомъ. Глядя на этого лакея, на его лицо и поношенный сюртукъ, Васильевъ подумалъ: «Сколько долженъ пережить обыкновенный, простой русскій человѣкъ, прежде чѣмъ судьба забрасываетъ его сюда въ лакеи? Гдѣ онъ былъ раньше и что дѣлалъ? Что ждетъ его? Женатъ ли онъ? Гдѣ его мать и знаетъ ли она, что онъ служитъ тутъ въ лакеяхъ?» И ужъ Васильевъ невольно въ каждомъ домѣ обращалъ свое вниманіе прежде всего на лакея. Въ одномъ изъ домовъ, кажется, въ четвергомъ по счету, былъ лакей маленькій,

тщедушный, сухой, съ цѣпочкой на жилеткѣ. Онъ читаль «Листокъ» и не обратилъ никакого вниманія на вошедшихъ. Поглядѣвъ на его лицо, Васильевъ почему-то подумаль, что человекъ съ такимъ лицомъ можетъ и украсть, и убить, и дать ложную клятву. А лицо въ самомъ дѣлѣ было интересное: большой лобъ, сѣрые глаза, приплюснутый носикъ, мелкія, стиснутыя губы, а выраженіе тупое и въ то же время наглое, какъ у молодой гончей собаки, когда она догоняеть зайца. Васильевъ подумаль, что хорошо бы потрогать этого лакея за волосы: жесткіе они или мягкіе? Должно-быть, жесткіе, какъ у собаки.

III.

Художникъ оттого, что выпилъ два стакана портеру, какъ-то вдругъ опьянѣлъ и неестественно оживился.

— Пойдемте въ другой!—командоваль онъ, размахивая руками.—И васъ поведу въ самый лучшій!

Приведя пріятелей въ тотъ домъ, который, по его мнѣнію, былъ самымъ лучшимъ, онъ изъявилъ настойчивое желаніе танцовать кадрили. Медикъ сталъ ворчать на то, что музыкантамъ придется платить рубль, но согласился быть *vis-à-vis*. Начали танцовать.

Въ самомъ лучшемъ было такъ же нехорошо, какъ и въ самомъ худшемъ. Тутъ были точно такія же зеркала и картины, такія же прически и платья. Осматривая обстановку и костюмы, Васильевъ уже понималь, что это не безвкусица, а нѣчто такое, что можно назвать вкусомъ и даже стилемъ С—ва переулка и чего нельзя найти нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, нѣчто цѣльное въ своемъ безобразіи, не случайное, выработанное временемъ. Послѣ того, какъ онъ побываль въ восьми домахъ, его ужъ не удивляли ни цвѣта платьевъ, ни длинные шлейфы, ни яркіе банты, ни матроскіе костюмы, ни густая фіолетовая окраска щекъ; онъ понималь, что все это здѣсь такъ и нужно, что если бы хоть одна изъ женщинъ одѣлась по-человѣчески, или если бы на стѣнѣ повѣсили порядочную гравюру, то отъ этого пострадалъ бы общій тонъ всего переулка.

— Какъ неумѣю онѣ продають себя! — думаль онъ.— Неужели онѣ не могутъ понять, что порокъ только тогда обаятеленъ, когда онъ красивъ и прячется, когда онъ носить оболочку добродѣтели? Скромныя черныя платья, блѣд-

ныя лица, печальныя улыбки и потемки сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ эта аляповатая мишура. Глупыя! Если онѣ сами не понимаютъ этого, то гости бы ихъ поучили, что ли...

Барышня въ польскомъ костюмѣ съ бѣлой мѣховой опушкой подошла къ нему и сѣла рядомъ съ нимъ.

— Симпатичный брюнетъ, что жъ вы не танцуете?— спросила она.—Отчего вы такой скучный?

— Потому что скучно.

— А вы угостите лафитомъ. Тогда не будетъ скучно.

Васильевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ помолчалъ и спросилъ:

— Вы въ которомъ часу ложитесь спать?

— Въ шестомъ.

— А встаете когда?

— Когда въ два, а когда и въ три.

— А вставши, что дѣлаете?

— Кофій пьемъ, въ седьмомъ часу обѣдаемъ.

— А что вы обѣдаете?

— Обыкновенно... Супъ или щи, биштексъ, десертъ. Наша мадамъ хорошо содержитъ дѣвушекъ. Да для чего вы все это спрашиваете?

— Такъ, чтобъ поговорить...

Васильеву хотѣлось поговорить съ барышней о многомъ. Онъ чувствовалъ сильное желаніе узнать, откуда она родомъ, живы ли ея родители и знаютъ ли они, что она здѣсь, какъ она попала въ этотъ домъ, весела ли и довольна, или же печальна и угнетена мрачными мыслями, надѣется ли выйти когда-нибудь изъ своего настоящаго положенія... Но никакъ онъ не могъ придумать, съ чего начать и какую форму придать вопросу, чтобъ не показаться нескромнымъ. Онъ долго думалъ и спросилъ:

— Вамъ сколько лѣтъ?

— Восемьдесятъ, — сострила барышня, глядя со смѣхомъ на фокусы, какіе выдѣлывалъ руками и ногами плясавшій художникъ.

Вдругъ она чему-то захохотала и сказала громко, такъ, что всѣ слышали, длинную циническую фразу. Васильевъ оторопѣлъ и, не зная, какое выраженіе придать своему лицу, напряженно улыбнулся. Улыбнулся только одинъ онъ, всѣ же остальные—его пріятели, музыканты и женщины даже и не взглянули на его сосѣдку, точно не слышали.

— Угостите лафитомъ!—опять сказала сосѣдка.

Васильевъ почувствовалъ отвращеніе къ ея бѣлой опушкѣ и къ голосу и отошелъ отъ нея. Ему ужъ казалось душно и жарко, и сердце начинало биться медленно, но сильно, какъ молотъ: разъ-два-три!

— Пойдемъ отсюда! — сказалъ опъ, дернувъ художника за рукавъ.

— Погоди, дай кончить.

Пока художникъ и медикъ кончали кадрили, Васильевъ, чтобы не глядѣть на женщинъ, осматривалъ музыкантовъ. На рояли игралъ благообразный старикъ въ очкахъ, похожій лицомъ на маршала Базена; на скрипкѣ—молодой человекъ съ русой бородкой, одѣтый по послѣдней модѣ. У молодого человека было лицо не глупое, не испитое, а наоборотъ, умное, молодое, свѣжее. Одѣтъ онъ былъ прихотливо и со вкусомъ, игралъ съ чувствомъ. Задача: какъ онъ и этотъ приличный, благообразный старикъ попали сюда? отчего имъ не стыдно сидѣть здѣсь? о чемъ они думаютъ, когда глядятъ на женщинъ?

Если бы на рояли и на скрипкѣ играли люди оборваные, голодные, мрачные, пьяные, съ испитыми или тупыми лицами, тогда присутствіе ихъ, быть-можетъ, было бы понятно. Теперь же Васильевъ ничего не понималъ. Ему вспоминалась исторія падшей женщины, прочитанная имъ когда-то, и онъ находилъ теперь, что этотъ человѣческій образъ съ виноватой улыбкой не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что онъ теперь видитъ. Ему казалось, что онъ видитъ не падшихъ женщинъ, а какой-то другой, совершенно особый міръ, ему чуждый и непонятный; если бы раньше онъ увидѣлъ этотъ міръ въ театрѣ на сценѣ, или прочелъ бы о немъ въ книгѣ, то не повѣрилъ бы...

Женщина съ бѣлой опушкой опять захохотала и громко произнесла отвратительную фразу. Гадливое чувство овладѣло имъ, онъ покраснѣлъ и вышелъ.

— Пстой, и мы идемъ!—крикнулъ ему художникъ.

IV.

— Сейчасъ у меня съ моей дамой, пока мы плясали, былъ разговоръ, — рассказывалъ медикъ, когда всѣ трое вышли на улицу.—Рѣчь шла объ ея первомъ романѣ. Онъ, герой—какой-то бухгалтеръ въ Смоленскѣ, имѣющій жену

и пятерыхъ ребятъ. Ей было 17 лѣтъ и жила она у папаша и мамаша, торгующихъ мыломъ и свѣчами.

— Чѣмъ же онъ побѣждалъ ея сердце? — спросилъ Васильевъ.

— Тѣмъ, что купилъ ей бѣлья на пятьдесятъ рублей. Чортъ знаетъ что!

«Однако же, вотъ онъ сумѣлъ выпытать у своей дамы ея романъ, — подумалъ Васильевъ про медика. — А я не умѣю»...—Господа, я ухожу домой!—сказалъ онъ.

— Почему?

— Потому что я не умѣю держать себя здѣсь. Къ тому же мнѣ скучно и противно. Что тутъ веселаго? Хоть бы люди были, а то дикари и животныя. Я ухожу, какъ угодно.

— Ну, Гриша, Григорій, голубчикъ... — сказалъ плачущимъ голосомъ художникъ, прижимаясь къ Васильеву. — Пойдемъ! Сходимъ еще въ одинъ и будь они прокляты... Пожалуйста! Григоріанцы!

Васильева уговорили и повели вверхъ по лѣстницѣ. Въ коврѣ и въ золоченыхъ перилахъ, въ швейцарѣ, отворившемъ дверь, и въ пано, украшавшихъ переднюю, чувствовался все тотъ же стиль С—ва переулка, но усовершенствованный, импонирующий.

— Право, я пойду домой!—сказалъ Васильевъ, снимая пальто.

— Ну, ну, голубчикъ... — сказалъ художникъ и поцѣловалъ его въ шею.—Не капризничай... Гри-Гри, будь товарищемъ! Вместе пришли, вместе и уйдемъ. Какой ты скотъ, право.

— Я могу подождать васъ на улицѣ. Ей-Богу, мнѣ здѣсь противно.

— Ну, ну, Гриша... Противно, а ты наблюдай! Пони-маешь? Наблюдай!

— Надо смотрѣть объективно на вещи,—сказалъ серьезно медикъ.

Васильевъ вошелъ въ залу и сѣлъ. Кромѣ него и пріятелей, въ залѣ было еще много гостей: два пѣхотныхъ офицера, какой-то сѣдой и лысый господинъ въ золотыхъ очкахъ, два безусыхъ студента изъ межевого института и очень пьяный человекъ съ актерскимъ лицомъ. Всѣ барышни были заняты этими гостями и не обратили на Ва-

силева никакого вниманія. Только одна изъ нихъ, одѣгая Айдой, искоса взглянула на него, чему-то улыбнулась и проговорила, зѣвая:

— Брюнетъ пришелъ...

У Васильева стучало сердце и горѣло лицо. Ему было и стыдно передъ гостями за свое присутствіе здѣсь и гадко, и мучительно. Его мучила мысль, что онъ, порядочный и любящій человекъ (такимъ онъ до сихъ поръ считалъ себя), ненавидитъ этихъ женщинъ и ничего не чувствуетъ къ нимъ, кромѣ отвращенія. Ему не было жаль ни этихъ женщинъ, ни музыкантовъ, ни лакеевъ.

«Это оттого, что я не стараюсь понять ихъ,—думалъ онъ. — Всѣ они похожи на животныхъ больше, чѣмъ на людей, но вѣдь они все-таки люди, у нихъ есть души. Надо ихъ понять и тогда ужъ судить»...

— Гриша, ты же не уходи, насъ подожди! — крикнулъ ему художникъ и исчезъ куда-то.

Скоро исчезъ и медикъ.

«Да, надо постараться понять, а такъ нельзя»... — продолжалъ думать Васильевъ.

И онъ сталъ напряженно вглядываться въ лицо каждой женщины и искать виноватой улыбки. Но — или онъ не умѣлъ читать на лицахъ, или же ни одна изъ этихъ женщинъ не чувствовала себя виноватою — на каждомъ лицѣ онъ читалъ только тупое выраженіе обыденной, пошлой скуки и довольства. Глупые глаза, глупыя улыбки, рѣзкіе, глубые голоса, наглыя движенія — и ничего больше. Повидимому, у каждой въ прошломъ былъ романъ съ бухгалтеромъ и съ бѣльемъ на пятьдесятъ рублей, а въ настоящемъ нѣтъ другой прелести въ жизни кромѣ кофе, обѣда изъ трехъ блюдъ, вина, кадрили, спанья до двухъ часовъ...

Не найдя ни одной виноватой улыбки, Васильевъ сталъ искать: нѣтъ ли умнаго лица. И вниманіе его остановилось на одномъ блѣдномъ, немножко сонномъ, утомленномъ лицѣ... Это была немолодая брюнетка, одѣтая въ костюмъ, усыпанный блестками; она сидѣла въ креслѣ, глядѣла въ полъ и о чемъ-то думала. Васильевъ прошелся изъ угла въ уголъ и точно нечаянно сѣлъ рядомъ съ нею.

«Нужно начать съ чего —нибудь пошлаго, — думалъ онъ: — а потомъ постепенно перейти къ серьезному»... — А

какой у васъ хорошенькій костюмчикъ! — сказалъ онъ и коснулся пальцемъ золотой бахромы на косынкѣ.

— Какой есть...—сказала вяло брюнетка.

— Вы изъ какой губерніи?

— Я? Дальняя... Изъ Черниговской.

— Хорошая губернія. Тамъ хорошо.

— Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

«Жаль, что я не умѣю природу описывать, — подумалъ Васильевъ. — Можно было бы тронуть ее описаніями черниговской природы. Небось, вѣдь любить, коли родилась тамъ».

— Вамъ здѣсь скучно?—спросилъ онъ.

— Извѣстно, скучно.

— Отчего же вы не уходите отсюда, если вамъ скучно?

— Куда жъ я уйду? Милостыню просить, что ли?

— Милостыню просить легче, чѣмъ жить здѣсь.

— А вы откуда знаете? Нешто вы просили?

— Просилъ, когда нечѣмъ было платить за учење. Хотя бы даже не просилъ, это такъ понятно. Нищій, какъ бы ни было, свободный человѣкъ, а вы раба.

Брюнетка потянулась и проводила сонными глазами лакея, который несъ на подносѣ стаканы и сельтерскую воду.

— Угостите портеромъ, — сказала она и опять зѣвнула.

«Портеромъ... — подумалъ Васильевъ. — А что если бы сейчасъ вошелъ сюда твой братъ или твоя мать? Что бы ты сказала? А что сказали бы они? Былъ бы тогда портеръ, воображаю»...

Вдругъ послышался плачь. Изъ сосѣдней комнаты, куда лакей понесъ сельтерскую, быстро вышелъ какой-то блондинъ съ краснымъ лицомъ и сердитыми глазами. За нимъ шла высокая, полная хозяйка и кричала визгливымъ голосомъ:

— Никто вамъ не позволялъ бить дѣвушекъ по щекамъ! У насъ бывають гости получше васъ, да не дерутся! Шарлатанъ!

Поднялся шумъ. Васильевъ испугался и поблѣднѣлъ. Въ сосѣдней комнатѣ плакали навзрыдъ, искренно, какъ плачутъ оскорбленные. И онъ понялъ, что въ самомъ дѣлѣ, тутъ живутъ люди, настоящіе люди, которые, какъ вездѣ, оскорбляются, страдаютъ, плачутъ, просятъ помощи... Тя-

желая ненависть и гадливое чувство уступили свое мѣсто острому чувству жалости и злобы на обидчика. Онъ бросился въ ту комнату, гдѣ плакали; сквозь ряды бутылокъ, стоявшихъ на мраморной доскѣ стола, онъ разглядѣлъ страдальческое, мокрое отъ слезъ лицо, протянулъ къ этому лицу руки, сдѣлалъ шагъ къ столу, но тотчасъ же въ ужасѣ отскочилъ назадъ. Плачущая была пьяна.

Пробираясь сквозь шумную толпу, собравшуюся вокругъ блондина, онъ палъ духомъ, струсилъ, какъ мальчикъ, и ему казалось, что въ этомъ чужомъ, непонятномъ для него мѣрѣ хотятъ гнаться за нимъ, бить его, осыпать грязными словами... Онъ сорвалъ съ вѣшалки свое пальто и бросился опростетью внизъ по лѣстницѣ.

V.

Прижавшись къ забору, онъ стоялъ около дома и ждалъ, когда выйдутъ его товарищи. Звуки роялей и скрипокъ, веселые, удалые, наглые и грустные, путались въ воздухѣ въ какой-то хаосъ, и эта путаница попрежнему походила на то, какъ будто въ потемкахъ надъ крышами настраивался невидимый оркестръ. Если взглянуть вверхъ на эти потемки, то весь черный фонъ былъ усыпанъ бѣлыми движущимися точками: это шель снѣгъ. Хлопья его, попавъ въ свѣтъ, лѣниво кружились въ воздухѣ, какъ пухъ, и еще лѣнивѣе падали на землю. Снѣжинки кружились толпой около Васильева и висли на его бородѣ, рѣсницахъ, бровяхъ... Извозчики, лошади и прохожіе были бѣлы.

«И какъ можетъ снѣгъ падать въ этотъ переулочек!— думалъ Васильевъ.—Будь прокляты эти дома!

Оттого, что онъ сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, ноги подгибались отъ усталости; онъ задыхался, точно взбирался на гору, сердце стучало такъ, что было слышно. Его томилъ желаніе скорѣе выбраться изъ переулка и идти домой, но еще сильнѣе хотѣлось дожидаться товарищей и сорвать на нихъ свое тяжелое чувство.

Онъ многого не понималъ въ домахъ, души погибающихъ женщинъ остались для него попрежнему тайной, но для него ясно было, что дѣло гораздо хуже, чѣмъ можно было думать. Если та виноватая женщина, которая отравилась, называлась падшею, то для всѣхъ этихъ, которыя плясали теперь подъ звуковую путаницу и говорили длинные отвра-

тительныя фразы, трудно было подобрать подходящее названіе. Это были не погибающія, а уже погибшія.

«Порокъ есть, — думалъ онъ: — но нѣтъ ни сознанія вины, ни надежды на спасеніе. Ихъ продають, покупають, топятъ въ винѣ и въ мерзостяхъ, а онѣ, какъ овцы, тупы, равнодушны и не понимаютъ. Боже мой, Боже мой!»

Для него также ясно было, что все то, что называется человѣческимъ достоинствомъ, личностью, образомъ и подобіемъ Божиимъ, осквернено тутъ до основанія, «въ-дрызгъ», какъ говорятъ пьяницы, и что виноваты въ этомъ не одинъ только переулочекъ да тупыя женщины.

Толпа студентовъ, бѣлыхъ отъ снѣга, весело разговаривая и со смѣхомъ, прошла мимо него. Одинъ изъ нихъ, высокій и тонкій, остановился, заглянулъ Васильеву въ лицо и сказалъ пьянымъ голосомъ:

— Нашъ! Налимонился, братъ? Ага-га, братъ! Ничего, гуляй! Валяй! Не унывай, дядя!

Онъ взялъ Васильева за плечи и прижался къ его щекамъ мокрыми холодными усами, потомъ поскользнулся, покачнулся и, взмахнувъ обѣими руками, крикнулъ:

— Держись! Не падай!

И засмѣявшись, побѣжалъ догонять своихъ товарищей.

Сквозь шумъ послышался голосъ художника:

— Вы не смѣете бить женщинъ! Я вамъ не позволю, чортъ васъ подери! Негодяи вы этакіе!

Въ дверяхъ дома показался медикъ. Онъ поглядѣлъ по сторонамъ и, увидѣвъ Васильева, сказалъ встревоженно:

— Ты здѣсь? Послушай, ей-Богу, съ Егоромъ положительно невозможно куда ходить! Что это за человѣкъ, не понимаю! Скандаль затѣялъ! Слышишь? Егоръ!—крикнулъ онъ въ дверь:—Егоръ!

— Я вамъ не позволю бить женщинъ!—раздался наверху пронзительный голосъ художника.

Что-то тяжелое и громоздкое покатилося внизъ по лѣстницѣ. Это художникъ летѣлъ кубаремъ внизъ. Его, очевидно, вытолкали.

Онъ поднялся съ земли, отряхнулъ шляпу и со злымъ, негодующимъ лицомъ погрозилъ вверхъ кулакомъ и крикнулъ:

— Подлецы! Живодеры! Кровопійцы! Я не позволю вамъ бить! Бить слабую, пьяную женщину! Ахъ, вы...

— Егоръ... Ну, Егоръ...—началъ умолять медикъ.—Даю

тебѣ честное слово, ужь больше никогда не пойду съ тобой въ другой разъ. Честное слово!

Художникъ мало-по-малу успокоился, и пріятели пошли домой.

— Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ,—запѣлъ медикъ:—меня влечетъ невѣдомая сила...

— Вотъ мельница...—подтянулъ, немного погодя художникъ.—Она ужь развалилась... Экій снѣгъ валить, Мать Пресвятая! Гришка, отчего ты ушелъ? Трусь ты, баба и больше ничего.

Васильевъ шелъ позади пріятелей, глядѣлъ имъ въ спины и думалъ:

«Что-нибудь изъ двухъ: или намъ только кажется, что проституція — зло, и мы преувеличиваемъ, или же, если проституція въ самомъ дѣлѣ такое зло, какъ принято думать, то эти мои милые пріятели такіе же рабовладѣльцы, насильники и убійцы, какъ тѣ жители Сиріи и Каира, которыхъ рисуютъ въ «Нивѣ». Они теперь поютъ, хохочутъ, здраво разсуждаютъ, но развѣ не они сейчасъ эксплуатировали голодь, невѣжество и тушость? Они—я былъ свидѣтелемъ. При чемъ же тутъ ихъ гуманность, медицина, живопись? Науки, искусства и возвышенныя чувства этихъ душегубовъ напоминаютъ мнѣ сало въ одномъ анекдотѣ. Два разбойника зарѣзали въ лѣсу нищаго; стали дѣлить между собою его одежду и нашли въ сумкѣ кусокъ свиного сала. «Очень кстати,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—давай закусьмъ». — «Что ты, какъ можно? — ужаснулся другой. — Развѣ ты забылъ, что сегодня среда?» И не стали ѣсть. Они, зарѣзавши человѣка, вышли изъ лѣсу съ увѣренностью, что они постники. Такъ и эти, купивши женщину, идутъ и думаютъ теперь, что они художники и ученые»...

— Послушайте, вы!—сказалъ онъ сердито и рѣзко.—Зачѣмъ вы сюда ходите? Неужели, неужели вы не понимаете, какъ это ужасно? Ваша медицина говоритъ, что каждая изъ этихъ женщинъ умираетъ преждевременно отъ чахотки, или чего-нибудь другого; искусства говорятъ, что морально она умираетъ еще раньше. Каждая изъ нихъ умираетъ оттого, что на своемъ вѣку принимаетъ среднимъ числомъ, допустимъ, пятьсотъ человѣкъ. Каждую убиваетъ пятьсотъ человѣкъ. Въ числѣ этихъ пятисотъ—вы! Теперь, если вы оба за всю

жизнь побываете здѣсь и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ по двѣсти пятьдесятъ разъ, то значитъ на обоихъ васъ придется одна убитая женщина! Развѣ это не понятно? Развѣ не ужасно? Убить вдвоемъ, втроемъ, впятеромъ одну глупую, голодную женщину! Ахъ, да развѣ это не ужасно, Боже мой?

— Такъ и зналъ, что этимъ кончится,—сказалъ художникъ, морщась.— Не слѣдовало бы связываться съ этимъ дуракомъ и болваномъ! Ты думаешь, что теперь у тебя въ головѣ великія мысли, идеи? Нѣтъ, чортъ знаетъ что, а не идеи! Ты сейчасъ смотришь на меня съ ненавистью и съ отвращеніемъ, а по-моему лучше бы ты построилъ еще двадцать такихъ домовъ, чѣмъ глядѣть такъ. Въ этомъ твоёмъ взглядѣ больше порока, чѣмъ во всемъ переулкѣ! Пойдемъ, Володя, чортъ съ нимъ! Дуракъ, болванъ и больше ничего...

— Мы, люди, убиваемъ взаимно другъ друга,—сказалъ медикъ.— Это, конечно, безнравственно,—но философіей тутъ не поможешь. Прощай!

На Трубной площади пріятели простились и разошлись. Оставшись одинъ, Васильевъ быстро зашагалъ по бульвару. Ему было страшно потемокъ, страшно снѣга, который хлопьями валилъ на землю и, казалось, хотѣлъ засыпать весь міръ; страшно было фонарныхъ огней, блѣдно мерцавшихъ сквозь снѣговья облака. Душою его овладѣлъ безотчетный, малодушный страхъ. Попадались изрѣдка навстрѣчу прохожіе, но онъ пугливо сторонился отъ нихъ. Ему казалось, что отовсюду идутъ и отовсюду глядятъ на него женщины, только женщины...

«Начинается у меня,—думалъ онъ.—Припадокъ начинается...»

VI.

Дома лежалъ онъ на кровати и говорилъ, содрогаясь всѣмъ тѣломъ:

— Живыя! Живыя! Боже мой, онѣ живыя!

Онъ всячески изощрялъ свою фантазію воображалъ себя самого то братомъ падшей женщины, то отцомъ ея, то самою падшею женщиною съ намазанными щеками, и все это приводило его въ ужась.

Ему почему-то казалось, что онъ долженъ рѣшить во-

прось немедленно, во что бы то ни стало, и что вопрос этот не чужой, а его собственный. Онъ напрягъ силы, поборолъ въ себѣ отчаяніе и, сѣвши на кровать, обнявъ руками голову, сталъ рѣшать: какъ спасти всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ сегодня видѣлъ? Порядокъ рѣшенія всякихъ вопросовъ ему, какъ человѣку ученому, былъ хорошо извѣстенъ. И онъ, какъ ни былъ возбужденъ, строго держался этого порядка. Онъ припомнилъ исторію вопроса, его литературу, а въ четвертомъ часу шагаль изъ угла въ уголъ и старался вспомнить всѣ тѣ опыты, какіе въ настоящее время практикуются для спасенія женщинъ. У него было очень много хорошихъ пріятелей и друзей, жившихъ въ номерахъ Фальцфейнъ, Галяшкіна, Нечаева, Ечкина... Между ними не мало людей честныхъ и самоотверженныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ пытались спасти женщинъ...

«Всѣ эти немногочисленныя попытки, — думалъ Васильевъ: — можно раздѣлить на три группы. Одни, выкупивъ изъ притона женщину, нанимали для нея номеръ, покупали ей швейную машину, и она дѣлалась швеей. И выкупившій, вольно или невольно, дѣлалъ ее своей содержанкой, потомъ, кончивъ курсъ, уѣзжалъ и сдавалъ ее на руки другому порядочному человѣку, какъ какую-нибудь вещь. И падшая оставалась падшею. Другіе, выкупивъ, тоже нанимали для нея отдѣльный номеръ, покупали неизбѣжную швейную машинку, пускали въ ходъ грамоту, проповѣди, чтеніе книжекъ. Женщина жила и шила, пока это для нея было интересно и ново, потомъ же, соскучившись, начинала тайкомъ отъ проповѣдниковъ принимать мужчинъ, или же уѣзжала назадъ туда, гдѣ можно спать до трехъ часовъ, пить кофе и сытно обѣдать. Третьи, самыя горячіе и самоотверженные, дѣлали смѣлый, рѣшительный шагъ. Они женились. И когда наглое, избалованное, или тупое, забытое животное становилось женою, хозяйкой и потомъ матерью, то это переворачивало вверхъ дномъ ея жизнь и міровоззрѣніе, такъ что потомъ въ женѣ и въ матери трудно было узнать бывшую падшую женщину. Да, женитьба лучшее, и пожалуй, единственное средство».

— Но невозможное! — сказалъ вслухъ Васильевъ и повалился въ постель. — Я первый не могъ бы жениться! Для этого надо быть святымъ, не умѣть ненавидѣть и не знать

отвращенія. Но допустимъ, что я, медикъ и художникъ пересилили себя и женились, что всѣ онѣ выйдутъ замужъ. Но какой же выводъ? Выводъ какой? А тотъ выводъ, что пока здѣсь, въ Москвѣ, онѣ будутъ выходить замужъ, смоленскій бухгалтеръ развратитъ новую партію, и эта партія хлынетъ сюда на вакантныя мѣста съ саратовскими, нижегородскими, варшавскими... А куда дѣвать сто тысячъ лондонскихъ? Куда дѣвать гамбургскихъ?

Лампа, въ которой выгорѣлъ керосинъ, стала падать. Васильевъ не замѣтилъ этого. Онъ опять зашагалъ, продолжая думать. Теперь ужъ онъ поставилъ вопросъ иначе: что нужно сдѣлать, чтобы падшія женщины перестали быть нужны? Для этого необходимо, чтобы мужчины, которые ихъ покупаютъ и убиваютъ, почувствовали всю безправственность своей рабовладѣльческой роли и ужаснулись. Надо спасать мужчинъ.

«Наукой и искусствами, очевидно, ничего не подѣлаешь...—думалъ Васильевъ.—Тутъ единственный выходъ—это апостольство».

И онъ сталъ мечтать о томъ, какъ завтра же вечеромъ онъ будетъ стоять на углу переулка и говорить каждому прохожему:

— Куда и зачѣмъ вы идете? Побойтесь вы Бога!

Онъ обратится къ равнодушнымъ извозчикамъ и имъ скажетъ:

— Зачѣмъ вы тутъ стоите? Отчего же вы не возмущаетесь, не негодуете? Вѣдь вы вѣруете въ Бога и знаете, что это грѣшно, что за это люди пойдутъ въ адъ, отчего же вы молчите? Правда, онѣ вамъ чужія, но вѣдь и у нихъ есть отцы, братья, точно такіе же, какъ вы...

Кто-то изъ пріятелей сказалъ однажды про Васильева, что онъ талантливый человѣкъ. Есть таланты писательскіе, сценическіе, художническіе, у него же особый талантъ—*человѣческій*. Онъ обладаетъ тонкимъ, великодушнымъ чутьемъ къ боли вообще. Какъ хорошій актеръ отражаетъ въ себѣ чужія движенія и голосъ, такъ Васильевъ умѣетъ отражать въ своей душѣ чужую боль. Увидѣвъ слезы, онъ плачетъ; около больного онъ самъ становится больнымъ и стонетъ; если видитъ насиліе, то ему кажется, что насиліе совершается надъ нимъ, онъ труситъ какъ мальчикъ и,

струсивъ, бѣжитъ на помощь. Чужая боль раздражаетъ его, возбуждаетъ, приводитъ въ состояніе экстаза и т. п.

Правъ ли пріятель — не знаю, но то, что переживалъ Васильевъ, когда ему казалось, что вопросъ рѣшенъ, было очень похоже на вдохновеніе. Онъ плакалъ, смѣялся, говорилъ вслухъ тѣ слова, какія онъ скажетъ завтра, чувствовалъ горячую любовь къ тѣмъ людямъ, которые послушаются его и станутъ рядомъ съ нимъ на углу переулка, чтобы проповѣдывать; онъ садился писать письма, давалъ себѣ клятвы...

Все это было похоже на вдохновеніе ужъ и потому, что продолжалось недолго. Васильевъ скоро усталъ. Лондонскія, гамбургскія, варшавскія своею массою давили его, какъ горы давятъ землю; онъ робѣлъ передъ этой массой, терялся; вспоминалъ онъ, что у него нѣтъ дара слова, что онъ трусливъ и малодушенъ, что равнодушные люди едва ли захотятъ слушать и понимать его, студента-юриста третьяго курса, человѣка робкаго и ничтожнаго, что истинное апостольство заключается не въ одной только проповѣди, но и въ дѣлахъ...

Когда было свѣтло и на улицѣ уже стучали экипажи, Васильевъ лежалъ неподвижно на диванѣ и смотрѣлъ въ одну точку. Онъ уже не думалъ ни о женщинахъ, ни о мужчинахъ, ни объ апостольствѣ. Все вниманіе его было обращено на душевную боль, которая мучила его. Это была боль тупая, безпредметная, неопредѣленная, похожая и на тоску, и на страхъ въ высочайшей степени, и на отчаяніе. Указать, гдѣ она, онъ могъ: въ груди, подъ сердцемъ; но сравнить ее нельзя было ни съ чѣмъ. Раньше у него бывала сильная зубная боль, бывали плевритъ и невралгіи, но все это въ сравненіи съ душевной болью было ничтожно. При этой боли жизнь представлялась отвратительной. Диссертация, отличное сочиненіе, уже написанное имъ, любимые люди, спасеніе погибающихъ женщинъ — все то, что вчера еще онъ любилъ, или къ чему былъ равнодушенъ, теперь при воспоминаніи раздражало его наравнѣ съ шумомъ экипажей, бѣготней коридорныхъ, дневнымъ свѣтомъ... Если бы теперь кто-нибудь на его глазахъ совершилъ подвигъ милосердія или возмутительное насиліе, то на него то и другое произвело бы одинаково отвратительное впечатлѣніе. Изъ всѣхъ мыслей, лѣниво бродившихъ въ его

головѣ, только двѣ не раздражали его: одна—что онъ каждую минуту имѣеть власть убить себя, другая—что боль не будетъ продолжаться дольше трехъ дней. Второе онъ зналъ по опыту.

Полежавъ, онъ всталъ и, ломая руки, прошелся не изъ угла въ уголъ, какъ обыкновенно, а по квадрату, вдоль стѣнъ. Мелькомъ онъ поглядѣлъ на себя въ зеркало. Лицо его было блѣдно и осунулось, виски впали, глаза были больше, темнѣе, неподвижнѣе, точно чужіе, и выражали невыносимое душевное страданіе.

Въ полдень въ дверь постучался художникъ.

— Григорій, ты дома?—спросилъ онъ.

Не получивъ отвѣта, онъ постоялъ минуту, подумалъ и отвѣтилъ себѣ по-хохлацки:

— Нема. Въ нивырситетъ пійшовъ, треклятый хлопецъ.

И ушелъ. Васильевъ легъ на кровать и, спрятавъ голову подъ подушку, сталъ плакать отъ боли, и чѣмъ обильнѣй лились слезы, тѣмъ ужаснѣе становилась душевная боль. Когда потемнѣло, онъ вспомнилъ о той мучительной ночи, которая ожидаетъ его, и страшное отчаяніе овладѣло имъ. Онъ быстро одѣлся, выбѣжалъ изъ номера и, оставивъ свою дверь настежь, безъ всякой надобности и цѣли вышелъ на улицу. Не спрашивая себя, куда идти, онъ быстро пошелъ по Садовой улицѣ.

Снѣгъ валилъ, какъ вчера; была оттепель. Засунувъ руки въ рукава, дрожа и пугаясь стуконъ, звонковъ конки и прохожихъ, Васильевъ прошелъ по Садовой до Сухаревой башни, потомъ до Красныхъ воротъ, отсюда свернулъ на Басманную. Онъ зашелъ въ кабакъ и выпилъ большой стаканъ водки, но отъ этого не стало легче. Дойдя до Разгуляя, онъ повернулъ вправо и зашагалъ по переулкамъ, въ какихъ не былъ раньше ни разу въ жизни. Онъ дошелъ до того стараго моста, гдѣ шумитъ Яуза и откуда видны длинные ряды огней въ окнахъ Красныхъ казармъ. Чтобы отвлечь свою душевную боль какимъ-нибудь новымъ ощущеніемъ или другою болью, не зная, что дѣлать, плача и дрожа, Васильевъ разстегнулъ пальто и сюртукъ и подставлялъ свою голую грудь сырому снѣгу и вѣтру. Но и это не уменьшило боли. Тогда онъ нагнулся черезъ перила моста и поглядѣлъ внизъ, на черную, бурливую Яузу, и ему захотѣлось броситься внизъ головой, не изъ отвраще-

нія къ жизни, не ради самоубійства, а чтобы хотя ушибиться и одною болью отвлечь другую. Но черная вода, потѣмки, пустынные берега, покрытые снѣгомъ, были страшны. Онъ содрогнулся и пошелъ дальше. Прошелся онъ вдоль Красныхъ казармъ, потомъ назадъ и спустился въ какую-то рошу, изъ роши опять на мостъ...

«Нѣтъ, домой, домой!—думалъ онъ.—Дома, кажется, легче»...

И онъ пошелъ назадъ. Вернувшись домой, онъ сорвалъ съ себя мокрое пальто и шапку, зашагалъ вдоль стѣнъ и неутомимо шагаль до самаго утра.

VII.

Когда на другой день утромъ пришли къ нему художникъ и медикъ, онъ въ разодранной рубахѣ и съ искусанными руками метался по комнатѣ и стоналъ отъ боли.

— Ради Бога!—зарыдалъ онъ, увидѣвъ пріятелей.—Ведите меня, куда хотите, дѣлайте что знаете, но, Бога ради, скорѣе спасайте меня! Я убью себя!

Художникъ поблѣднѣлъ и растерялся. Медикъ тоже едва не заплакалъ, но, полагая, что медики во всѣхъ случаяхъ жизни обязаны быть хладнокровны и серьезны, сказалъ холодно:

— Это у тебя припадокъ. Но это ничего. Пойдемъ сейчасъ къ доктору.

— Куда хотите, только ради Бога, скорѣй!

— Ты не волнуйся. Нужно бороться съ собой.

Художникъ и медикъ дрожащими руками одѣли Васильева и вывели его на улицу.

— Михаилъ Сергѣичъ давно уже хочетъ съ тобой познакомиться,—говорилъ дорогою медикъ.—Онъ очень милый человѣкъ и отлично знаетъ свое дѣло. Кончилъ онъ въ 82 году, а практика уже громадная. Со студентами держитъ себя по-товарищески.

— Скорѣе, скорѣе...—торопилъ Васильевъ.

Михаилъ Сергѣичъ, полный, бѣлокурый докторъ, встрѣтилъ пріятелей учтиво, солидно, холодно и улыбнулся одной только щекой.

— Миѣ художникъ и Майеръ говорили уже о вашей болѣзни,—сказалъ онъ.—Очень радъ служить. Ну-съ? Садитесь, покорнѣйше прошу...

Онъ усадилъ Васильева въ большое кресло около стола и придвинулъ къ нему ящикъ съ папиросами.

— Ну-съ?—началъ онъ, поглаживая колѣни.—Приступимъ къ дѣлу... Сколько вамъ лѣтъ?

Онъ задавалъ вопросы, а медикъ отвѣчалъ. Онъ спросилъ, не былъ ли отецъ Васильева боленъ какими-нибудь особенными болѣзнями, не пилъ ли запоемъ, не отличался ли жестокостью или какими-либо странностями. То же самое спросилъ о его дѣдѣ, матери, сестрахъ и братьяхъ. Узнавъ, что его мать имѣла отличный голосъ и играла иногда въ театрѣ, онъ вдругъ оживился и спросилъ:

— Виноватъ-съ, а не припомните ли, не былъ ли театръ у вашей матушки страстью?

Прошло минутъ двадцать. Васильеву наскучило, что докторъ поглаживаетъ колѣни и говоритъ все объ одномъ и томъ же.

— Насколько я понимаю ваши вопросы, докторъ,—сказалъ онъ:—вы хотите знать, наследственна моя болѣзнь, или нѣтъ. Она не наследственна.

Далѣе докторъ спросилъ, не было ли у Васильева въ молодости какихъ-либо тайныхъ пороковъ, ушибовъ головы, увлеченій, странностей, исключительныхъ пристрастій. На половину вопросовъ, какіе обыкновенно задаются старательными докторами, можно не отвѣчать безъ всякаго ущерба для здоровья; но у Михаила Сергѣича, у медика и художника были такія лица, какъ будто, если бы Васильевъ не отвѣтилъ хотя бы на одинъ вопросъ, то все бы погибло. Получая отвѣты, докторъ для чего-то записывалъ ихъ на бумажкѣ. Узнавъ, что Васильевъ кончилъ уже на естественномъ факультетѣ и теперь на юридическомъ, докторъ задумался...

— Въ прошломъ году онъ написалъ отличное сочиненіе...—сказалъ медикъ.

— Виноватъ, не перебивайте меня, вы мѣшаете мнѣ сосредоточиться,—сказалъ докторъ и улыбнулся одной щекой.—Да, конечно, и это играетъ роль въ анамнезѣ. Форсированная умственная работа, переутомленіе... Да, да... А водку вы пьете?—обратился онъ къ Васильеву.

— Очень рѣдко.

Прошло еще двадцать минутъ. Медикъ сталъ вполголоса высказывать свое мнѣніе о ближайшихъ причинахъ при-

падка и рассказалъ, какъ третьяго дня онъ, художникъ и Васильевъ ходили въ С—въ переулокъ.

Равнодушный, сдержанный, холодный тонъ, какимъ его пріятели и докторъ говорили о женщинахъ и о несчастномъ переулкѣ, показался ему въ высшей степени страннымъ...

— Докторъ, скажите мнѣ только одно,—сдерживая себя, чтобы не быть грубымъ, сказалъ онъ: — проституція зло, или нѣтъ?

— Голубчикъ, кто жъ спорить?—сказалъ докторъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто давно уже рѣшилъ для себя всѣ эти вопросы.—Кто спорить?

— Вы психіатръ?—спросилъ грубо Васильевъ.

— Да-съ, психіатръ.

— Можетъ-быть, всѣ вы и правы!—сказалъ Васильевъ, поднимаясь и начиная ходить изъ угла въ уголъ. — Можетъ-быть! Но мнѣ все это кажется удивительнымъ! Что я былъ на двухъ факультетахъ — въ этомъ видятъ подвигъ; за то, что я написалъ сочиненіе, которое черезъ три года будетъ брошено и забудется, меня превозносятъ до небесъ, а за то, что о падшихъ женщинахъ я не могу говорить такъ же хладнокровно, какъ объ этихъ стульяхъ, меня лѣчатъ, называютъ сумасшедшимъ, сожалеютъ!

Васильеву почему-то вдругъ стало невыносимо жаль и себя, и товарищей, и всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ видѣлъ третьяго дня, и этого доктора, онъ заплакалъ и упалъ въ кресло.

Пріятели вопросительно глядѣли на доктора. Тотъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто отлично понималъ и слезы, и отчаяніе, какъ будто чувствовалъ себя специалистомъ по этой части, подошелъ къ Васильеву и молча далъ ему вынуть какихъ-то калель, а потомъ, когда онъ успокоился, раздѣлъ его и сталъ изслѣдовать чувствительность его кожи, кожные рефлексы и проч.

И Васильеву полегчало. Когда онъ выходилъ отъ доктора, ему уже было совѣстно, шумъ экипажей не казался раздражительнымъ и тяжесть подъ сердцемъ становилась все легче и легче, точно таяла. Въ рукахъ у него было два рецепта: на одномъ былъ бромистый калий, на другомъ морфій... Все это принималъ онъ и раньше!

На улицѣ онъ постоялъ немного, подумалъ и, простившись съ пріятелями, лѣниво пошелъ къ университету.

ШАМПАНСКОЕ.

(РАЗСКАЗЪ ПРОХОДИМЦА.)

Въ тотъ годъ, съ котораго начинается мой разсказъ, я служилъ начальникомъ полустанка на одной изъ нашихъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Весело мнѣ жилось на полустанкѣ или скучно, вы можете видѣть изъ того, что на 20 верстѣ вокругъ не было ни одного человѣческаго жилья, ни одной женщины, ни одного порядочнаго кабака, а я въ тѣ поры былъ молодъ, крѣпокъ, горячъ, взбалмошенъ и глупъ. Единственнымъ развлеченіемъ могли быть только окна пассажирскихъ поѣздовъ да поганая водка, въ которую жида подмѣшивали дурманъ. Бывало, мелькнетъ въ окнѣ вагона женская головка, а ты стоишь, какъ статуя, не дышишь и глядишь до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не обратится въ едва видимую точку; или же выпьешь, сколько влѣзеть, противной водки, очертенѣешь и не чувствуешь, какъ бѣгутъ длинные часы и дни. На меня, уроженца сѣвера, степь дѣйствовала, какъ видъ заброшеннаго татарскаго кладбища. Лѣтомъ она со своимъ торжественнымъ покоемъ—этотъ монотонный трескъ кузнечиковъ, прозрачный лунный свѣтъ, отъ котораго никуда не сирячешься,—наводила на меня унылую грусть, а зимою безукоризненная бѣлизна степи, ея холодная даль, длинные ночи и волчій вой давили меня тяжелымъ кошмаромъ.

На полустанкѣ жило нѣсколько человѣкъ: я съ женой, глухой и золотушный телеграфистъ да три сторожа. Мой помощникъ, молодой, чахоточный человѣкъ, ѣздилъ лѣчиться въ городъ, гдѣ жилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, пред-

оставляя мнѣ свои обязанности вмѣстѣ съ правомъ пользоваться его жалованьемъ. Дѣтей у меня не было, гостей, бывало, ко мнѣ никакимъ калачомъ не заманишь, а самъ я могъ ѣздить въ гости только къ сослуживцамъ по линіи, да и то не чаще одного раза въ мѣсяцъ. Вообще, прескучнѣйшая жизнь.

Помню, встрѣчалъ я съ женою Новый годъ. Мы сидѣли за столомъ, лѣниво жевали и слушали, какъ въ сосѣдней комнатѣ монотонно постукивалъ на своемъ аппаратѣ глухой телеграфистъ. Я уже выпилъ рюмокъ пять водки съ дурманомъ и, подперевъ свою тяжелую голову кулакомъ, думалъ о своей непобѣдимой, невылазной скукѣ, а жена сидѣла рядомъ и не отрывала отъ моего лица глазъ. Глядѣла она на меня такъ, какъ можетъ глядѣть только женщина, у которой на этомъ свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ красиваго мужа. Любила она меня безумно, рабски и не только мою красоту, или душу, но мои грѣхи, мою злобу и скуку, и даже мою жестокость, когда я въ пьяномъ изступленіи, не зная на комъ излить свою злобу, терзалъ ее попреками.

Несмотря на скуку, которая ѣла меня, мы готовились встрѣтить Новый годъ съ необычайной торжественностью и ждали полночи съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Дѣло въ томъ, что у насъ были припасены двѣ бутылки шампанскаго, самаго настоящаго, съ ярлыкомъ вдовы Клико; это сокровище я выигралъ на пари еще осенью у начальника дистанціи, гуляя у него на крестинахъ. Бываетъ, что во время урока математики, когда даже воздухъ стынетъ отъ скуки, въ классъ со двора влетаетъ бабочка; мальчуганы встряхиваютъ головами и начинаютъ съ любопытствомъ слѣдить за полетомъ, точно видятъ передъ собой не бабочку, а что-то новое, странное; такъ точно и обыкновенное шампанское, попавъ случайно въ нашу скучный полустанокъ, забавляло насъ. Мы молчали и поглядывали то на часы, то на бутылки.

Когда стрѣлка показывала безъ пяти двѣнадцать, я сталъ медленно раскупоривать бутылку. Не знаю, ослабѣлъ ли я отъ водки, или же бутылка была слишкомъ влажна, но только помню, когда пробка съ трескомъ полетѣла къ потолку, моя бутылка выскользнула у меня изъ рукъ и упала на полъ. Пролилось вина не болѣе стакана, такъ какъ я

уси́лъ подхватить бутылку и заткнуть ей шипящее горло пальцемъ.

— Ну, съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! — сказала я, наливая два стакана. — Пей.

Жена взяла свой стаканъ и уставилась на меня испуганными глазами. Лицо ея поблѣднѣло и выражало ужасъ.

— Ты уронилъ бутылку? — спросила она.

— Да, уронилъ. Ну, такъ что же изъ этого?

— Нехорошо, — сказала она, ставя свой стаканъ и еще больше блѣднѣя. — Нехорошая примѣта. Это значитъ, что въ этомъ году съ нами случится что-нибудь недоброе.

— Какая ты баба! — вздохнулъ я. — Умная женщина, а бредишь, какъ старая нянька. Пей.

— Дай Богъ, чтобъ я бредила, но... непременно случится что-нибудь! Вотъ увидишь!

Она даже не пригубила своего стакана, отошла въ сторону и задумалась. Я сказалъ нѣсколько старыхъ фразъ насчетъ предразсудковъ, выпилъ полбутылки, пошагалъ изъ угла въ уголъ и вышелъ.

На дворѣ во всей своей холодной, нелюдимой красѣ стояла тихая морозная ночь. Луна и около нея два бѣлыхъ пушистыхъ облачка неподвижно, какъ приклеенныя, висѣли въ вышинѣ надъ самымъ полустанкомъ и какъ будто чего-то ждали. Отъ нихъ шелъ легкій прозрачный свѣтъ и нѣжно, точно боясь оскорбить стыдливость, касался бѣлой земли, освѣщая все: сугробы, насыпи... Было тихо.

Я шелъ вдоль насыпи.

«Глупая женщина! — думалъ я, глядя на небо, усыпанное яркими звѣздами. — Если даже допустить, что примѣты иногда говорятъ правду, то что же недоброе можетъ случиться съ нами? Тѣ несчастья, которыя уже испытаны и которыя есть теперь налицо, такъ велики, что трудно придумать что-нибудь еще хуже. Какое еще зло можно причинить рыбѣ, которая уже поймана, изжарена и подана на столъ подъ соусомъ?»

Тополь, высокій, покрытый инеемъ, показался въ синеватой мглѣ, какъ великанъ, одѣтый въ саванъ. Онъ глядѣлъ на меня сурово и уныло, точно, подобно мнѣ, понималъ свое одиночество. Я долго глядѣлъ на него.

«Молодость моя погибла ни за грошъ, какъ ненужный окурокъ, — продолжалъ я думать. — Родители мои умерли,

когда я былъ еще ребенкомъ, изъ гимназій меня выгнали. Родился я въ дворянской семьѣ, но не получилъ ни воспитанія, ни образованія, и знаній у меня не больше, чѣмъ у любого смазчика. Нѣтъ у меня ни пріюта, ни близкихъ, ни друзей, ни любимаго дѣла. Ни на что я неспособенъ и въ расцвѣтѣ силъ сгодился только на то, чтобы мною заткнули мѣсто начальника полустанка. Кромѣ неудачъ и бѣдъ, ничего другого не зналъ я въ жизни. Что же еще недоброе можетъ случиться?»

Вдали показались красные огни. Мнѣ навстрѣчу шелъ поѣздъ. Уснувшая степь слушала его шумъ. Мои мысли были такъ горьки, что мнѣ казалось, что я мыслить не могу, что стонъ телеграфа и шумъ поѣзда передаютъ мои мысли.

«Что же еще недоброе можетъ случиться? Потеря жены? — спрашивалъ я себя. — И это не страшно. Отъ своей совѣсти нельзя прятаться: не люблю я жены! Жениться я на ней, когда еще былъ мальчишкой. Теперь я молодъ, крѣпокъ, а она осунулась, состарилась, поглупѣла, отъ головы до пяты набита предрасудками. Что хорошаго въ ея приторной любви, впалой груди, въ вяломъ взглядѣ? Я терплю ее, но не люблю. Что же можетъ случиться? Молодость моя пропадаетъ, какъ говорится, ни за понюшку табаку. Женщины мелькаютъ передо мной только въ окнахъ вагоновъ, какъ падающія звѣзды. Любви не было и нѣтъ. Гибнетъ мое мужество, моя смѣлость, сердечность... Все гибнетъ, какъ соръ, и мои богатства здѣсь, въ степи, не стоятъ гроша мѣднаго.»

Поѣздъ съ шумомъ пролетѣлъ мимо меня и равнодушно освѣтилъ мнѣ своими красными окнами. Я видѣлъ, какъ онъ остановился у зеленыхъ огней полустанка, постоялъ минуту и покатилъ далѣе. Пройдя версты двѣ, я вернулся назадъ. Печальныя мысли не оставили меня. Какъ ни горько было мнѣ, но, помнится, я какъ будто старался, чтобы мои мысли были печальнѣе и мрачнѣе. Знаете, у недалекихъ и самолюбивыхъ людей бывають моменты, когда сознаніе, что они несчастны, доставляетъ имъ нѣкоторое удовольствіе, и они даже кокетничаютъ передъ самими собой своими страданіями. Много въ моихъ мысляхъ было правды, но много и нелѣпаго, хвастливаго и что-то мальчишески вызывающее было въ моемъ вопросѣ: «Что же можетъ случиться недоброе?»

— Да, что же случится? — спрашивалъ я себя, возвращаясь.— Кажется, все пережито. И болѣлъ я, и деньги терялъ, и выговоры каждый день отъ начальства получаю, и голодаю, и волкъ бѣшеный забѣгалъ во дворъ полустанка. Что еще? Меня оскорбляли, унижали... и я оскорблялъ на своемъ вѣку. Вотъ развѣ только преступникомъ никогда не былъ, но на преступленіе я, кажется, неспособенъ, суда же не боюсь.

Два облачка уже отошли отъ луны и стояли поодаль съ такимъ видомъ, какъ будто шептались о чемъ-то такомъ, чего не должна знать луна. Легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по степи, неся глухой шумъ ушедшаго поѣзда.

У порога дома встрѣтила меня жена. Глаза ея весело смѣялись и все лицо дышало удовольствіемъ.

— А у насъ новость! — зашептала она. — Ступай скорѣе въ свою комнату и надѣнь новый сюртукъ: у насъ гостья!

— Какая гостья?

— Сейчасъ съ поѣздомъ пріѣхала тетя Наталья Петровна.

— Какая Наталья Петровна?

— Жена моего дяди Семена Ѳедорыча. Ты ея не знаешь. Она очень добрая и хорошая...

Вѣроятно, я нахмурился, потому что жена сдѣлала серьезное лицо и зашептала быстро:

— Конечно, странно, что она пріѣхала, но ты, Николай, не сердись и взгляни снисходительно. Она вѣдь несчастная. Дядя Семень Ѳедорычъ въ самомъ дѣлѣ деспотъ и злой, съ нимъ трудно ужиться. Она говоритъ, что только три дня у насъ проживетъ, пока не получитъ письма отъ своего брата.

Жена долго еще шептала мнѣ какую-то чепуху про деспота-дядюшку, про слабость человѣческую вообще и молодыхъ женъ въ частности, про обязанность нашу давать пріютъ всѣмъ, даже большимъ грѣшникамъ, и проч. Не понимая ровно ничего, я надѣлъ новый сюртукъ и пошелъ знакомиться съ «тетей».

За столомъ сидѣла маленькая женщина съ большими, черными глазами. Мой столъ, сѣрые стѣны, топорный диванъ... кажется, все до малѣйшей пылинки помолодѣло и повеселѣло въ присутствіи этого существа, новаго, молодого, издававшего какой-то мудреный запахъ, красиваго и

порочнаго. А что гостя была порочна, я понять по улыбкаѣ, по запаху, по особой манерѣ глядѣть и играть рѣсницами, по тону, съ какимъ она говорила съ моей женой — порядочной женщиной... Не нужно ей было рассказывать мнѣ, что она бѣжала отъ мужа, что мужъ ея старъ и деспотъ, что она добра и весела. Я все понять съ перваго взгляда, да едва ли въ Европѣ есть еще мужчины, которые не умѣютъ отличить съ перваго взгляда женщину извѣстнаго темперамента.

— А я не знала, что у меня есть такой крупный племянничекъ! — сказала тетя, протягивая мнѣ руку и улыбаясь.

— А я не зналъ, что у меня есть такая хорошенькая тетя!—сказалъ я.

Снова начался ужинъ. Пробка съ трескомъ вылетѣла изъ второй бутылки, и моя тетя залпомъ выпила пол-стакана, а когда моя жена вышла куда-то на минутку, тетя уже не церемонилась и выпила цѣлый стаканъ. Оцѣняя я и отъ вина, и отъ присутствія женщины. Вы помните романсъ?

Очи черныя, очи страстные,
Очи жгучія и прекрасныя,
Какъ люблю я васъ,
Какъ боюсь я васъ!

Не помню, что было потомъ. Кому угодно знать, какъ начинается любовь, тотъ пусть читаетъ романы и длинные повѣсти, а я скажу только немного и словами все того же глушаго романса:

Знать увидѣлъ васъ
Я не въ добрый часъ...

Все полетѣло къ чорту верхнимъ концомъ внизъ. Помните мнѣ страшный, бѣшеный вихрь, который закружилъ меня, какъ перышко. Кружилъ онъ долго и стеръ съ лица земли и жену, и самую тетю, и мою силу. Изъ степного полустанка, какъ видите, онъ забросилъ меня на эту темную улицу.

Теперь скажите: что еще недоброе можетъ со мной случиться?

ВЪ ССЫЛКѢ.

Старый Семень, прозванный Толковымъ, и молодой татаринъ, котораго никто не зналъ по имени, сидѣли на берегу около костра; остальные три перевозчика находились въ избѣ. Семень, старикъ лѣтъ шестидесяти, худощавый и беззубый, но широкій въ плечахъ и на видъ еще здоровый, былъ пьянъ; онъ давно бы уже пошелъ спать, но въ карманѣ у него былъ полуштофъ, и онъ боялся, какъ бы въ избѣ молодцы не попросили у него водки. Татаринъ былъ боленъ, томился и, кутаясь въ свои лохмотья, рассказывалъ, какъ хорошо въ Симбирской губерніи и какая у него осталась дома красивая и умная жена. Ему было лѣтъ двадцать-пять, не больше, а теперь, при свѣтѣ костра, онъ блѣдный, съ печальнымъ болѣзненнымъ лицомъ, казался мальчикомъ.

— Оно, конечно, тутъ не рай, — говорилъ Толковый. — Самъ видишь: вода, голые берега, кругомъ глина и больше ничего... Святая давно уже прошла, а на рѣкѣ ледъ идетъ и утромъ нынче снѣгъ былъ.

— Худо! худо! — сказалъ татаринъ и оглядѣлся съ испугомъ.

Шагахъ въ десяти текла темная, холодная рѣка; она ворчала, хлюпала объ изрытый глинистый берегъ и быстро неслась куда-то въ далекое море. У самаго берега темнѣла большая баржа, которую перевозчики называютъ «карбасомъ». Далекое на томъ берегу, потухая и переливаясь, змѣйками ползали огни: это жгли прошлогоднюю траву. А за змѣйками опять потемки. Слышно, какъ небольшія льдины стучать о баржу. Сыро, холодно...

Татаринъ взглянулъ на небо. Звѣздъ такъ же много, какъ дома у него, такая же чернота кругомъ, но чего-то недостаетъ. Дома, въ Симбирской губернии, совсѣмъ не такія звѣзды и не такое небо.

— Худо! худо!—повторилъ онъ.

— Привыкнешь!—сказалъ Толковый и засмѣялся.—Теперь ты еще молодой, глупый, молоко на губахъ не обсохло, и кажется тебѣ по глупости, что несчастный тебя человекъ ибѣтъ, а придетъ время, самъ скажешь: дай Богъ всякому такой жизни. Ты на меня погляди. Черезъ недѣлю времени пройдетъ вода и поставимъ тутъ паромъ, вы всѣ пойдете по Сибири гулять, а я останусь и зачну ходить отъ берега къ берегу. Ужъ двадцать два года такъ хожу. День и ночь. Шука и нельма подъ водой, а я надъ водой. И слава Богу. Ничего мнѣ не надо. Дай Богъ всякому такой жизни.

Татаринъ подложилъ въ костеръ хворосту, легъ поближе къ огню и сказалъ:

— У меня отецъ хворый человекъ. Когда онъ помретъ, мать и жена сюда прійдутъ. Обѣщали.

— А на что тебѣ мать и жена?—спросилъ Толковый.—Одна глупость, братъ. Это тебя бѣсъ смущаетъ, язви его душу. Ты его не слушай, проклятаго. Не давай ему воли. Онъ тебѣ насчетъ бабы, а ты ему на зло: не желаю! Онъ тебѣ насчетъ воли, а ты упрись и—не желаю! Ничего не надо! Ибѣту ни отца, ни матери, ни жены, ни воли, ни двора, ни кола! Ничего не надо, язви ихъ душу!

Толковый потянулъ изъ бутылки и продолжалъ:

— Я, братуша, не мужикъ простой, не изъ хамскаго званія, а дьячковскій сынъ и, когда на волѣ жилъ въ Курскѣ, въ сюртукѣ ходилъ, а теперь довелъ себя до такой точки, что могу голый на землѣ спать и траву жрать. И дай Богъ всякому такой жизни. Ничего мнѣ не надо и никого я не боюсь, и такъ себя понимаю, что богаче и вольнѣе меня человекъ ибѣтъ. Какъ прислали меня сюда изъ Россіи, я съ перваго же дня уперся: ничего не хочу! Бѣсъ мнѣ и про жену, и про родню, и про волю, а я ему: ничего мнѣ не надо! Уперся на своемъ и вотъ, какъ видишь, хорошо живу, не жалуясь. А ежели кто дастъ поблажку бѣсу и хоть разъ послушается, тотъ пропасть, ибѣтъ ему спасенія: завязнетъ въ болотѣ по самую маковку и не выльзетъ. Не то, что вашъ братъ, глупый мужикъ,

но и благородные и образованные пропадаютъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ прислали сюда изъ Россіи одного барина. Съ братьями что-то тамъ не подѣлилъ и въ завѣщаніи фальшивъ сдѣлалъ какую-то. Сказывали, изъ князей или бароновъ, а можетъ, и просто изъ чиновниковъ — кто его знаетъ! Ну, пріѣхалъ сюда баринъ и первымъ дѣломъ купилъ себѣ въ Мухортинскомъ домъ и землю. «Хочу, говорить, своимъ трудомъ жить, въ потѣ лица, потому что, говорить, я теперь не господинъ, а поселенецъ». Что жъ, говорю, помогай Богъ, дѣло хорошее. Человѣкъ онъ былъ тогда молодой, хлопотунъ, заботливый; самъ и косилъ, бывало, и рыбу ловилъ, и верхомъ верстъ за шестьдесятъ ѣздилъ. Только вотъ бѣда: съ перваго же года сталъ ѣздить въ Гирино, въ почтовую контору. Стоитъ, бывало, у меня на паромѣ и вздыхаетъ: «Эхъ, Семень, что-то долго не шлютъ мнѣ изъ дому денегъ!» Не надо, говорю, Василій Сергѣичъ, денегъ. Къ чему онѣ? Вы старое-то бросьте, забудьте, какъ будто его вовсе не было, будто снилось оно только, а начинайте жить сызнова. Не слушайте, говорю, бѣса, — онъ до добра не доведетъ, въ петлю затянетъ. Теперь вы денегъ желаете, говорю, а пройдетъ мало-мало времени и, гляди, чего другого захотите, а потомъ и еще, и еще. Ежели, говорю, желаете для себя счастья, то первѣе всего—ничего не желайте. Да... Ужъ ежели, говорю ему, насъ съ вами судьба обидѣла горько, то нечего у ней милости просить и кланяться ей въ ножки, а надо пренебрегать и смѣяться надъ ней. А то она сама насмѣется. Такъ и говорю ему... Года черезъ два перевозжу я его на эту сторону, а онъ потираетъ руки и смѣется. «Ѣду, говорить, въ Гирино жену встрѣчать. Пожалѣла, говорить, меня, пріѣхала. Хорошая она у меня, добрая». А самъ отъ радости даже запыхался. Вотъ черезъ день ѣдетъ съ женой. Дама молодая, красивая, въ шляпкѣ; на рукахъ младенчикъ-дѣвочка. И всякаго багажу много. А Василій Сергѣичъ мой вертится около нея, не наглядится и никакъ не нахвалится. «Да, братъ Семень, и въ Сибири люди живутъ!» Ну, думаю, ладно, не обрадуешься. И съ той поры, почитай, каждую недѣлю, сталъ онъ въ Гирино навѣдываться: не пришли ли изъ Россіи деньги. Денегъ-то понадобилось пронасть. «Она, говорить, ради меня тутъ въ Сибири свою молодость и красоту губить и, говорить

со мной мою горькую долю дѣлить, и черезъ это, говорить, я долженъ предоставлять ей всякое удовольствіе...» Чтобъ барыня веселѣй было, завелъ онъ знакомство съ чиновниками и съ шушерой всякой. А всю эту компанію, извѣстно, кормить и поить надо, да чтобъ и фортепянь былъ и собачка лохматенькая на диванѣ, — чтобъ она издохла... Роскошь, однимъ словомъ, баловство. Прожила съ нимъ барыня недолго. Гдѣ ей? Глина, вода, холодно, ни тебѣ овоща, ни фрукта, кругомъ необразованные да нянные, никакого обхожденія, а она дама балованная, столичная... Извѣстно, соскучилась. Да и мужъ, какъ ни говори, уже не баринъ, а поселенецъ — не та честь. Года черезъ три, помню, ночью подъ самый Успеневъ день кричатъ съ того берега. Пошелъ я туда на паромѣ, гляжу — барыня, вся окутавшись, а съ ней молодой господинъ, изъ чиновниковъ. Тройка... Перевезъ я ихъ сюда, сѣли — и поминай, какъ звали! Только ихъ и видѣли. А подъ утро Василій Сергѣичъ скачетъ на парѣ. «Не профъжала ли тутъ, Семень, моя жена съ господиномъ въ очкахъ?» Профъжала, говорю, — ищи вѣтра въ полѣ! Поскакалъ онъ вдогонку, сутокъ пять гнался. Когда послѣ перевозилъ я его на ту сторону, онъ повалился на паромъ и давай головой биться о доски и выть. То-то вотъ, говорю, и есть. Смѣюсь и припоминаю ему: «И въ Сибири люди живутъ!» А онъ еще пуще бьется... Потомъ это захотѣлось ему воли. Жена въ Россію подалась, и его, значить, туда потянуло, чтобъ ее повидать и отъ любовника вызволить. И сталъ онъ, братецъ ты мой, чуть не каждый день скакать то на почту, то въ городъ къ начальству. Все прошенія посылалъ и подавалъ, чтобъ его помиловали и назадъ домой вернули, и сказывалъ онъ, на однѣ телеграммы у него рублей двѣсти пошло. Землю продалъ, домъ жидамъ заложилъ. Самъ посѣдѣлъ, сгорбился, съ лица желтый сталъ, словно чахоточный. Говорить съ тобою, а самъ: кхе-кхе-кхе... и слезы на глазахъ. Промаялся такъ съ прошеніями годовъ восемь, а теперь опять ожилъ и веселый сталъ: новое баловство придумалъ. Дочка, видишь, выросла. Глядитъ на нее и не надышится. А она, правду говорить, ничего себѣ: красивенькая, чернобровая и нрава бойкаго. Каждое воскресенье онъ въ Гырино ѣздитъ съ ней въ церковь. Стоять оба на паромѣ рядышкомъ, она смѣется, а

онъ съ нея глазъ не сводить. «Да, говорить, Семень, и въ Сибири люди живутъ. И въ Сибири бывасть счастье. Погляди-ка, говорить, какая у меня дочка! Чай, другой такой и за тысячу верстъ не сыщешь». Дочка, говорю, хорошая, это вѣрно, дѣйствительно... А самъ про себя думаю: «Ужо погоди... Дѣвка она молодая, кровь играетъ, жить хочется, а какаѣ тутъ жизнь?» И стала, братъ, она тосковать... Чахла-чахла, извелась вся, заболѣла и теперь безъ заднихъ ногъ. Чахотка. Вотъ тебѣ и сибирское счастье, язви его душу, вотъ тебѣ и въ Сибири люди живутъ... Сталь онъ все по докторамъ ѣздить и возить ихъ къ себѣ. Какъ заслышитъ, что вереть за двѣсти или за триста есть докторъ или знахарь, такъ и ѣдетъ за нимъ. Страсть сколько денегъ на докторовъ ушло, а ужъ по-моему лучше пропить эти деньги... Все равно помретъ. Помретъ она всенепременно, а онъ тогда совѣтъ пропаль. Повѣсится съ тоски или въ Россію убѣжить—дѣло извѣстное. Убѣжить, а его поймають, потомъ судъ, каторга, илетья попробуешь...

— Хорошо, хорошо, — пробормоталъ татаринъ, пожимаясь отъ озноба.

— Что хорошо?—спросилъ Толковый.

— Жена, дочка... Пускай каторга и пускай тоска, за то онъ видаль и жену, и дочку... Ты говоришь, ничего не надо. Но ничего—худо! Жена прожила съ нимъ три года—это ему Богъ подарилъ. Ничего—худо, а три года—хорошо. Какъ не понимай?

Дрожа, съ напряженіемъ подбирая русскія слова, которыхъ онъ зналъ немного, и заикаясь, татаринъ заговорилъ о томъ, что не приведи Богъ захворать на чужой сторонѣ, умереть и быть зарытымъ въ холодной ржавой землѣ, что если бы жена пріѣхала къ нему хотя на одинъ день и даже на одинъ часъ, то за такое счастье онъ согласился бы принять какія угодно муки и благодарилъ бы Бога. Лучше одинъ день счастья, чѣмъ ничего.

Затѣмъ онъ опять разсказалъ, какая у него осталась дома красивая и умная жена, потомъ, взявшись обѣими руками за голову, онъ заплакалъ и сталъ увѣрять Семена, что онъ ни въ чемъ не виноватъ и тернить напраслину. Его два брата и дядя увели у мужика лошадей и избили старика до полусмерти, а общество разсудило не по совѣсти и составило приговоръ, по кото-

рому пошли въ Сибирь всё три брата, а дядя, богатый человекъ, остался дома.

— Привы-ыкнешы!—сказалъ Семень.

Татаринъ замолчалъ и уставился заплаканными глазами на огонь; лицо у него выражало недоумѣнiе и испугъ, какъ будто онъ все еще не понималъ, зачѣмъ онъ здѣсь въ темнотѣ и въ сырости, около чужихъ людей, а не въ Симбирской губерни. Толковый легъ около огня, чему-то усмѣхнулся и затянулъ вполголоса пѣсню.

— Что ей за радость съ отцомъ-то?—проговорилъ онъ, немного погодя.—Онъ ее любитъ, утѣшается, это точно; но, братъ, тоже пальца въ ротъ ему не клади: строгій старикъ, крутой старикъ. А молодымъ дѣвкамъ не строгость нужна... Имъ нужна ласка да ха-ха-ха, да хи-хо-хо, духи да помада. Да... Эхъ, дѣла, дѣла!—вздыхнулъ Семень и тяжело поднялся.—Водка вся вышла, значить, спать пора. А? Пойду, братъ...

Оставшись одинъ, татаринъ подложилъ хворосту, легъ и, глядя на огонь, сталъ думать о родной деревнѣ и о своей женѣ; пріѣхала бы жена хоть на мѣсяць, хоть на день, а тамъ, если хочеть, пусть уѣзжаетъ назадъ! Лучше мѣсяць или даже день, чѣмъ ничего. Но если жена сдержитъ обѣщанiе и пріѣдетъ, то чѣмъ се придется кормить? Гдѣ она будетъ тутъ жить?

— Если нѣтъ чего-чего кушать, то какъ живи?—спросилъ вслухъ татаринъ.

За то, что онъ теперь день и ночь работалъ весломъ, ему платили только десять копеекъ въ сутки; правда, проѣзжіе давали на чай и на водку, но ребята дѣлили весь доходъ между собой, а татарину ничего не давали и только смѣялись надъ нимъ. А отъ нужды голодно, холодно и страшно... Теперь бы, когда все тѣло болитъ и дрожитъ, пойти въ избушку и лечь спать, но тамъ укрыться нечѣмъ и холодиѣ, чѣмъ на берегу; здѣсь тоже нечѣмъ укрыться, но все же можно хоть костеръ развести...

Черезъ недѣлю, когда вода совсѣмъ спадеть и поставятъ тутъ паромъ, всё перевозчики, кромѣ Семена, станутъ уже не нужны, и татаринъ начнетъ ходить изъ деревни въ деревню и просить милостыни и работы. Женѣ только семнадцать лѣтъ; она красивая, избалованная, застѣнчивая, — неужели и она будетъ ходить по деревнямъ съ от-

крытымъ лицомъ и просить милостыню? Нѣтъ, объ этомъ даже подумать страшно...

Уже свѣтало; ясно обозначались баржа, кусты тальника на водѣ и зыбь, а назадъ оглянуться — тамъ глинистый обрывъ, внизу избушка, крытая бурю соломой, а выше лѣплятся деревенскія избы. На деревнѣ уже пѣли пѣтухи. Рыжий глинистый обрывъ, баржа, рѣка, чужіе, недобрые люди, голодъ, холодъ, болѣзни — быть-можетъ, всего этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Вѣроятно, все это только снится, — думалъ татаринъ. Онъ чувствовалъ, что спитъ, и слышалъ свой храпъ... Конечно, онъ дома, въ Симбирской губерніи, и стоитъ ему только назвать жену по имени, какъ она откликнется; а въ сосѣдней комнатѣ мать... Однако, какіе бываютъ страшные сны! Къ чему они? Татаринъ улыбнулся и открылъ глаза. Какая это рѣка? Волга?

Шель снѣгъ.

— Подава-ай! — кричалъ кто-то на той сторонѣ: — Карба-а-аст!

Татаринъ очнулся и пошелъ будить товарищей, чтобы плыть на ту сторону. Надѣвая на ходу рваные тулчмы, бранясь хриплыми спросонокъ голосами и пожимаясь отъ холода, показались на берегу перевозчики. Послѣ сна рѣка, отъ которой вѣяло пронизывающимъ холодомъ, повидимому, казалась имъ отвратительной и жуткой. Не спѣша попрыгали они въ карбасъ... Татаринъ и три перевозчика взяли за длинныя весла съ широкими лопастями, похожія въ потемкахъ на рачьи клешни, Семень навалился животомъ на длинный руль. А на той сторонѣ все еще продолжали кричать и два раза выстрѣлили изъ револьвера, думая, вѣроятно, что перевозчики спать или ушли на деревню, въ кабакъ.

— Ладно, успеешь! — проговорилъ Толковый тономъ человѣка, убѣжденнаго, что на этомъ свѣтѣ нѣтъ надобности спѣшить — все равно, молъ, толку не выйдетъ.

Тяжелая неуклюжая баржа отдѣлилась отъ берега и поплыла межъ кустовъ тальника, и только по тому, что тальникъ медленно уходилъ назадъ, замѣтно было, что она не стояла на одномъ мѣстѣ, а двигалась. Перевозчики мѣрно, въ разъ, взмахивали веслами; Толковый лежалъ животомъ на рулѣ и, описывая въ воздухѣ дугу, леталъ съ одного борта на другой. Было въ потемкахъ похоже

на то, какъ будто люди сидѣли на какомъ-то допотопномъ животномъ съ длинными лапами и уплывали на немъ въ холодную, унылую страну, ту самую, которая иногда снится во время кошмара.

Миновали тальникъ, выплыли на просторъ. На томъ берегу уже слышали стукъ и мѣрное плесканье весель и кричали: «Скорѣй! скорѣй!» Прошло еще минутъ съ десять, и баржа тяжело ударилась о пристань.

— И все оно сыплеть, и все оно сыплеть!—бормоталъ Семень, вытирая съ лица снѣгъ.— И откуда оно берется, Богъ его знаетъ!

На той сторонѣ ждалъ худощавый, невысокаго роста старикъ, въ полушубкѣ на лисьемъ мѣху и въ бѣлой мерлушковой шапкѣ. Онъ стоялъ поодаль отъ лошадей и не двигался; у него было угрюмое, сосредоточенное выраженіе, какъ будто онъ старался что-то вспомнить и сердился на свою непослушную память. Когда Семень подошелъ къ нему и, улыбаясь, снялъ шапку, то онъ сказалъ:

— Спѣшу въ Анастасьевку. Дочери опять хуже, а въ Анастасьевку, говорятъ, новаго доктора назначили.

Втащили тарантасъ на баржу и поплыли назадъ. Человѣкъ, котораго Семень назвалъ Василиемъ Сергѣичемъ, все время, пока плыли, стоялъ неподвижно, крѣпко сжавъ своя толстыя губы и глядя въ одну точку; когда ямщикъ попросилъ у него позволенія покурить въ его присутствіи, онъ ничего не отвѣтилъ, точно не слышалъ. А Семень лежа животомъ на рулѣ, насмѣшливо глядѣлъ на него и говорилъ:

— И въ Сибири люди живутъ. Живу-уть!

На лицѣ у Толковаго было торжествующее выраженіе, какъ будто онъ что-то доказалъ и будто радовался, что вышло именно такъ, какъ онъ предполагалъ. Несчастный, безпомощный видъ человѣка въ полушубкѣ на лисьемъ мѣху, повидимому, доставлялъ ему большое удовольствіе.

— Грязно теперь ѣхать, Василій Сергѣичъ,—сказалъ онъ, когда на берегу запрягали лошадей.—Погодили бы ѣздить еще недѣльки съ двѣ, пока суше станетъ. А то и вовсе бы не ѣздили... Ежели бы толкъ какой отъ ѣзды былъ, а то, сами изволите знать, люди вѣки вѣчные ѣздятъ, и днемъ и ночью, а все никакого толку. Право!

Василій Сергѣичъ молча далъ на водку, сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ дальше.

— Вотъ, за докторомъ поскакалъ!—сказалъ Семень, пожимаясь отъ холода.—Да, ищи настоящаго доктора, догоняй вѣтра въ полѣ, хватай чорта за хвостъ, язви твою душу! Экіе чудаки! Господи, прости меня грѣшнаго!

Татаринъ подошелъ къ Толковому и, глядя на него съ ненавистью и съ отвращеніемъ, дрожа и примѣшивая къ своей ломаной рѣчи татарскія слова, заговорилъ:

— Онъ хорошо... хорошо, а ты—худо! Ты худо! Баринъ хорошая душа, отличный, а ты звѣрь, ты худо! Баринъ живой, а ты дохлый... Богъ создалъ человѣка, чтобы живой былъ, чтобы и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значить, ты не живой, а камень, глина! Камню надо ничего, и тебѣ ничего... Ты камень—и Богъ тебя не любитъ, а барина любитъ!

Всѣ засмѣялись; татаринъ брезгливо поморщился, махнулъ рукой и, кутаясь въ свои лохмотья, пошелъ къ костру. Перевозчики и Семень пошлелись въ избушку.

— Холодно! — прохрипѣлъ одинъ перевозчикъ, растягиваясь на соломѣ, которою былъ покрытъ сырой глинистый полъ.

— Да, не тепло! — согласился другой. — Жизнь каторжная!..

Всѣ улеглись. Дверь отворилась отъ вѣтра, и въ избушку понесло снѣгомъ. Встать и затворить дверь никому не хотѣлось: было холодно и лѣнь.

— А мнѣ хорошо!—проговорилъ Семень, засыпая.—Дай Богъ всякому такой жизни.

— Ты, извѣстно, семикаторжный. Тебя и черти не берутъ.

Со двора слышались звуки, похожіе на собачій вой.

— Что это? Кто это тамъ?

— Это татаринъ плачетъ.

— Ишь ты... Чудаки!

— Привы-ыкнеть!—сказалъ Семень и тотчасъ же заснулъ.

Скоро заснули и остальные. А дверь такъ и осталась не затворенной.

ОТЕЦЪ.

— Признаться, я выпивши... Извини, зашелъ дорогой въ портерную и по случаю жары выпилъ двѣ бутылочки. Жарко, братъ!

Старикъ Мусатовъ вытащилъ изъ кармана какую-то тряпочку и вытеръ ею свое бритое, испитое лицо.

— Я къ тебѣ, Боренька, ангелъ мой, на минуточку, — продолжалъ онъ, не глядя на сына: — по весьма важному дѣлу. Извини, можетъ-быть, помѣшалъ. Нѣтъ ли у тебя, душа моя, до вторника десяти рублей? Понимаешь ли, вчера еще нужно было платить за квартиру, а денегъ, понимаешь ли... во! Хоть зарѣжь!

Молодой Мусатовъ молча вышелъ и сталъ за дверью шептаться со своею дачною хозяйкой и съ сослуживцами, которые вмѣстѣ съ нимъ сообща нанимали дачу. Черезъ три минуты онъ вернулся и молча подаль отцу десятирублевку. Тотъ, не поглядѣвъ, небрежно сунулъ ее въ карманъ и сказалъ:

— Мерси. Ну, какъ живешь? Давно ужъ не видались.

— Да, давно. Съ самой Святой.

— Разъ пять собирался къ тебѣ, да все некогда. То одно дѣло, то другое... просто смерти! Впрочемъ, вру... Все это я вру. Ты мнѣ не вѣрь, Боренька. Сказалъ—во вторникъ отдамъ десять рублей, тоже не вѣрь. Ни одному моему слову не вѣрь. Никакихъ у меня дѣловъ нѣтъ, а просто лѣнь, пьянство и совѣстно въ такомъ одѣяніи на улицу показаться. Ты меня, Боренька, извини. Тутъ я раза три къ тебѣ дѣвчонку за деньгами присылалъ и жалостныя письма писалъ.

За деньги спасибо, а письмамъ не вѣрь: враль. Совѣстно мнѣ обирать тебя, ангель мой; знаю, что самъ ты едва концы съ концами сводишь и акридами питаешься, но ничего я со своимъ нахальствомъ не подбляю. Такой нахаль, что хоть за деньги показывай!.. Ты извини меня, Боренька. Говорю тебѣ всю эту правду, потому не могу равнодушно твоего ангельскаго лица видѣть.

Прошла минута въ молчаніи. Старикъ глубоко вздохнул и сказалъ:

— Угостилъ бы ты меня пивкомъ, что ли.

Сынъ молча вышелъ, и за дверями опять послышался пошопотъ. Когда, немного погодя, принесли пиво, старикъ при видѣ бутылокъ оживился и рѣзко измѣнилъ свой тонъ.

— Былъ, братецъ ты мой, намеренъ я на скачкахъ, — рассказывалъ онъ, дѣлая испуганные глаза. — Насъ было трое, и взяли мы въ тотализаторѣ одинъ трехрублевый билетъ на Шустраго. И спасибо этому Шустрому. На рубль намъ выдали по тридцать два рубля. Не могу, братъ, безъ скачекъ. Удовольствіе благородное. Моя бабенція всегда задаетъ мнѣ трепку за скачки, а я хожу. Люблю, хоть ты что!

Борисъ, молодой человекъ, бѣлокурый, съ меланхолическимъ, неподвижнымъ лицомъ, тихо ходилъ изъ угла въ уголъ и молча слушалъ. Когда старикъ прервалъ свой рассказъ, чтобы откашляться, онъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— На-дняхъ, папаша, я купилъ себѣ штиблеты, которые оказались для меня слишкомъ узки. Не возьмешь ли ты ихъ у меня? Я уступлю тебѣ ихъ дешевле.

— Пожалуй, — согласился старикъ, дѣлая гримасу: — только за ту же цѣну, безъ уступокъ.

— Хорошо. Я тебѣ это взаимы даю.

Сынъ полѣзъ подъ кровать и досталъ оттуда новыя штиблеты. Отецъ снялъ свои неуклюжіе, бурые, очевидно, чужіе сапоги и сталъ примѣривать новую обувь.

— Какъ разъ! — сказалъ онъ. — Ладно, пускай у меня остаются. А во вторникъ, когда получу пенсію, пришлю тебѣ за нихъ. Впрочемъ, вру, — продолжалъ онъ, вдругъ опять впадая въ прежній слезливый тонъ. — И про тотализаторъ вру, и про пенсію вру. И ты меня обманываешь, Боренька... Я вѣдь чувствую твою великодушную политику.

Насквозь я тебя понимаю! Штиблеты потому оказались узки, что душа у тебя широкая. Ахъ, Боря, Боря! Все я понимаю и все чувствую!

— Вы на новую квартиру перебрались? — прервалъ его сынъ, чтобы переменить разговоръ.

— Да, братъ, на новую. Каждый мѣсяць перебираюсь. Моя бабенція со своимъ характеромъ не можетъ долго на одномъ мѣстѣ ужиться.

— Я у васъ былъ на старой квартирѣ, хотѣлъ васъ къ себѣ на дачу пригласить. Съ вашимъ здоровьемъ вамъ не мѣшало бы пожить на чистомъ воздухѣ.

— Нѣтъ! — махнулъ рукой старикъ. — Баба не пустить, да и самъ не хочу. Разъ сто вы пытались вытащить меня изъ ямы, и самъ я пытался, да ни черта не вышло. Бросьте! Въ ямѣ и околѣвать мнѣ. Сейчасъ вотъ сижу съ тобой, гляжу на твое ангельское лицо, а самого такъ и тянетъ домой въ яму. Такая ужъ, знать, судьба. Навознаго жука не затащишь на розу. Нѣтъ. Однако, братецъ, миѣ пора ужъ. Темно становится.

— Такъ постоитъ же, я васъ провожу. Миѣ самому сегодня нужно въ городъ.

Старикъ и молодой надѣли свои пальто и вышли. Когда, немного погодя, они ѣхали на извозчикѣ, было уже темно, и въ окнахъ замелькали огни.

— Обобралъ я тебя, Боренька! — бормоталъ отецъ. — Бѣдныя, бѣдныя дѣти! Должно-быть, великое горе имѣть такого отца! Боренька, ангель мой, не могу врать, когда вижу твое лицо. Извини.. До чего доходитъ мое нахальство, Боже мой! Сейчасъ вотъ я тебя обобралъ, конфужу тебя своимъ пьянымъ видомъ, братьевъ твоихъ тоже обираю и конфужу, а поглядѣлъ бы ты на меня вчера! Не скрою, Боренька! Сошлись вчера къ моей бабенціи сосѣди и всякая шваль, напился и я съ ними и давай на чемъ свѣтъ стоитъ честить васъ, моихъ дѣточекъ. И ругалъ я васъ, и жаловался, что будто вы меня бросили. Хотѣлъ, видишь ли, пьяныхъ бабъ разжалобить и разыграть изъ себя несчастнаго отца. Такая ужъ у меня манера: когда хочу свои пороки скрыть, то всю бѣду на невинныхъ дѣтей взваливаю. Не могу я врать тебѣ, Боренька, и скрывать. Шель къ тебѣ гоголемъ, а какъ увидѣлъ твою кротость и милосердіе твоё, языкъ

прилинь къ гортани и всю мою совѣсть вверху торманшкѣй перевернуло.

— Полно, папаша, давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ.

— Матерь Божія, какія у меня дѣти! — продолжалъ старикъ, не слушая сына. — Какую Господь мнѣ роскошь послалъ! Такихъ бы дѣтей не мнѣ, непутевому, а настоящему бы человѣку съ душой и чувствами! Недостойнъ я!

Старикъ снялъ свой маленькій картузикъ съ пуговкой и нѣсколько разъ перекрестился.

— Слава Тебѣ, Господи! — вздохнулъ онъ, оглядываясь по сторонамъ и какъ бы ища образа. — Замѣчательныя, рѣдкія дѣти! Три у меня сына, и всѣ какъ одинъ. Трезвые, степенные, дѣловые, а какіе умы! Извозчикъ, какіе умы! У одного Григорія ума столько, что на десять человѣкъ хватить. Онъ и по-французски, онъ и по-нѣмецки, а говоритъ, такъ куда тебѣ твои адвокаты — заслушаешься... Дѣти мои, дѣти, не вѣрю я, что вы мои! Не вѣрю! Ты у меня, Боренька, мученикъ. Разоряю я тебя и буду разорять... Даешь ты мнѣ безъ конца, хотя и знаешь, что деньги твои идутъ не на дѣло. Намедни прислалъ я тебѣ жалостное письмо, болѣзнь описывалъ свою, а вѣдь вралъ: деньги я у тебя на ромъ просилъ. А даешь ты мнѣ потому, что боишься меня отказомъ оскорбить. Все это я знаю и чувствую. Гринша тоже мученикъ. Въ четвергъ, братецъ ты мой, пошелъ и къ нему въ присутствіе пьяный, грязный, оборваный... водкой отъ меня, какъ изъ погреба. Прихожу прямо, этакая фигура, лѣзу къ нему съ подлыми разговорами, а тутъ кругомъ его товарищи, начальство, просители. Осрамилъ на всю жизнь. А онъ хоть бы тебѣ капельку сконфузился, только чуточку поблѣднѣлъ, но улыбнулся и подошелъ ко мнѣ какъ ни въ чемъ не бывало, даже говарищамъ отрекомендовалъ. Потомъ проводилъ меня до самого дома и хоть бы однимъ словомъ попрекнулъ! Обираю я его пуще, чѣмъ тебя. Взять теперь брата твоего Саму, вѣдь тоже мученикъ! Женился онъ, знаешь, на полковницкѣй дочкѣ изъ аристократическаго круга, приданое взялъ... Кажется, не до меня ему. Нѣтъ, братъ, какъ только женился, послѣ свадьбы со своею молодою супругой мнѣ первому визитъ сдѣлать... въ моей ямѣ... Ей-Богу!

Старикъ всхлипнулъ и тотчасъ же засмѣялся.

— А въ ту пору, какъ нарочно, у насъ третью рѣдку съ квасомъ ѣли и рыбу жарили, и такая вонь была въ квартирѣ, что чорту тошно. Я лежалъ вышивши, бабенція моя выскочила къ молодымъ съ красною рожей... безобразіе, однимъ словомъ. А Саша все превозмогъ.

— Да, нашъ Саша хорошій человекъ,—сказалъ Борисъ.

— Великолѣпнѣйшій! Всѣ вы у меня золото: и ты, и Гриша, и Саша, и Соня. Мучу я васъ, терзаю, срамлю, обираю, а за всю жизнь не слыхалъ отъ васъ ни одного слова упрека, не видалъ ни одного косога взгляда. Добро бы, отецъ порядочный былъ, а то — тьфу! Не видали вы отъ меня ничего, кромѣ зла. Я человекъ нехорошій, распутный... Теперь еще, слава Богу, присмирѣлъ и характера у меня нѣтъ, а вѣдь прежде, когда вы маленькими были, во мнѣ положительность сидѣла, характеръ. Что я ни дѣлалъ и ни говорилъ, все казалось мнѣ, какъ будто такъ и надо. Бывало, вернусь ночью домой изъ клуба пьяный, злой, и давай твою покойницу мать попрекать за расходы. Цѣлую ночь ѣмъ ее поѣдомъ и думаю, что это такъ и надо; бывало, утромъ вы встанете и въ гимназію уйдете, а я все еще надъ ней свой характеръ показываю. Царство небесное, замучилъ я ее, мученицу! А когда, бывало, вернетесь вы изъ гимназіи, а я сплю, вы не смѣете обѣдать, пока я не встану. За обѣдомъ опять музыка. Небось, помнишь. Не дай Богъ никому такого отца. Вамъ меня Богъ на подвигъ послалъ. Именно, на подвигъ! Тяните ужъ, дѣтки, до конца. Чти отца твоего и долготѣнъ будеши. За вашъ подвигъ, можетъ, Господь пошлетъ вамъ жизнь долгую. Извозчикъ стой!

Старикъ спрыгнулъ съ пролетки и побѣжалъ въ портерную. Черезъ полчаса онъ вернулся, пьяно крякнулъ и сѣлъ рядомъ съ сыномъ.

— А гдѣ теперь Соня? — спросилъ онъ. — Все еще въ пансіонѣ?

— Нѣтъ, въ маѣ она кончила и теперь у Сашиной тещи живетъ.

— Во! — удивился старикъ. — Молодецъ-дѣвка, стало-быть, въ братьевъ пошла. Эхъ, нѣту, Боренька, матери, некому утѣшаться. Послушай, Боренька, она... она знаетъ, какъ я живу? А?

Борисъ ничего не отвѣтилъ. Прошло минутъ пять въ глу-

бокoмъ молчанiи. Старикъ всхлипнулъ, утeрeя своей тpянoчкoй и сказыль:

— Люблю я ee, Боренька! Вѣдь единственнaя дoчь, а въ старoсти лучшaгo утѣшенiя нѣтъ, какъ дoчка. Пoвидаться бы мнѣ съ ней. Мoжно, Боренька?

— Конечно, когда хотите.

— Ей-Богу? А она ничего?

— Полноте, она сама искала вaсъ, чтобы пoвидаться.

— Ей-Богу? Вотъ дѣти! Извозчикъ, а? Устрой, Боренька, гoдубчикъ! Она теперь барышня, деликатeсть, консуме и все такое, на благородный манеръ, и я не желаю показываться ей въ такомъ подлѣйшемъ видѣ. Мы, Боренька, всю эту механику такъ устроимъ. Денька три я воздержусь отъ спиртуозовъ, чтобы поганое пьяное рыло мое пришло въ нoрядокъ, потомъ приду къ тебѣ, и ты дашь мнѣ на время какой-нибудь свой костюмчикъ; побрежусь я, постригусь, потомъ ты съѣздишь и привезешь ee къ себѣ. Ладно?

— Хорошо.

— Извозчикъ, стой!

Старикъ опять спрыгнулъ съ пролетки и побѣжалъ въ портeрную. Пока Борисъ доѣхалъ съ нимъ до его квартиры, онъ еще раза два прыгалъ, и сынъ всякiй разъ молча и терпѣливо ожидалъ его. Когда они, отпустивъ извозчика, пробирались длиннымъ грязнымъ дворомъ къ квартирѣ «бабенци», старикъ принялъ въ вышней степени сконфуженный и виноватый видъ, сталъ робко кричать и причмокивать губами.

— Боренька, — сказала онъ заискивающимъ тономъ: — если моя бабенци начнетъ говорить тебѣ что-нибудь такое, то ты не обращай вниманiя и... и обойдись съ ней, знаешь, этакъ, попривѣтливѣй. Она у меня невѣжественна и дерзка, но все-таки хорошая баба. У нея въ груди бьется доброе, горячее сердце!

Длинный дворъ кончился, и Борисъ вошелъ въ темныя сѣни. Заскрипѣла дверь на блокъ, пахнуло кухней и самоварнымъ дымомъ, послышались рѣзкiе голоса. Проходя изъ сѣней черезъ кухню, Борисъ видѣлъ только темный дымъ, веревку съ развѣшеннымъ бѣльемъ и самоварную трубу, сквозь щели которой сыпались золотыя искры.

— А вотъ и моя келья, — сказала старикъ, нагибаясь и входя въ маленькую комнату съ низкимъ потолкомъ и съ

атмосферой, невыносимо душной отъ соседства съ кухней.

Здѣсь за столомъ сидѣли какія-то три бабы и угощались. Увидѣвъ гостя, онѣ переглянулись и перестали ѣсть.

— Что жъ, досталъ? — спросила сурово одна изъ нихъ, повидимому, сама «бабенція».

— Досталъ, досталъ, — забормоталъ старикъ. — Ну, Борисъ, милости просимъ, садись! У насъ, братъ, молодой человѣкъ, просто... Мы въ простотѣ живемъ.

Онъ какъ-то безъ толку засуетился. Ему было совѣстно сына и въ то же время, повидимому, ему хотѣлось держать себя около бабъ, какъ всегда, «тоголемъ» и несчастнымъ, брошеннымъ отцомъ.

— Да, братецъ ты мой, молодой человѣкъ, мы живемъ просто, безъ затѣй, — бормоталъ онъ. — Мы люди простые, молодой человѣкъ... Мы не то, что вы, не любимъ пыль въ глаза пускать. Да-съ... Развѣ водки выпить?

Одна изъ бабъ (ей было совѣстно пить при чужомъ человѣкѣ) вздохнула и сказала:

— А я черезъ грибы еще выпью... Такіе грибы, что не захочешь, такъ выпьешь. Иванъ Герасимычъ, пригласите ихъ, можетъ, и они выпьютъ!

Послѣднее слово она произнесла такъ: выпьютъ.

— Выпей, молодой человѣкъ! — сказалъ старикъ, не глядя на сына. — У насъ, братъ, винъ и ликеровъ нѣтъ, мы попросту.

— Имъ у насъ не ндравится! — вздохнула «бабенція».

— Ничего, ничего, онъ выпьетъ!

Чтобы не обидѣть отца отказомъ, Борисъ взялъ рюмку и молча выпилъ. Когда принесли самоваръ, онъ молча, съ меланхолическимъ лицомъ, въ угоду старику, выпилъ двѣ чашки противнаго чаю. Молча онъ слушалъ, какъ «бабенція» намеками говорила о томъ, что на этомъ свѣтѣ есть жестокія и безбожныя дѣти, которыя бросаютъ своихъ родителей.

— Я знаю, что ты теперь думаешь! — говорилъ подвыпившій старикъ, входя въ свое обычное пьяное возбужденное состояніе. — Ты думаешь: я опустился, погрязъ, я жалокъ, а по-моему эта простая жизнь гораздо нормальнѣе твоей жизни, молодой человѣкъ. Ни въ комъ я не нуждаюсь и... и не намѣренъ унижаться... Терпѣть не могу, если какой-нибудь мальчишка глядитъ на меня съ сожалѣніемъ.

Послѣ чаю онъ чистилъ селедку и посыпалъ ее лукомъ съ такимъ чувствомъ, что даже на глазахъ у него выступили слезы умиленія. Онъ опять заговорилъ о тотализаторѣ, о выигрышахъ, о какой-то шляпѣ изъ панамской соломы, за которую онъ вчера заплатилъ 16 рублей. Лгалъ онъ съ такимъ же аппетитомъ, съ какимъ ѣлъ селедку и пилъ. Сынъ молча высидѣлъ часъ и сталъ прощаться.

— Не смѣю удерживать!—сказалъ надменно старикъ.— Извините, молодой человѣкъ, что я живу не такъ, какъ вамъ хочется!

Онъ хорохорился, съ достоинствомъ фыркалъ и подмигивалъ бабамъ.

— Прощайте-съ, молодой человѣкъ!—говорилъ онъ, провожая сына до сѣней.—Атанде!

Въ сѣняхъ же, гдѣ было темно, онъ вдругъ прижался лицомъ къ рукаву сына и всхлипнулъ.

— Поглядѣть бы мнѣ Сонюшку! — зашепталъ онъ. — Устрой, Боренька, ангель мой! Я побрежусь, надѣну твой костюмчикъ... строгое лицо сдѣлаю... Буду при ней молчать. Ей-ей, буду молчать!

Онъ робко оглянулся на дверь, за которой слышались голоса бабъ, задержалъ рыданіе и сказалъ громко:

— Прощайте, молодой человѣкъ! Атанде!

Ж Е Н А.

I.

Я получилъ такое письмо:

«Милостивый Государь, Павелъ Андреевичъ! Недалеко отъ васъ, а именно въ деревнѣ Пестровѣ, происходятъ прискорбные факты, о которыхъ считаю долгомъ сообщить. Всѣ крестьяне этой деревни продали избы и все свое имущество и переселились въ Томскую губернію, но не доѣхали и возвратились назадъ. Здѣсь, понятно, у нихъ ничего уже нѣтъ, все теперь чужое; поселились они по три и четыре семьи въ одной избѣ, такъ что населеніе каждой избы не менѣе 15 человекъ обоюго пола, не считая малыхъ дѣтей, и въ концѣ концовъ ѣсть нечего, голодъ, поголовная эпидемія голоднаго или сышного тифа; всѣ буквально больны. Фельдшерица говоритъ: придешь въ избу и что видишь? Всѣ больны, всѣ бредятъ, кто хохочетъ, кто на стѣну лѣзетъ; въ избахъ смрадъ, ни воды подать, ни принести ее никому, а пищей служить одинъ мерзлый картофель. Фельдшерица и Соболевъ (нашъ земскій врачъ) что могутъ сдѣлать, когда имъ прежде лѣкарства надо хлѣба, котораго они не имѣютъ? Управа земская отказывается тѣмъ, что они уже выписаны изъ этого земства и числятся въ Томской губерніи, да и денегъ нѣтъ. Сообщая объ этомъ вамъ и зная вашу гуманность, прошу, не откажите въ скорѣйшей помощи. Вашъ доброжелатель».

Очевидно, писала сама фельдшерица или этотъ докторъ, имѣющій звѣриную фамилію. Земскіе врачи и фельдшерицы въ продолженіе многихъ лѣтъ изо дня въ день убѣждаются, что они *ничего* не могутъ сдѣлать, и все-таки получаютъ жалованье съ людей, которые питаются однимъ мерзлымъ картофелемъ, и все-таки почему-то считаютъ себя въ правѣ судить, гуманенъ я, или нѣтъ.

Обезпокоенный анонимнымъ письмомъ и тѣмъ, что каждое

утро какіе-то мужики приходили въ людскую кухню и становились тамъ на колѣни, и тѣмъ, что ночью изъ амбара вытащили двадцать кулей ржи, сломавъ предварительно стѣну, и общимъ тяжелымъ настроеніемъ, которое поддерживалось разговорами, газетами и дурною погодой—обезпокоенный всѣмъ этимъ, я работалъ вяло и неуспѣшно. Я писалъ «Исторію желѣзныхъ дорогъ»; нужно было прочесть множество русскихъ и иностранныхъ книгъ, брошюръ, журнальныхъ статей, нужно было щелкать на счетахъ, переписывать логариѳмы, думать и писать, потомъ опять читать, щелкать и думать; но едва я брался за книгу или начиналъ думать, какъ мысли мои путались, глаза жмурились, я со вздохомъ вставалъ изъ-за стола и начиналъ ходить по большимъ комнатамъ своего пустыннаго деревенскаго дома. Когда надоѣдало ходить, я останавливался въ кабинетѣ у окна и, глядя черезъ свой широкій дворъ, черезъ прудъ и голый молодой березнякъ, и черезъ большое поле, покрытое недавно вынавшимъ, тающимъ снѣгомъ, я видѣлъ на горизонтѣ, на холмѣ кучу бурыхъ избъ, отъ которыхъ по бѣлому полю спускалась внизъ неправильной полосой черная, грязная дорога. Это было Пестрово, то самое, о которомъ писалъ мнѣ анонимный авторъ. Если бы не вороны, которыя, предвѣщая дождь или снѣжную погоду, съ крикомъ носились надъ прудомъ и полемъ, и если бы не стукъ въ плотницкомъ сараѣ, то этотъ мірокъ, о которомъ теперь такъ много шумятъ, казался бы похожимъ на Мертвое озеро,—такъ все здѣсь тихо, неподвижно, безжизненно, скучно!

Работать и сосредоточиться мѣшало мнѣ безпокойство; я не зналъ, что это такое, и хотѣлъ думать, что это разочарованіе. Въ самомъ дѣлѣ, оставилъ я службу по министерству путей сообщенія и пріѣхалъ сюда въ деревню, чтобы жить въ покоѣ и заниматься литературой по общественнымъ вопросамъ. Это была моя давнишняя, завѣтная мечта. А теперь нужно было проститься и съ покоемъ, и съ литературой, оставить все и заняться одними только мужиками. И это было неизбѣжно, потому что кромѣ меня, какъ я былъ убѣжденъ, въ этомъ уѣздѣ положительно некому было помочь голодающимъ. Окружали меня люди необразованные, неразвитые, равнодушные, въ громадномъ большинствѣ нечестные, или же честные, но взбалмошные и не-

серьезные, какъ, напримѣръ, моя жена. Положиться на такихъ людей было нельзя, оставить мужиковъ на произволь судьбы было тоже нельзя, значить, оставалось покориться необходимости и самому заняться приведеніемъ мужиковъ въ порядокъ.

Началь я съ того, что рѣшилъ пожертвовать въ пользу голодающихъ пять тысячъ рублей серебромъ. И это не уменьшило, а только усилило мое безпокойство. Когда я стоялъ у окна или ходилъ по комнатамъ, меня мучилъ вопросъ, котораго раньше не было: какъ распорядиться этими деньгами? Приказать купить хлѣба, пойти по избамъ и раздавать — это не подъ силу одному человѣку, не говоря уже о томъ, что второпяхъ рискуешь дать сытому или кулаку вдвое больше, чѣмъ голодному. Администраціи я не вѣрилъ. Всѣ эти земскіе начальники и податные инспектора были люди молодые, и къ нимъ относился я недоувѣрчиво, какъ ко всей современной молодежи, матеріалистической и не имѣющей идеаловъ. Земская управа, волостныя правленія и всѣ вообще уѣздныя канцеляріи тоже не внушали мнѣ ни малѣйшаго желанія обратиться къ ихъ помощи. Я зналъ, что эти учрежденія, присосавшіяся къ земскому и казенному пирогу, каждый день держали свои рты наготовѣ, чтобы присосаться къ какому-нибудь еще третьему пирогу.

Мнѣ приходило на мысль пригласить къ себѣ сосѣдей-помѣщиковъ и предложить имъ организовать у меня въ домѣ что-нибудь въ родѣ комитета или центра, куда бы стекались всѣ пожертвованія и откуда по всему уѣзду давались бы пособія и распоряженія; такая организація, допускавшая частыя совѣщанія и широкій свободный контроль, вполне отвѣчала моимъ взглядамъ; но я воображалъ закуски, обѣды, ужины и тотъ шумъ, праздность, говорливость и дурной тонъ, какіе неминуемо внесла бы въ мой домъ эта пестрая уѣздная компанія, и спѣшилъ отказаться отъ своей мысли.

Что касается моихъ домашнихъ, то ждать отъ нихъ помощи или поддержки я могъ меньше всего. Отъ моей первой, отцовской, когда-то большой и шумной семьи уцѣлѣла одна только гувернантка *m-me Marie*, или, какъ ее звали теперь, Марья Герасимовна, личность совершенно ничтожная. Эта маленькая, аккуратная старушка лѣтъ семидесяти,

одѣтая въ свѣтло-сѣрое платье и чепецъ съ бѣлыми лентами, похожая на фарфоровую куклу, всегда сидѣла въ гостиной и читала книгу. Когда я проходилъ мимо нея, она, зная причину моего раздумья, всякій разъ говорила:

— Что же вы хотите, Паша? Я и раньше говорила, что это такъ будетъ. Вы по нашей прислугѣ можете судить.

Моя вторая семья, то-есть жена Наталья Гавриловна, жила въ нижнемъ этажѣ, въ которомъ занимала всѣ комнаты. Обѣдала, спала и гостей своихъ принимала она у себя внизу, совсѣмъ не интересуясь тѣмъ, какъ обѣдаю, какъ силю и кого принимаю я. Отношенія наши были просты и не натянуты, но холодны, безсодержательны и скучны, какъ у людей, которые давно уже далеки другъ другу, такъ что даже ихъ жизнь въ смежныхъ этажахъ не походила на близость. Любви страстной, безпокойной, то сладкой, то горькой, какъ полынь, какую прежде возбуждала во мнѣ Наталья Гавриловна, уже не было; не было уже и прежнихъ вспышекъ, громкихъ разговоровъ, попрековъ, жалобъ и тѣхъ взрывовъ ненависти, которые оканчивались обыкновенно со стороны жены поѣздкой за границу или къ роднымъ, а съ моей стороны—посылкой денегъ по-немногу, но почаще, чтобы чаще жалить самолюбіе жены. (Моя гордая, самолюбивая жена и ея родня живутъ на мой счетъ, и жена при всемъ своемъ желаніи не можетъ отказаться отъ моихъ денегъ—это доставляло мнѣ удовольствіе и было единственнымъ утѣшеніемъ въ моемъ горѣ). Теперь, когда мы случайно встрѣчались внизу въ коридорѣ или на дворѣ, я кланялся, она привѣтливо улыбалась; говорили мы о погодѣ, о томъ, что, кажется, пора уже вставлять двойныя рамы и что кто-то со звонками по плотницъ проѣхалъ, и въ это время я читалъ на ея лицѣ: «Я вѣрна вамъ и не порочу вашего честнаго имени, которое вы такъ любите, вы умны и не безпоконте меня—мы квиты».

Я увѣрялъ себя, что любовь давно уже погасла во мнѣ и что работа слишкомъ глубоко захватила меня, чтобы я могъ серьезно думать о своихъ отношеніяхъ къ женѣ. Но, увы!—я только думалъ такъ. Когда жена громко разговаривала внизу, я внимательно прислушивался къ ея голосу, хотя нельзя было разобрать ни одного слова. Когда она играла внизу на рояли, я вставалъ и слушалъ. Когда ей подавали экипажъ или верховую лошадь, я подходилъ къ окну и ждалъ,

когда она выйдетъ изъ дому, потомъ смотрѣлъ, какъ она садилась въ коляску или на лошадь и какъ выѣзжала со двора. Я чувствовалъ, что у меня въ душѣ происходитъ что-то неладное, и боялся, что выраженіе моего взгляда и лица можетъ выдать меня. Я провожалъ жену глазами и потомъ ожидалъ ея возвращенія, чтобы опять увидѣть въ окно ея лицо, плечи, шубку, шляпку; мнѣ было скучно, грустно, безконечно жаль чего-то, и хотѣлось въ ея отсутствіе пройти по ея комнатамъ, и хотѣлось, чтобы вопросъ, который я и жена не сумѣли рѣшить, потому что не сошлись характерами, поскорѣе бы рѣшился самъ собою, естественнымъ порядкомъ, т. е. поскорѣе бы эта красивая 27-лѣтняя женщина состарилась и поскорѣе бы моя голова стала сѣдой и лысой.

Однажды во время завтрака мой приказчикъ Владиміръ Прохорычъ доложилъ мнѣ, что пестровскіе мужики стали уже сдирать соломенные крыши, чтобы кормить скотъ, Марья Герасимовна смотрѣла на меня со страхомъ и недоумѣніемъ.

— Что же я могу сдѣлать? — сказалъ я ей. — Одинъ въ полѣ не воинъ, а я еще никогда не испытывалъ такого одиночества, какъ теперь. Я бы дорого далъ, чтобы найти во всемъ уѣздѣ хоть одного человѣка, на котораго я могъ бы положиться.

— А вы пригласите Ивана Ивановича, — сказала Марья Герасимовна.

— Въ самомъ дѣлѣ! — вспомнилъ я и обрадовался. — Это идея! *C'est raison*, — заплѣлъ я, идя къ себѣ въ кабинетъ, чтобы написать письмо Ивану Ивановичу. — *C'est raison, c'est raison...*

II.

Изъ всей массы знакомыхъ, которые когда-то, лѣтъ 25—30 назадъ, пили въ этомъ домѣ, ѣли, пріѣзжали ряжеными, влюблялись, женились, надобдали разговорами о своихъ великолѣпныхъ сворахъ и лошадяхъ, остался въ живыхъ одинъ только Иванъ Ивановичъ Брагинъ. Когда-то онъ былъ очень дѣятеленъ, болтливъ, крикливъ и влюбчивъ, и славился своимъ крайнимъ направленіемъ и какимъ-то особеннымъ выраженіемъ лица, которое очаровывало не только женщинъ, но и мужчинъ; теперь же онъ совсѣмъ постарѣлъ, заплылъ жиромъ и доживалъ свой вѣкъ безъ направленія и выраженія. Пріѣхалъ онъ на другой день по полученіи отъ меня письма, вечеромъ, когда въ столо-

вой только-что подали самоваръ, и маленькая Марья Герасимовна рѣзала лимонъ.

— Очень радъ васъ видѣть, мой другъ,—сказала я весело, встрѣчая его.—А вы все полнѣете!

— Это я не полнѣю, а распухъ,—отвѣтилъ онъ.—Меня пчелы покусали.

Съ фамиллярностью человѣка, который самъ смѣется надъ своею толщиною, онъ взялъ меня обѣими руками за талию и положилъ мнѣ на грудь свою мягкую большую голову съ волосами, зачесанными на лобъ по-хохлацки, и залился тонкимъ, старческимъ смѣхомъ.

— А вы все молодѣете!—выговорилъ онъ сквозь смѣхъ.— Не знаю, какой это вы краской голову и бороду красите, мнѣ бы дали.—Опъ, соня и задыхаясь, обнялъ меня и поцѣловалъ въ щеку.—Мнѣ бы дали...—повторилъ онъ.—Да вамъ, родной мой, есть сорокъ?

— Ого, уже сорокъ-шесть!—засмѣялся я.

Отъ Ивана Ивановича пахло свѣчнымъ саломъ и кухоннымъ дымомъ, и это шло къ нему. Его большое, распухшее, неповоротливое тѣло было стянуто въ длинный скрутокъ, похожій на кучерской кафтанъ, съ крючками и съ петлями вмѣсто пуговицъ и съ высокою таліей, и было бы странно, если бы отъ него пахло, напримѣръ, одеколономъ. Въ двойномъ, давно не бритомъ, сизомъ, напоминавшемъ репейникъ, подбородкѣ, въ выпученныхъ глазахъ, въ одынкѣ и во всей неуклюжей, неряшливой фигурѣ, голосѣ, смѣхѣ и въ рѣчахъ трудно было узнать того стройнаго, интереснаго краснбая, къ которому когда-то уѣздные мужья ревновали своихъ женъ.

— Вы мнѣ очень пужны, мой другъ,—сказала я, когда мы уже сидѣли въ столовой и пили чай.—Хочется мнѣ организовать какую-нибудь помощь для голодающихъ, и я не знаю, какъ за это приняться. Такъ вотъ, быть-можетъ, вы будете любезны, посоветуете что-нибудь.

— Да, да, да...—сказала Иванъ Ивановичъ, вздыхая.—Такъ, такъ, такъ...

— Я въ васъ не безпокоилъ, но, право, кромѣ васъ, милѣйшій, тутъ положительно не къ кому обратиться. Вы знаете, какіе тутъ люди.

— Такъ, такъ, такъ... Да...

Я подумалъ: предстояло совѣщаніе серьезное и дѣловое,

въ которомъ могъ принимать участіе всякій, независимо отъ мѣста и личныхъ отношеній, а потому не пригласить ли Наталью Гавриловну?

— *Tres faciunt collegium!*—сказаль я весело.—Что, если бы мы пригласили Наталью Гавриловну? Какъ вы думаете? Феня,—обратился я къ горничной:—попросите Наталью Гавриловну пожаловать къ намъ наверхъ, если можно, сію минуту. Скажите: очень важное дѣло.

Немного погодя, пришла Наталья Гавриловна. Я поднялся ей навстрѣчу и сказаль:

— Простите, *Natalie*, что мы безпокоимъ васъ. Мы толкуемъ здѣсь объ одномъ очень важномъ дѣлѣ, и намъ пришла счастливая мысль воспользоваться вашимъ добрымъ совѣтомъ, въ которомъ вы намъ не откажете. Садитесь, прошу васъ.

Иванъ Ивановичъ поцѣловаль у Натальи Гавриловны руку, а она его въ голову, потомъ, когда всѣ сѣли за столъ, онъ, слезливо и блаженно глядя на нее, потянулся къ ней и опять поцѣловаль руку. Одѣта она была въ черное и старательно причесана, и пахло отъ нея свѣжими духами: очевидно, собралась въ гости или ждала къ себѣ кого-нибудь. Входя въ столовую, она просто и дружески протянула мнѣ руку и улыбалась мнѣ такъ же привѣтливо, какъ и Ивану Ивановичу—это понравилось мнѣ; но она, разговаривая, двигала пальцами, часто и рѣзко откидывалась на спинку стула и говорила быстро, и эта неровность въ рѣчахъ и движеніяхъ раздражала меня и напоминала мнѣ ея родину—Одессу, гдѣ общество мужчинъ и женщинъ когда-то утомляло меня своимъ дурнымъ тономъ.

— Я хочу сдѣлать что-нибудь для голодающихъ,—началь я и, помолчавъ немного, продолжалъ: — Деньги, разумѣется, великое дѣло, но ограничиться однимъ только денежнымъ пожертвованіемъ и на этомъ успокоиться, значило бы откупиться отъ главнѣйшихъ заботъ. Помощь должна заключаться въ деньгахъ, но главнымъ образомъ въ правильной и серьезной организаціи. Давайте же подумаемъ, господа, и сдѣлаемъ что-нибудь.

Наталья Гавриловна вопросительно посмотрѣла на меня и пожалала плечами, какъ бы желая сказать: «Что же я знаю?»

— Да, да, голодь...—забормоталь Иванъ Ивановичъ.—Дѣйствительно... Да...

— Положеніе серьезное,—сказаль я:—и помощь нужна

скорѣйшая. Полагаю, пунктомъ первымъ тѣхъ правилъ, которыя намъ предстоитъ выработать, должна быть именно скорость. По-военному: глазомѣръ, быстрота и натискъ.

— Да, быстрота... — проговорилъ Иванъ Ивановичъ сонно и вяло, какъ будто засыная.—Только ничего не подѣлаешь. Земля не уродила, такъ что ужъ тутъ... никакимъ глазомѣромъ и натискомъ ея не проймешь... Стихія... Противъ Бога и судьбы не пойдешь...

— Да, но вѣдь человѣку дана голова, чтобы бороться со стихіями.

— А? Да... Это такъ, такъ... Да.

Иванъ Ивановичъ чихнулъ въ платокъ, ожилъ и, какъ будто только-что проснулся, оглядѣлъ меня и жену.

— У меня тоже ничего не уродило, — засмѣялся онъ тонкимъ голосомъ и хитро подмигнулъ, какъ будто это въ самомъ дѣлѣ было очень смѣшно.—Денегъ нѣтъ, хлѣба нѣтъ, а работниковъ полно въ дворъ, какъ у графа Шереметьева. Хочу по шеямъ разогнать, да жалко какъ будто.

Наталья Гавриловна разсмѣялась и стала спрашивать Ивана Ивановича объ его домашнихъ дѣлахъ. Ея присутствіе доставляло мнѣ удовольствіе, какого я уже давно не испытывалъ, и я боялся смотрѣть на нее, чтобы мой взглядъ какъ-нибудь не выдалъ моего скрытаго чувства. Наши отношенія были таковы, что это чувство могло бы показаться неожиданнымъ и смѣшнымъ. Жена говорила съ Иваномъ Ивановичемъ и смѣялась, нисколько не смущаясь тѣмъ, что она у меня и что я не смѣюсь.

— Итакъ, господа, что же мы сдѣлаемъ?—спросилъ я, выждавъ паузу.—Полагаю, мы прежде всего, по возможности скорѣе, объявимъ подписку. Мы, Natalie, напишемъ нашимъ столичнымъ и одесскимъ знакомымъ и привлечемъ ихъ къ пожертвованіямъ. Когда же у насъ соберется малая толика, мы займемся покупкой хлѣба и корма для скота, а вы, Иванъ Ивановичъ, будете добры, займитесь распределеніемъ пособій. Во всемъ полагаясь на присущіе вамъ тактъ и распорядительность, мы съ своей стороны позволимъ себѣ только выразить желаніе, чтобы вы, прежде чѣмъ выдавать пособіе, подробно знакомились на мѣстѣ со всѣми обстоятельствами дѣла, а также, что очень важно, имѣли бы наблюденіе, чтобы хлѣбъ былъ выдаваемъ только истинно нуждающимся, но отнюдь не пьяницамъ, не лѣнтяямъ и не кулакамъ.

— Да, да, да...—забормоталъ Иванъ Иванычъ.—Такъ, такъ, такъ...

«Ну, съ этой слянювою развалиной каши не сваришь»,— подумалъ я и почувствовалъ раздраженіе.

— Надоѣли мнѣ эти голодающіе, ну ихъ! И все обижаются и все обижаются,—продолжалъ Иванъ Иванычъ, обсасывая лимонную корку. — Голодные обижаются на сытыхъ. И тѣ, у кого есть хлѣбъ, обижаются на голодныхъ. Да... Съ голоду человѣкъ шалѣетъ, дурѣетъ, становится дикій. Голодъ не картошка. Голодный и грубости говорить, и воруетъ, и, можетъ, еще что похуже... Понимать надо.

Иванъ Иванычъ поперхнулся чаемъ, закашлялся и весь затрясся отъ скрипучаго удушливаго смѣха.

— Было дѣло подь По... Полтавой! — выговорилъ онъ, отмахиваясь обѣими руками отъ смѣха и кашля, которые мѣшали ему говорить. — Было дѣло подь Полтавой! Когда года черезъ три послѣ воли былъ тутъ въ двухъ уѣздахъ голодъ, прѣзжаетъ ко мнѣ покойничекъ Ѳеодоръ Ѳеодорычъ и зоветъ къ себѣ. Поѣдемъ да поѣдемъ,—присталъ, какъ съ ножомъ къ горлу. Отчего жъ? Поѣдемъ, говорю. Ну, взяли и поѣхали. Дѣло было къ вечеру, снѣжокъ шелъ. Подѣзжаемъ уже ночью къ его усадьбѣ и вдругъ изъ лѣсу— бацъ! и въ другой разъ: бацъ! Ахъ ты, шутъ тебя... Выскочилъ я изъ саней, гляжу—въ потемкахъ на меня человѣкъ бѣжитъ и по колѣна въ снѣгу грузнетъ; я его обхватилъ рукой за плечи, вотъ этакъ, и выбилъ изъ рукъ ружьишко, потомъ другой подвернулся, я его по затылку урѣзалъ, такъ что онъ крикнулъ и въ снѣгъ носомъ чкнулся, — здоровый я тогда былъ, рука тяжелая; я съ двумя управился, гляжу, а Ѳеда уже на третьемъ верхомъ сидитъ. Задержали мы трехъ молодчиковъ, ну, скрутили имъ назадъ руки, чтобъ какого зла намъ и себѣ не сдѣлали, и привели дураковъ въ кухню. И зло на нихъ беретъ, и глядѣтъ стыдно: мужики-то знакомые и народъ хоропій, жалко. Совсѣмъ одурѣли съ перепугу. Одинъ плачетъ и прощенія проситъ, другой звѣремъ глядитъ и ругается, третій сталъ на колѣни и Богу молится. Я и говорю Ѳедѣ: не обижайся, отпусти ты ихъ, подлецовъ! Онъ накормилъ ихъ, далъ по пуду муки и отпустилъ: ступайте къ шуту! Такъ вотъ какъ... Царство небесное, вѣчный покой! Понималъ и не обижался, а были, которые обижались, и сколько

народу перепортили! Да... Изъ-за одного клочковскаго кабака одиннадцать человекъ въ арестантскія роты пошло. Да... И теперь, гляди, то же самое... Въ четвергъ у меня ночевалъ слѣдователь Анисимъ, такъ вотъ онъ рассказывалъ про какого-то помѣщика... Да... Ночью у помѣщика разобрали стѣну въ амбарѣ и вытащили двадцать кулей ржи. Когда утромъ помѣщикъ узналъ, что у него такой криминалъ случился, то сейчасъ бухъ губернатору телеграмму, потомъ другую бухъ прокурору, третью исправнику, четвертую слѣдователю... Извѣстно, кляузниковъ бояться... Начальство исполошилось, и началась катавасія. Двѣ деревни обыскали.

— Позвольте, Иванъ Ивановичъ,—сказалъ я.—Двадцать кулей ржи украли у меня, и это я телеграфировалъ губернатору. Я и въ Петербургъ телеграфировалъ. Но это вовсе не изъ любви къ кляузничеству, какъ вы изволили выразиться, и не потому, что я обижался. На всякое дѣло я прежде всего смотрю съ принципиальной стороны. Крадутъ ли сытый или голодный—для закона безразлично.

— Да, да...—забормоталъ Иванъ Ивановичъ, смутившись.—Конечно... Такъ, да...

Наталья Гавриловна покраснѣла.

— Есть люди...—сказала она и остановилась; она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы казаться равнодушной, но не выдержала и посмотрѣла мнѣ въ глаза съ ненавистью, которая мнѣ была такъ знакома. — Есть люди, — сказала она:— для которыхъ голодъ и человѣческое горе существуютъ только для того, чтобы можно было срывать на нихъ свой дурной, ничтожный характеръ.

Я смутился и пожалъ плечами.

— Я хочу сказать вообще,—продолжала она:— есть люди совершенно равнодушные, лишенные всякаго чувства состраданія, но которые не проходятъ мимо человѣческаго горя и вмѣшиваются изъ страха, что безъ нихъ могутъ обойтись. Для ихъ тщеславія нѣтъ ничего святого.

— Есть люди,—сказалъ я мягко:—которые обладаютъ ангельскимъ характеромъ, но выражаютъ свои великолѣпныя мысли въ такой формѣ, что бываетъ трудно отличить ангела отъ особы, торгующей въ Одессѣ на базарѣ.

Сознаюсь, это было сказано неудачно.

Жена поглядѣла на меня такъ, какъ будто ей стоило

большихъ усилій, чтобы молчать. Ея внезапная вспышка и затѣмъ неумѣстное краснорѣчіе по поводу моего желанія помочь голодающимъ были по меньшей мѣрѣ неумѣстны; когда я приглашалъ ее наверхъ, я ожидалъ совсѣмъ иного отношенія къ себѣ и къ своимъ намѣреніямъ. Не могу сказать опредѣленно, чего я ожидалъ, но ожиданіе пріятно волновало меня. Теперь же я видѣлъ, что продолжать говорить о голодающихъ было бы тяжело и, пожалуй, не умно.

— Да... — забормоталъ Иванъ Ивановичъ некстати. — У купца Бурова тысячь четыреста есть, а, можетъ, и больше. Я ему и говорю: «Отвали-ка, тезка, голодающимъ тысячь сто или двѣсти. Все равно помирать будетъ, на тотъ свѣтъ съ собой не возьмешь». Обидѣлся. А помирать-то вѣдь надо. Смерть не картошка.

Опять наступило молчаніе.

— Итакъ, значитъ, остается одно: мириться съ одиночествомъ, — вздохнулъ я. — Одинъ въ полѣ не воинъ. Ну, что жъ! Попробую и одинъ воевать. Авось, война съ голодомъ будетъ болѣе успѣшна, чѣмъ война съ равнодушіемъ.

— Меня внизу ждуть, — сказала Наталья Гавриловна. — Она встала изъ-за стола и обратилась къ Ивану Ивановичу: — Такъ вы придете ко мнѣ внизъ на минуточку? Я не прощаюсь съ вами.

И ушла.

Иванъ Ивановичъ пилъ уже седьмой стаканъ, задыхаясь, чмокая и обсасывая то усы, то лимонную корку. Онъ сонно и вяло бормоталъ о чемъ-то, а я не слушалъ и ждалъ, когда онъ уйдетъ. Наконецъ, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ пріѣхалъ ко мнѣ только за тѣмъ, чтобы напиться чаю, онъ поднялся и сталъ прощаться. Провожая его, я сказалъ:

— Итакъ, вы не дали мнѣ никакого совѣта.

— А? Я человекъ сырой, отупѣлъ, — отвѣтилъ онъ. — Какіе мои совѣты? И вы напрасно беспокоитесь... Не знаю, право, отчего вы беспокоитесь? Не беспокойтесь, голубчикъ! Ей-Богу ничего нѣтъ... — зашепталъ онъ ласково и искренно, успокаивая меня, какъ ребенка. — Ей-Богу ничего!..

— Какъ же ничего? Мужики сдираютъ съ избъ крыши и уже, говорятъ, гдѣ-то тифъ.

— Ну, такъ что же? Въ будущемъ году уродить, будутъ новыя крыши, а если помремъ отъ тифа, то послѣ насъ

другіе люди жить будутъ. И все равно помирать надо, не теперь, такъ послѣ. Не безпокойтесь, красавецъ!

— Я не могу не безпокоиться,—сказалъ я раздраженно.

Мы стояли въ слабо освѣщенной передней. Иванъ Иванычъ вдругъ взялъ меня за локоть и, собираясь сказать что-то, повидимому, очень важное, съ долминуты молча смотрѣлъ на меня.

— Павелъ Андреичъ!—сказалъ онъ тихо, и на его жирномъ застывшемъ лицѣ и въ темныхъ глазахъ вдругъ вспыхнуло то особенное выраженіе, которымъ онъ когда-то славился, въ самомъ дѣлѣ очаровательное. — Павелъ Андреичъ, скажу я вамъ по-дружески: перемѣните вашъ характеръ! Тяжело съ вами! Голубчикъ, тяжело!

Онъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо; прекрасное выраженіе потухло, взглядъ потускнѣлъ, и онъ забормоталъ вяло и соня.

— Да, да... Извините старика... Чепухенція... Да...

Тяжело спускаясь внизъ по лѣстницѣ, растопыривъ руки для равновѣсія и показывая мнѣ свою жирную громадную спину и красный затылокъ, онъ давалъ нещпрятное впечатлѣніе какого-то краба.

— Ъхали бы вы куда - нибудь, ваше превосходительство,—бормоталъ онъ. — Въ Петербургъ или за границу... Зачѣмъ вамъ тутъ жить и золотое время терять? Человѣкъ вы молодой, здоровый, богатый... Да... Эхъ, будь я помоложе, улепенутъ бы, какъ заяцъ, и только бы въ ушахъ засвистѣло!

III.

Вспышка жены напомнила мнѣ нашу супружескую жизнь. Прежде, обыкновенно, послѣ всякой вспышки насъ непреодолимо тянуло другъ къ другу, мы сходились и пускали въ ходъ весь динамитъ, какой съ теченіемъ времени скоплялся въ нашихъ душахъ. И теперь послѣ ухода Ивана Иваныча, меня сильно потянуло къ женѣ. Мнѣ хотѣлось сойти внизъ и сказать ей, что ея поведеніе за чаемъ оскорбило меня, что она жестока, мелочна, и со своимъ мѣщанскимъ умомъ никогда не возвышалась до пониманія того, что я говорю и что я дѣлаю. Я долго ходилъ по комнатамъ, придумывая, что скажу ей, и угадывая то, что она мнѣ отвѣтитъ.

То безпокойство, которое томило меня въ послѣднее время,

въ этотъ вечеръ, когда ушелъ Иванъ Ивановичъ, я чувствовалъ въ какой-то особенной раздражающей формѣ. Я не могъ ни сидѣть, ни стоять, а ходилъ и ходилъ, приче́мъ выбиралъ только освѣщенные комнаты и держался ближе той, въ которой сидѣла Марья Герасимовна. Было чувство, очень похожее на то, какое я испытывалъ однажды на Нѣмецкомъ морѣ во время бури, когда всѣ боялись, что пароходъ, не имѣвшій груза и балласта, опрокинется. И въ этотъ вечеръ я понялъ, что мое безпокойство было не разочарованіе, какъ я думалъ раньше, а что-то другое, но что именно, я не понималъ, и это меня еще больше раздражало.

«Пойду къ ней,—рѣшилъ я.—А предлогъ можно выдумать. Скажу, что мнѣ понадобился Иванъ Ивановичъ, вотъ и все».

Я спустился внизъ и по коврамъ, не торопясь, прошелъ переднюю и залу. Иванъ Ивановичъ сидѣлъ въ гостиной на диванѣ, опять пилъ чай и бормоталъ. Жена стояла противъ него, держась за спинку кресла. На лицѣ у нея было то тихое, сладкое и послушное выраженіе, съ какимъ слушаютъ юродивыхъ и блаженненькихъ, когда въ ничтожныхъ словахъ и въ бормотаньѣ предполагаютъ особое, скрытое значеніе. Въ выраженіи и позѣ жены, показалось мнѣ, было что-то психопатическое или монашеское, и ея комнаты со старинною мебелью, со спящими птицами въ клѣткахъ и съ запахомъ герани, невысокія, полутемныя, очень теплыя, напоминали мнѣ покои игуменьи или какой-нибудь богомольной старухи-генеральши.

Я вошелъ въ гостиную. Жена не выразила ни удивленія, ни смущенія и посмотрѣла на меня сурово и спокойно, какъ будто знала, что я приду.

— Виноватъ, — сказалъ я мягко. — Очень радъ, Иванъ Ивановичъ, что вы еще не уѣхали. Забылъ я у васъ наверху спросить: не знаете ли, какъ имя и отчество предсѣдателя нашей земской управы?

— Андрей Станиславовичъ. Да...

— Merci, — сказалъ я, досталъ изъ кармана книжку и записалъ.

Настуило молчаніе, въ продолженіе котораго жена и Иванъ Ивановичъ, вѣроятно, ждали, когда я уйду; жена не вѣрила, что мнѣ нуженъ предсѣдатель земской управы—это я видѣлъ по ея глазамъ.

— Такъ я поѣду, красавица,—забормоталъ Иванъ Ива-

нычь, когда я прошелся по гостиной разъ-другой и потомъ сѣлъ около камина.

— Нѣтъ, — быстро сказала Наталья Гавриловна, дотронувшись до его руки. — Еще четверть часа... Прощу васъ.

Очевидно, ей не хотѣлось оставаться со мной съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей.

«Что жь, я и подожду четверть часа», — подумалъ я.

— А, идетъ снѣгъ! — сказалъ я, вставая и глядя въ окно. — Превосходный снѣгъ! Иванъ Ивановичъ, — продолжалъ я, прохаживаясь по гостиной: — я очень жалѣю, что я не охотникъ. Воображаю, какое удовольствіе по такому снѣгу гоняться за зайцами и волками!

Жена, стоя на одномъ мѣстѣ и не поворачивая головы, а только искоса поглядывая, слѣдила за моими движеніями; у нея было такое выраженіе, какъ будто я пряталъ въ карманъ острый ножъ и револьверъ.

— Иванъ Ивановичъ, возьмите меня какъ-нибудь на охоту, — продолжалъ я мягко. — Я буду вамъ очень, очень благодаренъ.

Въ это время въ гостиную вошелъ гость. Это былъ незнакомый мнѣ господинъ, лѣтъ сорока, высокій, плотный, плѣшивый, съ большою русою бородою и съ маленькими глазами. По помятому, мѣшкловатому платью и по манерамъ я принялъ его за дьячка или учителя, но жена отрекомендовала мнѣ его докторомъ Соболевъ.

— Очень, очень радъ познакомиться! — сказалъ докторъ громко, теноромъ, крѣпко пожимая мнѣ руку и наивно улыбаясь. — Очень радъ.

Онъ сѣлъ за столъ, взялъ стаканъ чаю и сказалъ громко:

— А нѣтъ ли у васъ случаемъ рому или коньячку? Будьте милостивы, Оля, — обратился онъ къ горничной: — поищите въ шкапчикъ, а то я озябъ.

Я опять сѣлъ у камина, глядѣлъ, слушалъ и изрѣдка вставлялъ въ общій разговоръ какое-нибудь слово. Жена привѣтливо улыбалась гостямъ и зорко слѣдила за мною, какъ за звѣремъ; она тяготилась моимъ присутствіемъ, а это возбуждало во мнѣ ревность, досаду и упрямое желаніе причинить ей боль. Жена, думалъ я, эти уютныя комнаты, мѣстечко около камина — мои, давно мои, но почему-то какой-нибудь выжившій изъ ума Иванъ Ивановичъ или Соболевъ имѣютъ на нихъ больше правъ, чѣмъ я. Теперь я

вижу жену не въ окно, а вблизи себя, въ обычной домашней обстановкѣ, въ той самой, которой недостаетъ мнѣ теперь въ мои пожилые годы, и несмотря на ея ненависть ко мнѣ, я скучаю по ней, какъ когда-то въ дѣтствѣ скучалъ по матери и нянѣ, и чувствую, что теперь подъ старость, я люблю ее чище и выше, чѣмъ любилъ прежде,—и поэтому мнѣ хочется подойти къ ней, покрѣпче наступить ей каблукомъ на носокъ, причинить боль и при этомъ улыбнуться.

— Мосье Еноть, — обратился я къ доктору: — сколько у насъ въ уѣздѣ больницъ?

— Сობоль... — поправила жена.

— Двѣ-сѣ, — отвѣтилъ Сობоль.

— А сколько покойниковъ приходится ежегодно на долю каждой больницы?

— Павелъ Андреичъ, мнѣ нужно поговорить съ вами, — сказала мнѣ жена.

Она извинилась предъ гостями и вышла въ сосѣдную комнату. Я всталъ и пошелъ за ней.

— Вы сію же минуту уйдете къ себѣ наверхъ, — сказала она.

— Вы дурно воспитаны, — сказалъ я.

— Вы сію же минуту уйдете къ себѣ наверхъ, — рѣзко повторила она и съ ненавистью посмотрѣла мнѣ въ лицо.

Она стояла такъ близко, что если бы я немножко нагнулся, то моя борода коснулась бы ея лица.

— Но что такое? — сказалъ я. — Въ чемъ я такъ вдругъ провинился?

Подбородокъ ея задрожалъ. она торопясь вытерла глаза, мелькомъ взглянула на себя въ зеркало и прошептала:

— Начинается опять старая исторія. Вы, конечно, не уйдете. Ну, какъ хотите. Я сама уйду, а вы оставайтесь.

Она съ рѣшительнымъ лицомъ, а я пожмая плечами и стараясь насмѣшливо улыбаться, вернулись въ гостиную. Здѣсь уже были новые гости: какая-то пожилая дама и молодой человекъ въ очкахъ. Не здороваясь съ новыми и не прощаясь со старыми, я пошелъ къ себѣ.

Послѣ того, что произошло у меня за чаемъ и потомъ внизу, для меня стало ясно, что наше «семейное счастье», о которомъ мы стали уже забывать въ эти послѣдніе два года, въ силу какихъ-то ничтожныхъ, бессмысленныхъ причинъ возобновлялось опять, и что ни я, ни жена не могли

уже остановиться, и что завтра или послѣзавтра вслѣдъ за взрывомъ ненависти, какъ я могъ судить по опыту прошлыхъ лѣтъ, должно будетъ произойти что-нибудь отвратительное, что перевернетъ весь порядокъ нашей жизни. Значить, въ эти два года, думалъ я, начиная ходить по своимъ комнатамъ, мы не стали умнѣе, холоднѣе и покойнѣе. Значить, опять пойдутъ слезы, крики, проклятія, чемоданы, заграница, потомъ постоянный болѣзненный страхъ, что она тамъ, за границей, съ какимъ-нибудь франтомъ, италянцемъ или русскимъ, надругается надо мной, опять отказъ въ паспортъ, письма, круглое одиночество, скука по ней, а черезъ пять лѣтъ старость, сѣдые волосы... Я ходилъ и воображалъ то, чего не можетъ быть, какъ она, красивая, пополнившаяся, обнимается съ мужчиною, котораго я не знаю... Уже увѣренный, что это непременно произойдетъ, отчего,—спрашивалъ я себя въ отчаяніи,—отчего въ одну изъ прошлыхъ давнишнихъ ссоръ я не далъ ей развода, или отчего она въ ту пору не ушла отъ меня со-всѣмъ, навсегда? Теперь бы не было этой тоски по ней, ненависти, тревоги, и я доживалъ бы свой вѣкъ покойно, работалъ, ни о чемъ не думая...

Во дворъ вѣхала карета съ двумя фонарями, потомъ широкія сани тройкой. У жены, очевидно, былъ вечеръ.

До полуночи внизу было тихо, и я ничего не слышалъ, но въ полночь задвигали стульями, застучали посудой. Значить ужинъ. Потомъ опять задвигали стульями, и мнѣ изъ-подъ пола слышался шумъ; кричали, кажется, ура. Марья Герасимовна уже спала, и во всемъ верхнемъ этажѣ былъ только я одинъ; въ гостиной глядѣли на меня со стѣнъ портреты моихъ предковъ, людей ничтожныхъ и жестокихъ, а въ кабинетѣ непріятно подмигивало отраженіе моей лампы въ окнѣ. И съ завистливымъ, ревнивымъ чувствомъ къ тому, что происходило внизу, я прислушивался и думалъ: «Хозяинъ тутъ я; если захочу, то въ одну минуту могу разогнать всю эту почтенную компанію». Но я зналъ, что это вздоръ, никого разогнать нельзя и слово «хозяинъ» ничего не значить. Можно сколько угодно считать себя хозяиномъ, женатымъ, богатымъ, камеръ-юнкеромъ, и въ то же время не знать, что это значить.

Послѣ ужина кто-то внизу запѣлъ теноромъ.

«Вѣдь ничего же не случилось особеннаго!—убѣждалъ я

себя.—Что же я такъ волнуюсь? Завтра не пойду къ ней внизъ, вотъ и все—и конецъ нашей ссорѣ».

Въ четверть второго я пошелъ спать.

— Внизу уже разѣхались гости? — спросилъ я у Алексѣя, который раздѣвалъ меня.

— Точно такъ, разѣхались.

— А зачѣмъ кричали ура?

— Алексѣй Дмитричъ Махоновъ пожертвовали на голодающихъ тысячу пудовъ муки и тысячу рублей денегъ. И старая барыня, не знаю какъ ихъ звать, обѣщали устроить у себя въ имѣніи столовую на полтораста человѣкъ. Слава Богу-съ... Отъ Натальи Гавриловны вышло такое рѣшеніе: всѣмъ господамъ собраться каждую пятницу.

— Собраться здѣсь внизу?

— Точно такъ. Передъ ужиномъ бумагу читали: съ августа по сей день Наталья Гавриловна собрали тысячь восемь деньгами, кромѣ хлѣба. Слава Богу-съ... Я такъ понимаю, ваше превосходительство, ежели барыня похлопочуть за спасеніе души, то много соберутъ. Народъ тутъ есть богатый.

Отпустивъ Алексѣя, я потушилъ огонь и укрылся съ головой.

«Въ самомъ дѣлѣ, что я такъ безпокоюсь?—думалъ я.—Какая сила тянетъ меня къ голодающимъ, какъ бабочку на огонь? Вѣдь я же ихъ не знаю, не понимаю, никогда не видѣлъ и не люблю. Откуда же это безпокойство?»

Я вдругъ перекрестился подъ одеяломъ.

«Но какова?—говорилъ я себѣ, думая о женѣ. — Тайно отъ меня въ этомъ домѣ цѣлый комитетъ. Почему тайно? Почему заговоръ? Что я имъ сдѣлалъ?»

Иванъ Ивановичъ правъ:—мнѣ нужно уѣхать!

На другой день я проснулся съ твердымъ рѣшеніемъ—поскорѣе уѣхать. Подробности вчерашняго дня—разговоръ за чаемъ, жена, Соболевъ, ужинъ, мои страхи—томили меня, и я радъ былъ, что скоро избавлюсь отъ обстановки, которая напоминала мнѣ обо всемъ этомъ. Когда я пилъ кофе, управляющій Владиміръ Прохорычъ длинно докладывалъ мнѣ о разныхъ дѣлахъ. Самое пріятное онъ приберегъ къ концу.

— Воры, что рожь у насъ украли, нашлись,—доложилъ онъ, улыбаясь.—Вчера слѣдователь арестовалъ въ Пестровѣ трехъ мужиковъ.

— Убирайтесь вонъ!—крикнулъ я ему, странно разсер-

дился, и ни съ того ни съ сего схватилъ корзину съ бисквитами и бросилъ ее на полъ.

IV.

Послѣ завтрака я потиралъ руки и думалъ: надо пойти къ женѣ и объявить ей о своемъ отъѣздѣ. Для чего? Кому это нужно? Никому не нужно, отвѣчалъ я себѣ, но почему же и не объявить, тѣмъ болѣе, что это не доставить ей ничего, кромѣ удовольствія? Къ тому же уѣхать послѣ вчерашней ссоры, не сказавши ей ни одного слова, было бы не совсѣмъ тактично: она можетъ подумать, что я испугался ее, и, пожалуй, мысль, что она выжила меня изъ моего дома, будетъ тяготить ее. Не мѣшаетъ также объявить ей, что я жертвую пять тысячъ, и дать ей нѣсколько совѣтовъ насчетъ организаци и предостеречь, что ея неопытность въ такомъ сложномъ, отвѣтственномъ дѣлѣ можетъ повести къ самымъ плачевнымъ результатамъ. Однимъ словомъ, меня тянуло къ женѣ и, когда я придумывалъ разные предлоги, чтобы пойти къ ней, во мнѣ уже сидѣла крѣпкая увѣренность, что я это непременно сдѣлаю.

Когда я пошелъ къ ней, было свѣтло и еще не зажгали лампъ. Она сидѣла въ своей рабочей комнатѣ, проходной между гостиной и спальней, и, низко нагнувшись къ столу, что-то быстро писала. Увидѣвъ меня, она вздрогнула, вышла изъ-за стола и остановилась въ такой позѣ, какъ будто загораживала отъ меня свои бумаги.

— Виноватъ, я на одну минуту,—сказалъ я и, не знаю отчего, смутился. — Я узналъ случайно, что вы, Natalie, организуете помощь голодающимъ.

— Да, организую. Но это мое дѣло,—отвѣтила она.

— Да, это ваше дѣло,—сказалъ я мягко.—Я радъ ему, потому что оно вполне отвѣчаетъ моимъ намѣреніямъ. Я прошу позволенія участвовать въ немъ.

— Простите, я не могу вамъ этого позволить,—отвѣтила она и посмотрѣла въ сторону.

— Почему же, Natalie?—спросилъ я тихо.—Почему же? Я тоже сытъ и тоже хочу помочь голодающимъ.

— Я не знаю, при чемъ вы тутъ?—спросила она, презрительно усмѣхнувшись и пожавъ однимъ плечомъ.—Васъ никто не проситъ.

— И васъ никто не проситъ, однако же, вы въ моемъ домѣ устроили цѣлый комитетъ!—сказалъ я.

— Меня просить, а васъ, повѣрите, никто и никогда не попроситъ. Идите, помогайте тамъ, гдѣ васъ не знаютъ.

— Бога ради, не говорите со мною такимъ тономъ.

Я старался быть кроткимъ и всеми силами души умолялъ себя не терять хладнокровія. Въ первыя минуты мнѣ было хорошо около жены. На меня вѣяло чѣмъ-то мягкимъ, домовитымъ, молодымъ, женственнымъ, въ высшей степени изящнымъ, именно тѣмъ, чего такъ не хватало въ моемъ этажѣ и вообще въ моей жизни. На женѣ былъ канотъ изъ розовой фланели — это сильно молодило ее и придавало мягкость ея быстрымъ, иногда рѣзкимъ движеніямъ. Ея хорошіе темные волосы, одинъ видъ которыхъ когда-то возбуждалъ во мнѣ страсть, теперь оттого, что она долго сидѣла нагнувшись, выбились изъ прически и имѣли беспорядочный видъ, но отъ этого казались мнѣ еще пышнѣе и роскошнѣе. Впрочемъ, все это банально до пошлости. Передо мною стояла обыкновенная женщина, быть-можетъ, некрасивая и неизящная, но это была моя жена, съ которой я когда-то жилъ и съ которою жилъ бы до сего дня, если бы не ея несчастный характеръ; это былъ единственный на всемъ земномъ шарѣ человекъ, котораго я любилъ. Теперь передъ отъѣздомъ, когда я зналъ, что не буду видѣть ея даже въ окно, она, даже суровая и холодная, отвѣчающая мнѣ съ гордою, презрительною усмѣшкой, казалась обольстительной, я гордился ею и сознавался себѣ, что уѣхать отъ нея мнѣ страшно и невозможно.

— Павелъ Андреичъ, — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: — два года мы не мѣшали другъ другу и жили покойно. Зачѣмъ это вдругъ вамъ такъ понадобилось возвращаться къ прошлому? Вчера вы пришли, чтобы оскорбить меня и унижить, — продолжала она, возвышая голосъ, и лицо ея покраснѣло, и глаза вспыхнули ненавистью: — но воздержитесь, не дѣлайте этого, Павелъ Андреичъ! Завтра я подамъ прошеніе, мнѣ дадутъ паспортъ, и я уйду, уйду, уйду! Уйду въ монастырь, во вдовій домъ, въ богадѣльню...

— Въ сумасшедшій домъ! — крикнулъ я, не выдержавъ.

— Даже въ сумасшедшій домъ! Лучше! лучше! — продолжала она кричать, блестя глазами. — Сегодня, когда я была въ Пестровѣ, я завидовала голоднымъ и больнымъ бабамъ, потому что онѣ не живутъ съ такимъ человекомъ, какъ вы. Онѣ честны и свободны, а я, по вашей милости, тунея-

дипа, погибаю въ праздности, ѣмъ вашъ хлѣбъ, трачу ваши деньги и плачу вамъ своею свободой и какою-то вѣрностью, которая никому не нужна. За то, что вы не даете мнѣ паспорта, я должна стеречь ваше честное имя, котораго у васъ нѣтъ.

Надо было молчать. Стиснувъ зубы, я быстро вышелъ въ гостиную, но тотчасъ же вернулся и сказалъ:

— Убѣдительно прошу, чтобы этихъ сборницъ, заговоровъ и конспиративныхъ квартиръ у меня въ домѣ больше не было! Въ свой домъ я пускаю только тѣхъ, съ кѣмъ я знакомъ, а эта вся ваша сволочь, если ей угодно заниматься филантропіей, пусть ищетъ себѣ другое мѣсто. Я не позволю, чтобы въ моемъ домѣ по ночамъ кричали ура отъ радости, что могутъ эксплуатировать такую психопатку, какъ вы!

Жена, ломая руки и съ протяжнымъ стономъ, какъ будто у нея болѣли зубы, блѣдная, быстро прошла изъ угла въ уголь. Я махнулъ рукой и вышелъ въ гостиную. Меня душило бѣшенство, и въ то же время я дрожалъ отъ страха, что не выдержу и сдѣлаю или скажу что-нибудь такое, въ чемъ буду раскаиваться всю мою жизнь. И я крѣпко сжималъ себѣ руки, думая, что этимъ сдерживаю себя.

Выпивъ воды, немного успокоившись, я вернулся къ женѣ. Она стояла въ прежней позѣ, какъ бы загораживая отъ меня столъ съ бумагами. По ея холодному, блѣдному лицу медленно текли слезы. Я помолчалъ и сказалъ ей съ горечью, но уже безъ гнѣва:

— Какъ вы меня не понимаете! Какъ вы ко мнѣ несправедливы! Клянусь честью, я шелъ къ вамъ съ чистыми побужденіями, съ единственнымъ желаніемъ — сдѣлать добро!

— Павелъ Андреичъ, — сказала она, сложивъ на груди руки, и ея лицо приняло страдальческое, умоляющее выраженіе, съ какимъ испуганныя, плачущія дѣти просятъ, чтобы ихъ не наказывали. — Я отлично знаю, вы мнѣ откажете, но я все-таки прошу. Принудьте себя, сдѣлайте хоть разъ въ жизни доброе дѣло. Я прошу васъ, уѣзжайте отсюда! Это единственное, что вы можете сдѣлать для голодающихъ. Уѣзжайте, и я прощу вамъ все, все!

— Напрасно вы меня оскорбляете, Natalie, — вздохнулъ я, чувствуя вдругъ особенный приливъ смиренія. — Я уже рѣшилъ уѣхать, но я не уѣду, прежде чѣмъ не сдѣлаю чего-нибудь для голодающихъ. Это — мой долгъ.

— Ахъ! — сказала она тихо и нетерпѣливо поморщивъ

лась.—Вы можете сдѣлать отличную желѣзную дорогу или мостъ, но для голодающихъ вы ничего не можете сдѣлать. Поймите вы!

— Да? Вы вчера попрекнули меня въ равнодушїи и въ томъ, что я лишень чувства состраданїя. Какъ вы меня хорошо знаете!—усмѣхнулся я.—Вы вѣруете въ Бога, такъ вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что я безпокоюсь день и ночь....

— Я вижу, что вы безпокоитесь, но голодъ и состраданїе тутъ ни при чемъ. Вы безпокоитесь оттого, что голодающїе обходятся безъ васъ, и что земство и вообще всѣ помогающїе не нуждаются въ вашемъ руководительствѣ.

Я помолчалъ, чтобы подавить въ себѣ раздраженїе и сказалъ:

— Я пришель, чтобы поговорить съ вами о дѣлѣ. Садитесь. Садитесь, прощу васъ.

Она не садилась.

— Садитесь, прощу васъ!—повторилъ я и указаль ей на стуль.

Она сѣла. Я тоже сѣлъ, подумаль и сказалъ:

— Прошу васъ отнестись серьезно къ тому, что я говорю. Слушайте... Вы, побуждаемая любовью къ ближнему, взяли на себя организацію помощи голодающимъ. Противъ этого, конечно, я ничего не имѣю, исполнѣ вамъ сочувствую и готовъ оказывать вамъ всякое содѣйствїе, каковы бы отношенїя наши ни были. Но при всемъ уваженїи моемъ къ вашему уму и сердцу... и сердцу,—повторилъ я:—я не могу допустить, чтобы такое трудное, сложное и отвѣтственное дѣло, какъ организація помощи, находилась въ однѣхъ только вашихъ рукахъ. Вы женщина, вы неопытны, незнакомы съ жизнью, слишкомъ довѣрчивы и экспансивны. Вы окружили себя помощниками, которыхъ совершенно не знаете. Не преувеличу, если скажу, что при названныхъ условїяхъ ваша дѣятельность неминуемо повлечетъ за собою два печальныхъ послѣдствїя. Во-первыхъ, нашъ уѣздъ останется совершенно безъ помощи, и во-вторыхъ, за свои ошибки и за ошибки вашихъ помощниковъ вамъ придется расплачиваться не только собственными карманами, но и своею репутаціей. Растраты и упущенїя, допустимъ, я покрою, но кто вамъ возвратитъ вамъ честное имя? Когда вслѣдствїе плохого контроля и упущенїй разнесется слухъ, что вы, а, стало-быть, и я, нажили на этомъ дѣлѣ двѣсти тысячъ, то развѣ ваши помощники придуть къ вамъ на помощь?

Она молчала.

— Не изъ самолюбія, какъ вы говорите, — продолжалъ я:— а просто изъ расчета, чтобы голодающіе не остались безъ помощи, а вы безъ честнаго имени, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ вмѣшаться въ ваши дѣла.

— Говорите покороче, — сказала жена.

— Вы будете такъ добры, — продолжалъ я:— укажите мнѣ, сколько у васъ поступило до сегодня на приходъ и сколько вы уже потратили. Затѣмъ о каждомъ новомъ поступленіи деньгами или натурой, о каждомъ новомъ расходѣ вы будете ежедневно извѣщать меня. Вы, Natalie, дадите мнѣ также списокъ вашихъ помощниковъ. Быть-можетъ, они исполнѣ порядочные люди, я не сомнѣваюсь въ этомъ, но все-таки необходимо навести справки.

Она молчала. Я всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Давайте же займемся, — сказалъ я и сѣлъ за ея столъ.

— Вы это серьезно? — спросила она, глядя на меня съ недоумѣніемъ и испугомъ.

— Natalie, будьте разсудительны! — сказалъ я умоляюще, видя по ея лицу, что она хочетъ протестовать. — Прошу васъ, довѣрьтесь исполнѣ моему опыту и порядочности!

— Я все-таки не понимаю, что вамъ нужно!

— Покажите мнѣ, сколько вы уже собрали и сколько истратили.

— У меня нѣтъ тайнъ. Всякій можетъ видѣть. Смотрите.

На столѣ лежало штукъ пять ученическихъ тетрадокъ, нѣсколько листовъ исписанной почтовой бумаги, карта уѣзда и множество клочковъ бумаги всякаго формата. Наступали сумерки. Я зажегъ свѣчку.

— Извините, я пока еще ничего не вижу, — сказалъ я, перелистывая тетради. — Гдѣ у васъ вѣдомость о поступленіи пожертвованій деньгами?

— Это видно изъ подписныхъ листовъ.

— Да-съ, но вѣдь и вѣдомость же нужна! — сказалъ я, улыбаясь ея наивности. — Гдѣ у васъ письма, при которыхъ вы получали пожертвованія деньгами и натурой? Pardon, маленькое практическое указаніе, Natalie: эти письма необходимо беречь. Вы каждое письмо нумеруйте и записывайте его въ особую вѣдомость. Такъ же вы поступайте и со своими письмами. Впрочемъ, все это я буду дѣлать самъ.

— Дѣлайте, дѣлайте... — сказала она.

Я былъ очень доволенъ собой. Увлёкшись живымъ, интереснымъ дѣломъ, маленькимъ столомъ, наивными тетрадками и прелестью, какую обѣщала мнѣ эта работа въ обществѣ жены, я боялся, что жена вдругъ помѣшаетъ мнѣ и все разстроитъ какою-нибудь неожиданною выходкой, и потому я торопился и дѣлалъ надъ собою усилія, чтобы не придавать никакого значенія тому, что у нея трясутся губы и что она пугливо и растерянно, какъ пойманный звѣрекъ, смотритъ по сторонамъ.

— Вотъ что, Natalie, — сказалъ я, не глядя на нее. — Позвольте мнѣ взять всѣ эти бумаги и тетрадки къ себѣ наверхъ. Я тамъ посмотрю, ознакомлюсь и завтра скажу вамъ свое мнѣніе. Нѣтъ ли у васъ еще какихъ бумагъ? — спросилъ я, складывая тетради и листки въ пачки.

— Верите, все берите! — сказала жена, помогая мнѣ складывать бумаги въ пачки, и крупныя слезы текли у нея по лицу. — Верите все! Это все, что оставалось у меня въ жизни... Отнимайте послѣднее.

— Ахъ, Natalie, Natalie! — вздохнулъ я укоризненно.

Она какъ-то беспорядочно, толкая меня въ грудь локтемъ и касаясь моего лица волосами, выдвинула изъ стола ящикъ и стала оттуда выбрасывать мнѣ на столъ бумаги; при этомъ мелкія деньги сыпались мнѣ на колѣни и на полъ.

— Все берите... — говорила она осипшимъ голосомъ.

Выбросивъ бумаги, она отошла отъ меня и, ухватившись обѣими руками за голову, повалилась на кушетку. Я подобралъ деньги, положилъ ихъ обратно въ ящикъ и заперъ, чтобы не вводить въ грѣхъ прислугу; потомъ взялъ въ охапку всѣ бумаги и пошелъ къ себѣ. Проходя мимо жены, я остановился и, глядя на ея спину и вздрагивающія плечи, сказалъ:

— Какой вы еще ребенокъ, Natalie! Ай-ай! Слушайте, Natalie: когда вы поймете, какъ серьезно и отвѣтственно это дѣло, то вы первая же будете благодарить меня. Клянусь вамъ.

Придя къ себѣ, я не сѣвши занялся бумагами. Тетрадки не пронумерованы, на страницахъ нумеровъ нѣтъ. Записки сдѣланы различными почерками, очевидно, въ тетрадкахъ хозяйничаетъ всякій, кто хочетъ. Въ спискахъ пожертвованій натурою не проставлена цѣна продуктовъ. Но вѣдь, позвольте, та рожь, которая теперь стоитъ 1 р. 15 к., черезъ два мѣсяца можетъ подняться въ цѣнѣ до 2 р. 15 к.

Какъ же можно такъ? Затѣмъ «выдано А. М. Соболю 32 р.». Когда выдано? Для чего выдано? Гдѣ оправдательный документъ? Ничего нѣтъ и ничего не поймешь. Въ случаѣ судебного разбирательства, эти бумаги будутъ только затѣмнять дѣло.

— Какъ она наивна!—изумлялся я.—Какой она еще ребенок!

Мнѣ было и досадно, и смѣшно.

V.

Жена собрала уже восемь тысячъ, прибавить къ нимъ мои пять—итого будетъ тринадцать. Для начала это очень хорошо. Дѣло, которое меня такъ интересовало и беспокоило, находится, наконецъ, въ моихъ рукахъ; я дѣлаю то, чего не хотѣли и не могли сдѣлать другіе, я исполняю свой долгъ, организую правильную и серьезную помощь голодающимъ.

Все, кажется, идетъ согласно съ моими намѣреніями и желаніями, но почему же меня не оставляетъ мое безпокойство? И въ продолженіе четырехъ часовъ разсматривала бумаги жены, уясняя ихъ смыслъ и исправляя ошибки, но вмѣсто успокоенія я испытывала такое чувство, какъ будто кто-то чужой стоялъ позади меня и водилъ по моей спинѣ шаршавою ладонью. Чего мнѣ не доставало? Организациа помощи попала въ надежныя руки, голодающіе будутъ сыты,—что же еще нужно?

Легкая четырехчасовая работа почему-то утомила меня, такъ что я не могъ ни сидѣть согнувшись, ни писать. Снизу изрѣдка доносились глухіе стоны—это рыдала жена. Мой всегда смирный, сонный и ханжеватый Алексѣй то и дѣло подходилъ къ столу, чтобы поправить свѣчи, и посматривалъ на меня какъ-то странно.

— Нѣтъ, надо уѣхать!—рѣшилъ я, наконецъ, выбившись изъ силъ.—Подальше отъ этихъ великолѣпныхъ впечатлѣній. Завтра же уѣду.

Я собралъ бумаги и тетрадки и пошелъ къ женѣ. Когда я, чувствуя сильное утомленіе и разбитость, прижалъ обѣими руками къ груди бумаги и тетради и, проходя черезъ спальню, увидѣлъ свои чемоданы, то до меня изъ-подъ пола донесся плачь...

— Вы камеръ-юнкеръ?—спросилъ меня кто-то на ухо.—Очень пріятно. Но все-таки вы гадина.

— Все вздоръ, вздоръ, вздоръ...—бормоталъ я, спускаясь по лѣстницѣ.—Вздоръ... И то вздоръ, будто мною руководить самолюбіе или тщеславіе... Какіе пустяки! Развѣ за голодающихъ дадутъ мнѣ звѣзду, что ли, или сдѣлають меня директоромъ департамента? Вздоръ, вздоръ! И передъ кѣмъ тутъ въ деревнѣ тщеславиться?

Я усталъ, ужасно усталъ, и что-то шептало мнѣ на ухо: «Очень пріятно. Но все же вы гадина». Почему-то я вспомнилъ строку изъ одного стариннаго стихотворенія, которое когда-то зналъ въ дѣтствѣ: «Какъ пріятно добрымъ быть!»

Жена лежала на кушеткѣ въ прежней позѣ — лицомъ внизъ и обхвативъ голову обѣими руками. Она плакала. Возлѣ нея стояла горничная съ испуганнымъ, недоумѣвающимъ лицомъ. Я отослалъ горничную, сложилъ бумаги на столъ. подумалъ и сказалъ:

— Вотъ ваша канцелярія, Natalie. Все въ порядкѣ, все прекрасно, и я очень доволенъ. Завтра я уѣзжаю.

Она продолжала плакать. Я вышелъ въ гостиную и сѣлъ тамъ въ потемкахъ. Вскликиванія жены, ея вздохи обвиняли меня въ чемъ-то, и, чтобы оправдать себя, я припоминалъ всю нашу ссору, начиная съ того какъ мнѣ пришла въ голову несчастная мысль пригласить жену на совѣщаніе, и кончая тетрадами и этимъ плачемъ. Это былъ обычный припадокъ нашей супружеской ненависти, безобразный и бессмысленный, какихъ было много послѣ нашей свадьбы, но при чемъ же тутъ голодающіе? Какъ это могло случиться, что они попали намъ подъ горячую руку? Похоже на то, какъ будто мы, гоняясь другъ за другомъ, нечаянно вѣбжали въ алтарь и подняли тамъ драку.

— Natalie,—говорю я тихо изъ гостиной:— полно, полно!

Чтобы прекратить плачь и положить конецъ этому мучительному состоянію, надо пойти къ женѣ и утѣшить, приласкать или извиниться; но какъ это сдѣлать, чтобы она мнѣ повѣрила? Какъ я могу убѣдить дикаго утенка, живущаго въ неволѣ и ненавидящаго меня, что онъ мнѣ симпатиченъ и что я сочувствую его страданію? Жены своей я никогда не зналъ и потому никогда не зналъ, о чемъ и какъ съ нею говорить. Наружность ея я зналъ хорошо и цѣнилъ по достоинству, но ея душевный, нравственный міръ, умъ, міросозерцаніе, частыя перемены въ настроеніи, ея ненавидящіе глаза, высокомеріе, начитан-

ность, которою она иногда поражала меня. или, напримѣръ, монашеское выраженіе, какъ вчера, — все это было мнѣ неизвѣстно и непонятно. Когда въ своихъ столкновеніяхъ съ нею я пытался опредѣлить, что она за человѣкъ, то моя психологія не шла дальше такихъ опредѣленій, какъ взбалмошная, несерьезная, несчастный характеръ, бабья логика—и для меня, казалось, этого было совершенно достаточно. Но теперь, пока она плакала, у меня было страстное желаніе знать больше.

Плачь прекратился. Я пошелъ къ женѣ. Она сидѣла на кушеткѣ, подперевъ голову обѣими руками, и задумчиво, неподвижно глядѣла на огонь.

— Я уѣзжаю завтра утромъ,—сказалъ я.

Она молчала. Я прошелся по комнатѣ, вздохнулъ и сказалъ:

— Natalie, когда вы просили меня уѣхать, то сказали: прошу вамъ все, все... Значить, вы считаете меня виноватымъ передъ вами. Прошу васъ, хладнокровно и въ короткихъ выраженіяхъ формулируйте мою вину передъ вами.

— Я утомлена. Послѣ какъ-нибудь...—сказала жена.

— Какая вина?—продолжалъ я.—Что я сдѣлалъ? Скажете, вы молоды, красивы, хотите жить, а я почти вдвое старше васъ и ненавидимъ вами, но развѣ это вина? Я женился на васъ не насильно. Ну, что жъ, если хотите жить на свободѣ, идите, я дамъ вамъ волю. Идите, можете любить, кого вамъ угодно... Я и разводъ дамъ.

— Этого мнѣ не надо,—сказала она. — Вы знаете, я васъ любила прежде и всегда считала себя старше васъ. Пустяки все это... Вина ваша не въ томъ, что вы старше, а въ томъ, что вы тяжелый человѣкъ, эгоистъ, ненавистникъ.

— Не знаю, можетъ-быть,—проговорилъ я.

— Уходите, пожалуйста. Вы хотите ѣсть меня до утра, но предупреждаю, я совсѣмъ ослабѣла и отвѣчать вамъ не могу. Вы дали мнѣ слово уѣхать, я очень вамъ благодарна, и больше ничего мнѣ не нужно.

Жена хотѣла, чтобы я ушелъ, но мнѣ не легко было сдѣлать это. Я ослабѣлъ и боялся своихъ большихъ, неуютныхъ, опостылѣвшихъ комнатъ. Бывало въ дѣтствѣ, когда у меня болѣло что-нибудь, я жался къ матери или нянѣ, и, когда я пряталъ лицо въ складкахъ теплаго платья, мнѣ казалось, что я прячусь отъ боли. Такъ и те-

перь почему-то мнѣ казалось, что отъ своего безпокойства я могу спрятаться только въ этой маленькой комнатѣ, около жены. Я сѣлъ и рукою заслонилъ глаза отъ свѣта. Было тихо.

— Какая вина?—сказала жена послѣ долгаго молчанія, глядя на меня красными, блестящими отъ слезъ глазами.— Вы прекрасно образованы и воспитаны, очень честны, справедливы, съ правилами, но все это выходитъ у васъ такъ, что куда бы вы ни вошли, вы всюду вносите какую-то духоту, гнетъ, что-то въ высшей степени оскорбительное, унижительное. У васъ честный образъ мыслей, и потому вы ненавидите весь міръ. Вы ненавидите вѣрующихъ, такъ какъ вѣра есть выраженіе неразвитія и невѣжества, и въ то же время ненавидите и невѣрующихъ за то, что у нихъ нѣтъ вѣры и идеаловъ; вы ненавидите стариковъ за отсталость и консерватизмъ, а молодыхъ — за вольнодумство. Вамъ дороги интересы народа и Россіи, и потому вы ненавидите народъ, такъ какъ въ каждомъ подозреваете вора и грабителя. Вы всѣхъ ненавидите. Вы справедливы и всегда стоите на почвѣ законности, и потому вы постоянно судитесь съ мужиками и сосѣдями. У васъ украли 20 кулей ржи, и изъ любви къ порядку вы пожаловались на мужиковъ губернатору и всему начальству, а на здѣшнее начальство пожаловались въ Петербургъ. Почва законности!—сказала жена и засмѣялась.— На основаніи закона и въ интересахъ нравственности вы не даете мнѣ паспорта. Есть такая нравственность и такой законъ, чтобы молодая, здоровая, самолюбивая женщина проводила свою жизнь въ праздности, въ тоскѣ, въ постоянномъ страхѣ и получала бы за это столъ и квартиру отъ человѣка, котораго она не любитъ. Вы превосходно знаете законы, очень честны и справедливы, уважаете бракъ и семейныя основы, а изъ всего этого вышло то, что за всю свою жизнь вы не сдѣлали ни одного добраго дѣла, всѣ васъ ненавидятъ, со всѣми вы въ ссорѣ и за эти семь лѣтъ, пока женаты, вы и семи мѣсяцевъ не прожили съ женой. У васъ жены не было, а у меня не было мужа. Съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, жить невозможно, нѣтъ силъ. Въ первые годы мнѣ съ вами было страшно, а теперь мнѣ стыдно... Такъ и пропали лучшіе годы. Пока воевала съ вами, я испортила себѣ характеръ, стала рѣз-

кой, грубой, пугливой, недовѣрчивой... Э, да что говорить! Развѣ вы захотите понять? Идите себѣ съ Богомъ.

Жена прилегла на кушетку и задумалась.

— А какая бы могла быть прекрасная, завидная жизнь!— тихо сказала она, глядя въ раздумьѣ на огонь. — Какая жизнь! Не вернешь теперь.

Кто живаль зимою въ деревнѣ и знаетъ эти длинные, скучные, тихіе вечера, когда даже собаки не лаютъ отъ скуки и, кажется, часы томятся отъ того, что имъ надоѣло тикать, и кого въ такіе вечера тревожила пробудившаяся совѣсть и кто безпокойно метался съ мѣста на мѣсто, желая то заглушить, то разгадать свою совѣсть, тотъ пойметъ, какое развлеченіе и наслажденіе доставлялъ мнѣ женскій голосъ, раздавшійся въ маленькой уютной комнатѣ и говорившій мнѣ, что я дурной человѣкъ. Я не понималъ, чего хочетъ моя совѣсть, и жена, какъ переводчикъ, по-женски, но ясно истолковывала мнѣ смыслъ моей тревоги. Какъ часто раньше, въ минуты сильнаго безпокойства, я догадывался, что весь секретъ не въ голодающихъ, а въ томъ, что я не такой человѣкъ, какъ нужно.

Жена черезъ силу поднялась и подошла ко мнѣ.

— Павелъ Андренчъ, — сказала она, печально улыбаясь. — Простите, я не вѣрю вамъ: вы не уѣдете. Но я еще разъ прошу. Называйте это, — она указала на свои бумажки:—самообманомъ, бабьей логикой, ошибкой, какъ хотите, но не мѣшайте мнѣ. Это все, что осталось у меня въ жизни.—Она отвернулась и помолчала.—Раньше у меня ничего не было. Свою молодость я потратила на то, что воевала съ вами. Теперь я ухватилась за это и ожила, я счастлива... Мнѣ кажется, въ этомъ я нашла способъ, какъ оправдать свою жизнь.

— Natalie, вы хорошая, идейная женщина, — сказалъ я, восторженно глядя на жену:—и все, что вы дѣлаете и говорите, прекрасно и умно.

Чтобы скрыть свое волненіе, я прошелся по комнатѣ.

— Natalie, — продолжалъ я черезъ минуту: — передъ отъѣздомъ прошу у васъ, какъ особенной милости, помогите мнѣ сдѣлать что-нибудь для голодающихъ!

— Что же я могу?—сказала жена и пожала плечами.— Развѣ вотъ только подписной листъ?

Она порылась въ своихъ бумагахъ и нашла подписной листъ.

— Пожертвуйте сколько-нибудь деньгами,—сказала она, и по ея тону замѣтно было, что своему подписному листу она не придавала серьезнаго значенія.—А участвовать въ этомъ дѣлѣ какъ-нибудь иначе вы не можете.

Я взялъ листъ и подписалъ: *Неизвѣстный—5000.*

Въ этомъ «неизвѣстный» было что-то нехорошее, фальшивое, самолюбивое, но я понялъ это только, когда замѣтилъ, что жена сильно покраснѣла и торопливо сунула листъ въ кучу бумагъ. Намъ обидно стало стыдно. Я почувствовалъ, что мнѣ непремѣнно, во что бы то ни стало, сейчасъ же нужно загладить эту неловкость, иначе мнѣ будетъ стыдно потомъ въ вагонѣ и въ Петербургѣ. Но какъ загладить? Что сказать?

— Я благословляю вашу дѣятельность, Natalie, — сказалъ я искренно: — и желаю вамъ всякаго успѣха. Но позвольте на прощанье дать вамъ одинъ совѣтъ. Natalie, держите себя поосторожнѣе съ Соболевъ и вообще съ вашими помощниками и не довѣряйтесь имъ. Я не скажу, чтобы они были не честны, но это не дворяне, это люди безъ идеи, безъ идеаловъ и вѣры, безъ цѣли въ жизни, безъ опредѣленныхъ принциповъ, и весь смыслъ ихъ зиждется на рублѣ. Рубль, рубль и рубль! — вздохнулъ я. — Они любятъ легкіе и даровые хлѣба и въ этомъ отношеніи, чѣмъ они образованнѣе, тѣмъ опаснѣе для дѣла.

Жена пошла къ кушеткѣ и прилегла.

— Идеи, идейно, — проговорила она вяло и нехотя: — идейность, идеалы, цѣль жизни, принципы... Эти слова вы говорили всегда, когда хотѣли кого-нибудь унижить, обидѣть или сказать неприятность. Вѣдь вотъ вы какой! Если съ вашими взглядами и съ такимъ отношеніемъ къ людямъ поднустить васъ близко къ дѣлу, то это значитъ разрушить дѣло въ первый же день. Пора бы это понять.

Она вздохнула и помолчала.

— Это грубость нравовъ, Павелъ Андреичъ, — сказала она.—Вы образованы и воспитаны, но въ сущности какой вы еще... скнякъ! Это оттого, что вы ведете замкнутую, ненавистническую жизнь, ни съ кѣмъ не видаетесь и не читаете ничего, кромѣ вашихъ инженерныхъ книгъ. А вѣдь есть хорошіе люди, хорошія книги! Да... Но я утомилась и мнѣ тяжело говорить. Спать надо.

— Такъ я ѣду, Natalie, — сказалъ я.

— Да, да... Merci...

Я постоялъ немного и пошелъ къ себѣ наверхъ. Часть спустя—это было въ половинѣ второго—я со свѣчкою въ рукахъ опять сошелъ внизъ, чтобы поговорить съ женой. Я не зналъ, что скажу ей, но чувствовалъ, что мнѣ нужно сказать ей что-то важное и необходимое. Въ рабочей комнатѣ ея не было. Дверь, которая вела въ спальню, была закрыта.

— Natalie, вы спите?—тихо спросилъ я.

Отвѣта не было. Я постоялъ около двери, вздохнулъ и пошелъ въ гостиную. Здѣсь я сѣлъ на диванъ, потушилъ свѣчу и просидѣлъ въ потемкахъ до самаго разсвѣта.

VI.

Выѣхалъ я на станцію въ 10 часовъ утра. Мороза не было, но валилъ съ неба крупный, мокрый снѣгъ и дулъ неприятный, сырой вѣтеръ.

Миновали прудъ, потомъ березнякъ и стали взбираться на гору по дорогѣ, которая видна изъ моихъ оконъ. Я оглянулся, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на свой домъ, но за снѣгомъ ничего не было видно. Немного погодя, впереди, какъ въ туманѣ, показались темныя избы. Это Пестрово.

«Если я когда-нибудь сойду съ ума, то виновато будетъ Пестрово,—подумалъ я.—Оно меня преслѣдуетъ».

Выѣхали на улицу. На избахъ всѣ крыши цѣлы, нѣтъ ни одной содранной,—значить, совралъ мой приказчикъ. Мальчикъ возитъ въ салазкахъ дѣвочку съ ребенкомъ, другой мальчикъ, лѣтъ трехъ, съ окутанной по-бабьи головой и съ громадными рукавицами, хочетъ поймать языкомъ летающія снѣжинки и смѣется. Вотъ навстрѣчу ѣдетъ возъ съ хворостомъ, около идетъ мужикъ, и никакъ не поймешь, сѣдъ ли онъ или же борода его бѣла отъ снѣга. Онъ узналъ моего кучера, улыбается ему и что-то говоритъ, а передо мной машинально снимаетъ шапку. Собаки выбѣгаютъ изъ дворовъ и съ любопытствомъ смотрятъ на моихъ лошадей. Все тихо, обыкновенно, просто. Вернулись переселенцы, нѣтъ хлѣба, въ избахъ «кто хохочетъ, кто на стѣну лѣзетъ», но все это такъ просто, что даже не вѣрится, чтобы это было на самомъ дѣлѣ. Ни растерянныхъ лицъ, ни голосовъ вопіющихъ о помощи, ни плача, ни брани, а кругомъ тишина, порядокъ жизни, дѣти, салазки,

собаки съ задранными хвостами. Не беспокоятся ни дѣти, ни встрѣчный мужикъ, но почему же я такъ беспокоюсь?

Глядя на улыбающагося мужика, на мальчика съ громадными рукавицами, на избы, вспоминая свою жену, я понималъ теперь, что нѣтъ такого бѣдствія, которое могло бы побѣдить этихъ людей; мнѣ казалось, что въ воздухѣ уже пахнетъ побѣдой, я гордился и готовъ былъ крикнуть имъ, что я тоже съ ними; но лошади вынесли изъ деревни въ поле, закружилъ снѣгъ, заревѣлъ вѣтеръ, и я остался одинъ со своими мыслями. Изъ миллионной толпы людей, совершавшихъ народное дѣло, сама жизнь выбрасывала меня, какъ ненужнаго, неумѣлаго, дурного человѣка. Я помѣха, частица народного бѣдствія, меня побѣдили, выбросили, и я спѣшу на станцію, чтобы уѣхать и спрятаться въ Петербургѣ, въ отелѣ на Большой Морской.

Черезъ часъ пріѣхали на станцію. Сторожъ съ бляхой и кучеръ внесли мои чемоданы въ дамскую комнату. Кучеръ Никаноръ съ заткнутою за поясъ полой, въ валенкахъ, весь мокрый отъ снѣга и довольный, что я уѣзжаю, улыбнулся мнѣ дружелюбно и сказалъ:

— Счастливой дороги, ваше превосходительство. Дай Богъ часъ.

Кстати: меня всѣ называютъ превосходительствомъ, хотя я лишь коллежскій совѣтникъ, камеръ-юнкеръ. Сторожъ сказалъ, что поѣздъ еще не выходилъ изъ сосѣдней станціи. Надо было ждать. Я выпелъ наружу и, съ тяжелой отъ безсонной ночи головой и едва передвигая ноги отъ утомленія, направился безъ всякой цѣли къ водокачкѣ. Кругомъ не было ни души.

— Зачѣмъ я ѣду?—спрашивалъ я себя.—Что меня ожидаетъ тамъ? Знакомые, отъ которыхъ я уже уѣхалъ, одиночество, ресторанные обѣды, шумъ, электрическое освѣщеніе, отъ котораго у меня глаза болятъ... Куда и зачѣмъ я ѣду? Зачѣмъ я ѣду?

И какъ-то странно было уѣзжать, не поговоривши съ женой. Мнѣ казалось, что я оставилъ ее въ неизвѣстности. Уѣзжая, слѣдовало бы сказать ей, что она права, что я въ самомъ дѣлѣ дурной человѣкъ.

Когда я повернулъ отъ водокачки, въ дверяхъ показался начальникъ станціи, на котораго я два раза уже жадовался его начальству; приподнявъ воротникъ сюртука, пожимаясь

отъ вѣтра и снѣга, онъ подошелъ ко мнѣ и, приложивъ два пальца къ козырьку, съ растеряннымъ, напряженно почтительнымъ и ненавидящимъ лицомъ сказалъ мнѣ, что поѣздъ опоздаетъ на 20 минутъ и что не желаю ли я пока обождать въ тепломъ помѣщеніи.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ я: — но, вѣроятно, я не поѣду. Велите сказать моему кучеру, чтобы онъ подождалъ. Я еще подумаю.

Я ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ и думалъ: уѣхать мнѣ, или нѣтъ? Когда пришелъ поѣздъ, я рѣшилъ, что не поѣду. Дома меня ожидали недоумѣніе и, пожалуй, насмѣшки жены, унылый верхній этажъ и мое безпокойство, но это въ мои годы все-таки легче и какъ-то роднѣе, чѣмъ ѣхать двое сутокъ съ чужими людьми въ Петербургъ, гдѣ я каждую минуту сознавалъ бы, что жизнь моя никому и ни на что не нужна и приближается къ концу. Нѣтъ, ужъ лучше домой, что бы тамъ ни было... Я вышелъ изъ станціи. Возвращаться домой, гдѣ всѣ такъ радовались моему отъѣзду, при дневномъ свѣтѣ было неловко. Остатокъ дня до вечера можно было провести у кого-нибудь изъ сосѣдей. Но у кого? Съ одними я въ натянутыхъ отношеніяхъ, съ другими незнакомъ вовсе. Я подумалъ и вспомнилъ про Ивана Ивановича.

— Поѣдемъ къ Брагину! — сказалъ я кучеру, садясь въ сани.

— Далече, — вздохнулъ Никаноръ. — Верстѣ, пожалуй, 28 будетъ, а то и всѣ 30.

— Пожалуйста, голубчикъ, — сказалъ я такимъ тономъ, какъ будто Никаноръ имѣлъ право не послушаться. — Поѣдемъ, пожалуйста!

Никаноръ съ сомнѣніемъ покачалъ головой и медленно проговорилъ, что по-настоящему слѣдовало бы запрячь въ корень не Черкеса, а Мужика или Чижика, и нерѣшительно, какъ бы ожидая, что я отмѣню свое рѣшеніе, забралъ вожжи въ рукавицы, привсталъ, подумалъ и потомъ ужъ взмахнулъ кнутомъ.

«Цѣлый рядъ непослѣдовательныхъ поступковъ... — думалъ я, пряча лицо отъ снѣга. — Это я сошелъ съ ума. Ну, пускай...»

Въ одномъ мѣстѣ на очень высокомъ и крутомъ спускѣ Никаноръ осторожно спустилъ лошадей до половины горы, но съ половины лошади вдругъ сорвались и со страшною

быстротой понесли вниз; онъ вздрогнулъ, поднялъ локти и закричалъ дикимъ, неистовымъ голосомъ, какого я раньше никогда у него не слышалъ:

— Эй, прокатимъ генерала! Запалимъ, новыхъ купитъ, голубчики! Ай, берегись, задавимъ!

Только теперь, когда у меня отъ необыкновенно быстрой ѣзды захватило дыханіе, я замѣтилъ, что онъ сильно пьянъ; должно-быть, на станціи выпилъ. На днѣ оврага затрещалъ ледъ, кусокъ крѣпкаго унавоженного снѣга, сбитый съ дороги, больно ударилъ меня по лицу. Разбѣжавшіяся лошади съ разгону понесли на гору такъ же быстро, какъ съ горы, и не успѣлъ я крикнуть Никанору, какъ моя тройка уже летѣла по ровному мѣсту, въ старомъ еловомъ лѣсу, и высокія ели со всѣхъ сторонъ протягивали ко мнѣ свои бѣлыя мохнатыя лапы.

«Я сошелъ съ ума, кучеръ пьянъ...—думалъ я.—Хорошо!»

Ивана Иваныча я засталъ дома. Онъ закаплялся отъ смѣха, положилъ мнѣ на грудь голову и сказалъ то, что всегда говоритъ при встрѣчѣ со мной:

— А вы все молодѣете. Не знаю, какой это вы краской голову и бороду красите, мнѣ бы дали.

— Я, Иванъ Иванычъ, пріѣхалъ вамъ визитъ отдать,—солгалъ я.—Не взъичите, человекъ я столичный, съ предразсудками, считаюсь визитами.

— Радъ, голубчикъ! Я изъ ума выжилъ, люблю честь... Да.

По его голосу и блаженно улыбавшемуся лицу я могъ судить, что своимъ визитомъ я сильно польстилъ ему. Въ передней шубу съ меня снимали двѣ бабы, а повѣсилъ ее на крючокъ мужикъ въ красной рубахѣ. И когда мы съ Иваномъ Иванычемъ вошли въ его маленькій кабинетъ, двѣ босыя дѣвочки сидѣли на полу и разсматривали иллюстрацію въ переплетѣ; увидѣвъ насъ, онѣ вспрыгнули и побѣжали вонъ, и тотчасъ же вошла высокая тонкая старуха въ очкахъ, степенно поклонилась мнѣ и, подобравъ съ дивана подушку, а съ полу иллюстрацію, вышла. Изъ сосѣднихъ комнатъ непрерывно слышались шопотъ и шлепанье босыхъ ногъ.

— А я къ себѣ доктора жду обѣдать,—сказалъ Иванъ Иванычъ.—Обѣщалъ съ пункта заѣхать. Да. Онъ у меня каждую среду обѣдаетъ, дай Богъ ему здоровья.—Онъ потянулся ко мнѣ и поцѣловалъ въ шею.—Пріѣхали, голуб-

чткъ—значить, не сердитесь,—заменталъ онъ, сопя.— Не сердитесь, матушка. Да. Можетъ, и обидно, но не надо сердиться. Я объ одномъ только прошу Бога передъ смертью: со всѣми жить въ мирѣ и согласіи, по правдѣ! Да.

— Простите, Иванъ Ивановичъ, я положу ноги на кресло,— сказала я, чувствуя, что отъ сильнаго утомленія я не могу быть самимъ собой; я поглубже сѣлъ на диванъ и протянулъ ноги на кресло. Послѣ снѣга и вѣтра у меня горѣло лицо и, казалось, все тѣло впитывало въ себя теплоту и отъ этого становилось слабѣе.— У васъ тутъ хорошо,— продолжалъ я:— тепло, мягко, уютно... И гусинья перья,— засмѣялся я, поглядѣвъ на письменный столъ:— песочница...

— А? Да, да... Письменный столъ и вотъ этотъ шкапчикъ изъ краснаго дерева дѣлалъ моему отцу столяръ-самоучка Глѣбъ Бутыга, крѣпостной генерала Жукова. Да... Большой художникъ по своей части.

Вяло, тономъ засыпающаго человѣка, онъ сталъ рассказывать мнѣ про столяра Бутыгу. Я слушалъ. Потомъ Иванъ Ивановичъ вышелъ въ сосѣдную комнату, чтобы показать мнѣ замѣчательный по красотѣ и дешевизнѣ комодъ изъ палисандроваго дерева. Онъ постучалъ пальцемъ по комоду, потомъ обратилъ мое вниманіе на изразцовую печь съ рисунками, которыхъ теперь нигдѣ не встрѣтишь. И по печи постучалъ пальцемъ. Отъ комода, изразцовой печи и отъ кресель и картинъ, шитыхъ шерстью и шелкомъ по канвѣ, въ прочныхъ и некрасивыхъ рамахъ, вѣяло добродушіемъ и сытостью. Какъ вспомнишь, что всѣ эти предметы стояли на этихъ же мѣстахъ и точно въ такомъ же порядкѣ, когда я еще былъ ребенкомъ и пріѣзжалъ сюда съ матерью на именины, то просто не вѣрится, чтобы они могли когда-нибудь не существовать.

Я думалъ: какая страшная разница между Бутыгой и мной! Бутыга, строившій прежде всего прочно и основательно и видѣвшій въ этомъ главное, придавалъ какое-то особенное значеніе человѣческому долготѣю, не думалъ о смерти и, вѣроятно, плохо вѣрилъ въ ея возможность; я же, когда строилъ свои желѣзные и каменные мосты, которые будутъ существовать тысячи лѣтъ, никакъ не могъ удержаться отъ мыслей: «Это не долговѣчно... Это ни къ чему». Если со временемъ какому-нибудь толковому историку искусствъ попадутся на глаза шкапъ Бутыги и мой

мость, то онъ скажетъ: «Это два въ своемъ родѣ замѣчательныхъ человѣка: Бутыга любилъ людей и не допускалъ мысли, что они могутъ умирать и разрушаться, и потому, дѣлая свою мебель, имѣлъ въ виду безсмертнаго человѣка, инженеръ же Асоринъ не любилъ ни людей, ни жизни; даже въ счастливыя минуты творчества ему не были противны мысли о смерти, разрушеніи и конечности, и потому, посмотрите, какъ у него ничтожны, конечны, робки и жалки эти линіи»...

— Я только эти комнаты топлю,—бормоталъ Иванъ Ивановичъ, показывая мнѣ свои комнаты.—Съ тѣхъ поръ, какъ умерла жена и сына на войнѣ убили, я заперъ парадныя. Да... вотъ...

Онъ отперъ одну дверь, и я увидѣлъ большую комнату съ четырьмя колоннами, старый фортепьяно и кучу гороху на полу; пахло холодомъ и запахомъ сырья.

— А въ другой комнатѣ садовыя скамейки...—бормоталъ Иванъ Ивановичъ.—Некому ужъ мазурку танцевать... Заперъ.

Послышался шумъ... Это пріѣхалъ докторъ Соболевъ. Пока онъ съ холоду потиралъ руки и приводилъ въ порядокъ свою мокрую бороду, я успѣлъ замѣтить, что, во-первыхъ, ему жилось очень скучно и потому приятно было видѣть Ивана Ивановича и меня, и во-вторыхъ, это былъ простоватый и наивный человѣкъ. Онъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто я былъ очень радъ его видѣть и очень инте ресуюсь имъ.

— Дѣй ночи не спалъ!—говорилъ онъ, наивно глядя на меня и причесываясь.— Одну ночь съ роженицей, а другую, всю напролетъ, клопы кусали, у мужика ночевалъ. Спать хочу, понимаете ли, какъ сатана.

Съ такимъ выраженіемъ, какъ будто это не можетъ доставить мнѣ ничего, кромѣ удовольствія, онъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ столовую. Его наивные глаза, помятый сюртукъ, дешевый галстукъ и запахъ іодоформа произвели на меня неприятное впечатлѣніе; я почувствовалъ себя въ дурномъ обществѣ. Когда сѣли за столъ, онъ налилъ мнѣ водки, и я, беспомощно улыбаясь, выпилъ; онъ положилъ мнѣ на тарелку кусокъ ветчины — и я покорно сѣлъ.

— *Repetitia est mater studiorum*,—сказалъ Соболевъ, торопясь выпить другую рюмку.— Вѣрите ли, отъ радости,

что хорошихъ людей увидѣлъ, даже сонъ прошелъ. И мужикъ, одичалъ въ глуши, огрубѣлъ, но я все-таки еще, господа, интеллигентный человѣкъ и искренно говорю вамъ: тяжело безъ людей!

Подали на холодное бѣлаго поросенка съ хрѣномъ и со сметаной, потомъ жирныя, очень горячія щи со свиной и гречневую кашу, отъ которой столбомъ валилъ паръ. Докторъ продолжалъ говорить, и скоро я убѣдился, что это былъ слабый, вишше безпорядочный и несчастный человѣкъ. Отъ трехъ рюмокъ онъ ошьянѣлъ, неестественно оживился, ѣлъ очень много, покрывавая и причмокивая, и меня уже величалъ по-италиански: экчеленца. Наивно глядя на меня, какъ будто увѣренный, что я очень радъ видѣть его и слушать, онъ сообщилъ мнѣ, что со своею женой онъ давно уже разошелся и отдаетъ ей три четверти своего жалованья; что живетъ она въ городѣ съ его дѣтьми — мальчикомъ и дѣвочкой, которыхъ онъ обожаетъ, что любитъ онъ другую, вдову-помѣщицу, интеллигентную женщину, но бываетъ у нея рѣдко, такъ какъ бываетъ занятъ своимъ дѣломъ съ утра до ночи и совсѣмъ не имѣетъ свободнаго времени.

— Цѣлый день то въ больницѣ, то въ разъѣздахъ, — рассказывалъ онъ: — и, клянусь вамъ, экчеленца, не только что къ любимой женщинѣ съѣздить, но даже книжку прочесть некогда. Десять лѣтъ ничего не читалъ! Десять лѣтъ, экчеленца! Что же касается матеріальной стороны, то вотъ извольте спросить у Ивана Ивановича: табаку купить иной разъ не на что.

— Зато у васъ нравственное удовлетвореніе, — сказалъ я.

— Чего-съ? — спросилъ онъ и прищурилъ одинъ глазъ. — Нѣтъ, давайте ужъ лучше выпьемъ.

Я слушалъ доктора и по своей всегдашней привычкѣ подводилъ къ нему свои обычныя мѣрки, — матеріальность, идеальность, рубль, стадные инстинкты и т. п., но ни одна мѣрка не подходила даже приблизительно; и странное дѣло, пока я только слушалъ и глядѣлъ на него, то онъ, какъ человѣкъ, былъ для меня совершенно ясенъ, но какъ только я начиналъ подводить къ нему свои мѣрки, то при всей своей откровенности и простотѣ онъ становился необыкновенно сложной, запутанной и непонятной натурой. Можетъ ли этотъ человѣкъ, спрашивалъ я себя, растратить чужія

деньги, злоупотребить довѣріемъ, имѣть склонность къ даровымъ хлѣбамъ? И теперь этотъ, когда-то серьезный значительный вопросъ казался мнѣ наивнымъ, мелочнымъ и грубымъ.

Подали пирогъ, потомъ, помню, съ длинными промежутками, въ продолженіе которыхъ мы пили наливку, подавали соусъ изъ голубей, что-то изъ потроховъ, жаренаго поросенка, утку, куропатокъ, цвѣтную капусту, вареники, творогъ съ молокомъ, кисель и, подь конецъ, блинчики съ вареньемъ. Сначала, особенно щи и кашу, я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, но потомъ жевалъ и глоталъ машинально, безпомощно улыбаясь и не ощущая никакого вкуса. Отъ горячихъ щей и отъ жары, какая была въ комнатѣ, у меня сильно горѣло лицо. Иванъ Ивановичъ и Соболевъ тоже были красны.

— За здоровье вашей супруги, — сказала Соболевъ. — Она меня любитъ. Скажите ей, что кланялся ей лейбъ-медикъ.

— Счастливая, ей-Богу! — вздохнулъ Иванъ Ивановичъ. — Не хлопотала, не беззаконяла, не суетилась, а вышло такъ, что она теперь первая персона во всемъ уѣздѣ. Почти все дѣло у нея въ рукахъ и около нея всѣ: и докторъ, и земскіе начальники, и барыни. У настоящихъ людей это какъ-то само собой выходитъ. Да... Яблокъ не надо беспокоиться, чтобы на ней яблоки росли — сами вырастутъ.

— Не беспокоятся равнодушные, — сказалъ я.

— А? Да, да... — забормоталъ Иванъ Ивановичъ, не слышавъ. — Это вѣрно... Надо быть равнодушнымъ. Такъ, такъ... Именно... Будь только справедливъ передъ Богомъ и людьми, а тамъ — хоть трава не расти.

— Экчеленца, — сказалъ торжественно Соболевъ: — посмотрите вы на окружающую природу: высунь изъ воротника носъ или ухо — откусить; останься въ полѣ на одинъ часъ — снѣгомъ засыплетъ. А деревня такая же, какая еще при Рюрикѣ была, нисколько не измѣнилась, тѣ же печенѣги и половцы. Только и знаемъ, что горимъ, голодаемъ и на всѣ лады съ природой воюемъ. О чемъ бишь я? Да! Если, понимаете ли, хорошенько вдуматься, взглядѣться да разобрать эту, съ позволенія сказать, кашу, то вѣдь это не жизнь, а пожаръ въ театрѣ! Тутъ, кто падаетъ или кричитъ отъ страха и мечется, тотъ первый врагъ порядка. Надо стоять прямо и глядѣть въ оба — и ни чичиркѣ! Тутъ ужъ некогда нюни распускать и мелочами заниматься. Коли имѣешь дѣло со

стихіей, то и выставляй противъ нея стихію,—будь твердь и неподатливъ, какъ камень. Не такъ ли, дѣдушка? — повернулся онъ къ Ивану Иванычу и засмѣялся. — Я самъ баба, тряпка, кисляй кисляичъ и потому терпѣть не могу кислоты. Не люблю мелкихъ чувствъ! Одинъ хандрить, другой трусить, третій войдетъ сейчасъ сюда и скажетъ: «Ишь ты, уперли десять блюдъ и заговорили о голодающихъ!» Мелко и глупо! Четвертый попрекнетъ васъ, экчеленца, что вы богаты. Извините меня, экчеленца,—продолжалъ онъ громко, приложивъ руку къ сердцу: — но то, что вы задали нашему слѣдователю работу, что онъ вашихъ воровъ день и ночь ищетъ, извините, это тоже мелко съ вашей стороны. Я выпивши, потому и говорю это сейчасъ, но понимаете ли, мелко!

— Кто его просить беспокоиться, не понимаю?—сказалъ я, вставая; мнѣ вдругъ стало невыносимо стыдно и обидно, и я заходилъ около стола.—Кто его просить беспокоиться? Я вовсе не просилъ... Чортъ его подери совсѣмъ!

— Троекъ арестовалъ и выпустилъ. Оказались не тѣ и теперь новыхъ ищетъ,—засмѣялся Соболевъ.—Грѣхи!

— И я вовсе не просилъ его беспокоиться,—сказалъ я, готовый заплакать отъ волненія. — Къ чему, къ чему все это? Ну, да, положимъ, я былъ не правъ, поступалъ я дурно, положимъ, но зачѣмъ они стараются, чтобы я былъ еще больше не правъ?

— Ну, ну, ну, ну!—сказалъ Соболевъ, успокаивая меня.— Ну, я выпивши, потому и сказалъ. Языкъ мой—врагъ мой. Ну-съ,—вздыхнулъ онъ:—пошли, наливки попили, а теперь на боковую.

Онъ всталъ изъ-за стола, поцѣловалъ Ивана Иваныча въ голову и, пошатываясь отъ сытости, вышелъ изъ столовой. Я и Иванъ Иванычъ молча покурили.

— Я, родной мой, не сплю послѣ обѣда,—сказалъ Иванъ Иванычъ:—а вы пожалуйста въ диванную, отдохните.

Я согласился. Въ полутемной, жарко натопленной комнатѣ, которая называлась диванною, стояли у стѣнъ длинныя, широкіе диваны, крѣпкіе и тяжелые, работы столяра Бутыги; на нихъ лежали постели высокія, мягкія, бѣлыя, постланныя, вѣроятно, старушкою въ очкахъ. На одной постели, лицомъ къ спинкѣ дивана, безъ сюртука и безъ сапогъ, спалъ уже Соболевъ; другая ожидала меня. Я снялъ

сюртукъ, разулся и, подчиняясь усталости, духу Бутыги, который виталь въ тихой диванной, и легкому, ласковому храпу Соболя, покорно легъ!

И тотчасъ же мнѣ стали сниться жена, ся комната, начальникъ станціи съ ненавидящимъ лицомъ, кучи снѣга, пожаръ въ театрѣ... Приснились мужики, вытацившие у меня изъ амбара двадцать кулей ржи...

— Все-таки это хорошо, что слѣдователь отпустилъ ихъ,—говорю я.

Я просыпаюсь отъ своего голоса, минуту съ недоумѣніемъ смотрю на широкую спину Соболя, на его жилетную пряжку и толстыя пятки, потомъ опять ложусь и засыпаю.

Когда я проснулся въ другой разъ, было уже темно. Соболю спалъ. На душѣ у меня было покойно и хотѣлось поскорѣе домой. Я одѣлся и вышелъ изъ диванной. Иванъ Ивановичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ большомъ креслѣ совершенно неподвижно и глядѣлъ въ одну точку, и видно было, что въ такомъ состояніи оцѣпенѣнія онъ находился все время, пока я спалъ.

— Хорошо!—сказалъ я, зѣвая.—У меня такое чувство, какъ будто я проснулся послѣ розговѣнья на Пасху. Я къ вамъ теперь часто буду ѣздить. Скажите, у васъ обѣдала жена когда-нибудь?

— Бы... ба... бы... бываетъ,—забормоталъ Иванъ Ивановичъ, дѣлая усиліе, чтобы пошевелиться. — Въ прошлую субботу обѣдала. Да... Она меня любитъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія я сказалъ:

— Помните, Иванъ Ивановичъ, вы говорили, что у меня дурной характеръ и что со мной тяжело? Но что надо сдѣлать, чтобы характеръ былъ другой?

— Не знаю, голубчикъ... Я человѣкъ сырой, обрызгъ, совѣтовать уже не могу... Да... А сказалъ я вамъ тогда потому, что люблю васъ, и жену вашу люблю, и отца любилъ... Да. Я скоро помру и какая мнѣ надобность таиться отъ васъ или врать? Такъ и говорю: люблю васъ крѣпко, но не уважаю. Да, не уважаю.

Онъ повернулся ко мнѣ и проговорилъ шопотомъ, задыхаясь:

— Невозможно васъ уважить, голубчикъ. Съ виду вы какъ будто и настоящій человѣкъ. Наружность у васъ и осанка какъ у французскаго президента Карно,—въ иллю-

страціи намедни видѣль... да... Говорите вы высоко, и умны вы, и въ чинахъ, рукой до васъ не достанешь, но, голубчикъ, у васъ душа не настоящая... Силы въ ней нѣтъ... Да.

— Скинь, однимъ словомъ,—засмѣялся я.—Но что жена? Расскажите мнѣ что-нибудь про мою жену. Вы ее больше знаете.

Мнѣ хотѣлось говорить про жену, но вошелъ Соболевъ и помѣшалъ.

— Поспалъ, умылся, — сказалъ онъ, наивно глядя на меня:—позвоню чайку съ ромомъ и домой.

VII.

Быль уже восьмой часъ вечера. Изъ передней до крыльца, кромѣ Ивана Ивановича, провожали насъ съ причитываніями и пожеланіями всякихъ благъ баба, старуха въ очкахъ, дѣвочки и мужикъ, а около лошадей въ потемкахъ стояли и бродили какіе-то люди съ фонарями, учили нашихъ кучеровъ, какъ и гдѣ лучше проѣхать, и желали намъ добраго пути. Лошади, сани и люди были бѣлы.

— Откуда у него столько народу? — спросилъ я, когда моя тройка и докторская пара шагомъ выѣзжали со двора.

— Это все его крѣпостные,—сказалъ Соболевъ.—До него еще не дошло положеніе. Кое-кто изъ старой прислуги свой вѣкъ доживаетъ; ну, спротки разныя, которымъ дѣваться некуда; есть и такіе, что насильно живутъ, не выгонись. Чудной старикъ!

Опять быстрая ѣзда, необыкновенный голосъ пьянаго Никанора, вѣтеръ и неотвязчивый снѣгъ, лѣзущій въ глаза, въ ротъ, во всѣ складки шубы...

«Эка меня носить!»—думаю я, а мои колокольчики заливаются вмѣстѣ съ докторскими, вѣтеръ свиститъ, кучера гикаютъ и подъ этотъ неистовый шумъ я вспоминаю всѣ подробности этого страннаго, дикаго, единственнаго въ моей жизни дня, и мнѣ кажется, что я въ самомъ дѣлѣ съ ума сошелъ или же сталъ другимъ человѣкомъ. Какъ будто тотъ, кѣмъ я былъ до сегодняшняго дня, мнѣ уже чуждъ.

Докторъ ѣхалъ позади и все время громко разговаривалъ со своимъ кучеромъ. Изрѣдка онъ догонялъ меня, ѣхалъ рядомъ и все съ тою же наивною увѣренностью, что для меня это очень пріятно, предлагалъ папирозъ, просилъ спичекъ. А то, поровнявшись со мной, онъ вдругъ вытянулся въ са-

няхъ во весь ростъ, замахаль рукавами своей шубы, которые были у него чуть ли не вдвое длиннѣе рукъ, и закричалъ:

— Луни, Васька! Обгони-ка тысячныхъ! Эй, котята!

И докторскія котята при громкомъ злорадномъ смѣхѣ Соболя и его Васьки понеслись впередъ. Мой Никаноръ обидѣлся и придержаль тройку, но когда не стало уже слышно докторскихъ звонковъ, подняль локти, гикнулъ и моя тройка, какъ бѣшеная, понеслась вдогонку. Мы въѣхали въ какую-то деревню. Вотъ мелькнули огоньки, силуэты избъ, кто-то крикнулъ: «Ишь, черти!» Проскакали, кажется, версты двѣ, а улица все еще тянется и конца ей не видно. Когда поровнялись съ докторомъ и поѣхали тише, онъ попросилъ спичекъ и сказалъ:

— Вотъ прокормите-ка эту улицу! А вѣдь здѣсь пять такихъ улицъ, сударь. Стой! Стой!—закричалъ онъ.—Къ трактиру поворачивай! Надо согрѣться и лошадямъ отдохнуть.

Остановились около трактира.

— У меня въ епархіи не одна такая деревенька,—говорилъ докторъ, отворяя тяжелую дверь съ визжащимъ блокомъ и пропуская меня впередъ.—Среди бѣла дня взглянешь на такую улицу—конца не видать, а тутъ еще переулки, и только затылокъ почешешь. Трудно что-нибудь сдѣлать.

Мы вошли въ «чистую» комнату, гдѣ сильно нахло скатертями, и при нашемъ входѣ вскочилъ съ лавки заспанный мужикъ въ жилеткѣ и рубахѣ на-выпускъ. Соболю попросилъ пива, а я чаю.

— Трудно что-нибудь сдѣлать,—говорилъ Соболю.—Ваша супруга вѣрить, я преклоняюсь передъ ней и уважаю, но самъ глубоко не вѣрю. Пока наши отношенія къ народу будутъ носить характеръ обычной благотворительности, какъ въ дѣтскихъ пріютахъ или инвалидныхъ домахъ, до тѣхъ поръ мы будемъ только хитрить, вилять, обманывать себя и больше ничего. Отношенія наши должны быть дѣловыя, основанныя на расчетѣ, знаніи и справедливости. Мой Васька всю свою жизнь былъ у меня работникомъ; у него не уродило, онъ голоденъ и боленъ. Если я даю ему теперь по 15 коп. въ день, то этимъ я хочу вернуть его въ прежнее положеніе работника, то-есть охраняю прежде всего свои интересы, а между тѣмъ эти 15 коп. я почему-то называю помощью, пособіемъ, добрымъ дѣломъ. Теперь будемъ говорить такъ. По самому скромному расчету, считая по 7 коп.

на душу и по 5 душъ въ семьѣ, чтобы прокормить 1.000 семействъ, нужно 350 руб. въ день. Этой цифрой опредѣляются наши дѣловыя обязательныя отношенія къ 1.000 семействъ. А между тѣмъ мы даемъ не 350 въ день, а только 10 и говоримъ, что это пособіе, помощь, что за это ваша супруга и всѣ мы исключительно прекрасные люди, и да здравствуетъ гуманность. Такъ-то, душа моя! Ахъ, если бы мы поменьше толковали о гуманности, а побольше бы считали, разсуждали да совѣстливо относились къ своимъ обязательствамъ! Сколько среди насъ такихъ гуманныхъ, чувствительныхъ людей, которые искренно бѣгаютъ по дворамъ съ подписными листами, но не платятъ своимъ портнымъ и кухаркамъ. Логикки въ нашей жизни нѣтъ, вотъ что! Логикки!

Мы помолчали. Я мысленно сдѣлалъ расчетъ и сказалъ:

— Я буду кормить тысячу семействъ въ продолженіе двухсотъ дней. Вы пріѣзжайте завтра поговорить.

Я былъ доволенъ, что это вышло у меня просто, и былъ радъ, что Соболевъ отвѣтилъ мнѣ еще проще:

— Ладно.

Мы заплатили, что нужно, и вышли изъ трактира.

— Люблю такъ путаться,—сказалъ Соболевъ, садясь въ сани.—Экчеленца, одолжите спичку: я свои въ трактирѣ забылъ.

Черезъ четверть часа его пара отстала, и сквозь шумъ метели уже не слышно было его звонковъ. Пріѣхавъ домой, я прошелся по своимъ комнатамъ, стараясь обдумать и возможно яснѣе опредѣлить себѣ свое положеніе; у меня не было готово для жены ни одной фразы, ни одного слова. Голова не работала.

Не придумавъ ничего, я отправился внизъ къ женѣ. Она стояла у себя въ комнатѣ все въ томъ же розовомъ капотѣ и въ той же позѣ, какъ бы загоразивая отъ меня свои бумаги. Лицо ея выражало недоумѣніе и насмѣшку. Видно было, что она, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, приготовилась не плакать, не просить и не защищать себя, какъ вчера, а смѣяться надо мною, отвѣчать мнѣ презрѣніемъ и поступать рѣшительно. Лицо ея говорило: если такъ, то прощайте.

— Natalie, я не уѣхалъ,—сказалъ я:—но это не обманъ. Я съ ума сошелъ, постарѣлъ, боленъ, сталъ другимъ чело-

вѣкомъ — какъ хотите, думайте... Отъ прежняго самого себя я отшатнулся съ ужасомъ, съ ужасомъ презираю и стыжусь его, а тотъ новый человѣкъ, который во мнѣ со вчерашняго дня, не пускаетъ меня уѣхать. Не гоните меня, Natalie!

Она пристально посмотрѣла мнѣ въ лицо, повѣрила, и въ ея глазахъ блеснуло безпокойство. Очарованный ея присутвіемъ, согрѣтый тепломъ ея комнаты, я бормоталъ какъ въ бреду, протягивая къ ней руки:

— Я говорю вамъ: кромѣ васъ, у меня никого нѣтъ близкихъ. Я ни на одну минуту не переставалъ скучать по васъ, и только упрямое самолюбіе мѣшало мнѣ сознаваться въ этомъ. Того прошлаго, когда мы жили какъ мужъ и жена, не вернешь, и не нужно, но вы сдѣлайте меня вашимъ слугой, возьмите все мое состояніе и раздайте его, кому хотите. Я покоенъ, Natalie, я доволенъ... Я покоенъ.

Жена, пристально и съ любопытствомъ смотрѣвшая мнѣ въ лицо, вдругъ тихо вскрикнула, заплакала и выбѣжала въ сосѣдную комнату. Я пошелъ къ себѣ наверхъ.

Черезъ часъ я уже сидѣлъ за столомъ и писалъ «Исторію желѣзныхъ дорогъ», и голодающіе не мѣшали мнѣ дѣлать это. Теперь я уже не чувствую безпокойства. Ни тѣ безпорядки, которые я видѣлъ, когда на-дняхъ съ женою и съ Сободемъ обходилъ избы въ Пестровѣ, ни зловѣщія слухи, ни ошибки служащихъ людей, ни моя близкая старость—ничто не безпокоитъ меня. Какъ летающія ядра и пули на войнѣ не мѣшаютъ солдатамъ говорить о своихъ дѣлахъ, ѣсть и починять обувь, такъ и голодающіе не мѣшаютъ мнѣ покойно спать и заниматься своими личными дѣлами. У меня въ домѣ, во дворѣ и далеко кругомъ кипитъ работа, которую докторъ Соболевъ называетъ «благотворительною оргіей»; жена часто входитъ ко мнѣ и безпокойно обводитъ глазами мои комнаты, какъ бы ища, что еще можно отдать голодающимъ, чтобы «найти оправданіе своей жизни», и я вижу, что, благодаря ей, скоро отъ нашего состоянія не останется ничего, и мы будемъ бѣдны, но это не волнуетъ меня, и я весело улыбаюсь ей. Что будетъ дальше, не знаю.

Оглавление

VII ТОМА.

	СТР.		СТР.
Володя	3	Припадокъ	119
Книгина	16	Шампанское	142
Бѣда	28	Въ ссылкѣ	148
Спать хочется	35	Отецъ	157
Холодная кровь	41	Жена	165
Скучная исторія	59		

INSTITUT
LITERATURY I Sztuki
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 71
Tel. 26-68-63

F

24.113/
7